

ЗАПРЕТНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

РОМАН

ТАТЬЯНА ЛИВ

 ДОСТУП
ЗАПРЕЩЕН
КРОМЕ ПЕРСОНАЛА

Пятьдесят лучших умов страны.
Закрытый научный центр.
Правило первое: не влюбляйся.
Правило второе: не задавай вопросов.

Аня нарушила оба — и узнала,
что называется "**Запретный эксперимент**".

Татьяна Лив

Запретный эксперимент

«Автор»

2026

Лив Т.

Запретный эксперимент / Т. Лив — «Автор», 2026

Пятьдесят лучших умов страны. Закрытый научный центр в глубине леса. Контракт, после которого жизнь делится на «до» и «после». Анна, молодой генетик, получает приглашение, о котором мечтает каждый учёный, — работать в легендарном «Велесе». Зарплата, оборудование, признание. Всё, ради чего она двенадцать лет жила одной только работой. Правило первое: не влюбляйся. Правило второе: не задавай вопросов. Её куратор — Алексей Зимин — молчалив, холоден и знает о центре больше, чем говорит. Аня нарушает оба правила. Сначала исчезают коллеги. Потом — данные. Потом — её собственная вера в то, что «Велес» спасает жизни. За идеальными стенами скрывается эксперимент, которого не должно существовать. И чем глубже Аня копает, тем яснее понимает: отсюда не увольняются. Отсюда исчезают. Чтобы выжить, ей придётся довериться единственному человеку, который не должен был её полюбить. И который сам — часть того, что она пытается уничтожить. Но даже если они выберутся — закончится ли это на самом деле?

© Лив Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Звонок	5
Глава 2 Проводы	12
Глава 3 Прометей	18
Глава 4 Куратор	26
Глава 5 50 умов	33
Глава 6 Базовый уровень	39
Глава 7 Константин	45
Глава 8 Аномалия	50
Глава 9 Ближе	57
Глава 10 Доклад	63
Глава 11 Правило первое	69
Глава 12 Флэшка	75
Глава 13 Бессонница	81
Глава 14 Вопросы	87
Глава 15 Марина исчезает	94
Глава 16 В ловушке	100
Глава 17 Срыв	105
Глава 18 Правда на двоих	110
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Татьяна Лив

Запретный эксперимент

Глава 1 Звонок

ГЛАВА 1. ЗВОНОК

Кран в лаборатории капал каждый день, его ремонтировали, но через пару дней все возвращалось обратно.

Аня знала ритм наизусть — четыре капли в секунду, пауза, потом ещё четыре. Иногда ей казалось, что это морзянка, и, если разгадать, окажется, что вселенная пытается ей что-то сказать. Что-нибудь умное. Например — *уходи отсюда*.

Она сняла очки, потерла глаза пальцами и надела очки обратно, потом подвинула штатив с пробирками и посмотрела на экран. График ползал неспеша и плавно, как улитка, ползущая по своим делам. Реакция шла. Медленно, но шла. Это было хорошо — и одновременно невыносимо. Хорошо, потому что подтверждало её гипотезу. Невыносимо — потому что на нормальном оборудовании она получила бы результат за двадцать минут, а здесь сидела уже четвёртый час.

— Соколова, ты ещё живая?

Аня даже не подняла глаза. Голос Виталика она опознавала по запаху — водка, сигареты, плохой одеколон.

— Живая, Виталий Сергеевич.

— А чего сидишь?

— Работаю.

— Работа не волк, работа ворк, в лес не убежит. — Он засмеялся собственной шутке, как смеялся ей последние семь лет. — Пойду, сегодня по пятьдесят. Пятница же.

— Сегодня среда, Виталий Сергеевич, — вздохнула Аня.

— Среда — это маленькая пятница. — Философски заметил Филатов и поднял указательный палец вверх.

Он постоял ещё секунду и вышел. Дверь хлопнула. Аня выдохнула. Все эти избитые шутки она слушала каждый день и знала их наизусть.

В лаборатории снова стало тихо — только капал кран и гудела старая центрифуга, в которой что-то ритмично постукивало, как будто внутри сидел маленький недовольный человечек и стучал молотком.

Она посмотрела на часы. Половина девятого. За окном уже было темно — середина зимы, декабрь, рано темнеет, серый снег лежал под жёлтыми фонарями. Дома ждал ее кот, который, скорее всего, уже опрокинул миску с водой просто из принципа.

Аня сняла очки, потёрла переносицу. Глаза болели. Спина болела. Кресло было старое, продавленное, но новые кресла никто не собирался им покупать, так как не было финансирования. Филатов лишь развёл руками

Зазвонил телефон.

Незнакомый номер. Московский. Аня нахмурилась — она не любила незнакомые номера, она не любила разговоры по телефону, а если быть честной, она, в принципе, не любила разговаривать с людьми. Если бы могла, общалась бы с миром только письменно — по ватсап, телеге или по электронной почте.

— Слушаю.

— Анна Дмитриевна Соколова? — Женский голос. Чёткий, строгий как у учительницы в старших классах.

— Да.

— Меня зовут Татьяна Александровна, я секретарь Виктора Леонидовича Харитонов. Корпорация «ВЕЛЕС».

Аня молчала ровно три секунды. Потом её пальцы разжались, и кружка, которую она держала в руках с остывшим чаем, выпала из ее рук и разбилась об пол.

— Простите? — Переспросила Аня, судорожно пытаясь вытереть чай с пола полотенцем, которое лежало на столе.

— Виктор Леонидович Харитонов хотел бы пригласить вас на собеседование. Оно состоится в пятницу, в три часа дня, в Москве. Билеты на поезд для вас уже забронированы. Расходы на билеты и гостиницу оплачивает наша сторона. Удобно ли вам это время?

В голове Ани щёлкнуло пустотой. Будто кто-то на секунду выключил электричество.

Харитонов. Виктор Леонидович. «Велес».

Эти три слова не должны были звучать в одном предложении с её фамилией. Это было ошибкой системы — как когда кассир в супермаркете вдруг говорит: «С вас 2000 рублей», а у тебя в пакете молоко, хлеб и зефир для чая.

— Анна Дмитриевна? Алло? Вы слышите меня?

— Слышу.

— Какой будет ваш ответ? Вы сможете приехать? Вам удобно?

— Удобно.

— Прекрасно. Я отправлю вам подробности на электронную почту в течение часа. Пожалуйста, имейте при себе паспорт и копию диплома. До встречи в пятницу.

— До свидания, — сказала Аня в трубку, в которой уже шли короткие гудки.

Она положила телефон на стол. Очень аккуратно — как будто он мог взорваться.

Потом встала, прошла до окна. Вернулась. Снова прошла. Посмотрела на телефон. Он лежал и молчал, как нормальный, обычный телефон, который только что не звонил из приёмной самого знаменитого учёного страны.

Аня взяла его в руки. Открыла журнал вызовов. Номер был там. Это не было галлюцинациями. Она не сошла с ума.

Она погуглила номер.

«Велес. Национальный научно-исследовательский центр генетики и биоинженерии. Представительство в Москве».

Аня медленно села на стул.

«Велес» был не местом работы. «Велес» был мифом, мечтой, легендой, которую студенты-генетики передавали друг другу шёпотом, как старшие братья передают младшим истории о девушках. Туда не подавали заявки. Туда не отправляли резюме. Туда не звонили — оттуда звонили сами, раз или два в год, и обычно тем, кто уже был лауреатом международных премий или работал на постдоке в Стэнфорде.

А не сидел в лаборатории провинциального НИИ с капающим краном.

Аня посмотрела на свои руки. Они дрожали.

Она засмеялась. Сначала тихо, потом громче. Села обратно за стол, посмотрела на график, который продолжал ползти по экрану, и засмеялась ещё громче — пока смех не превратился во что-то другое, не очень похожее на смех.

Кран капал. Центрифуга стучала. Где-то в коридоре Виталик орал в трубку: «Я тебе говорил, Танька, я тебе говорил!» Жизнь шла как всегда.

И в этой жизни ей только что позвонили из «Велеса».

Через два часа она сидела на кухне у Кати, и Катя смотрела на неё так, как смотрят на людей, признавшихся в убийстве.

— Повтори, — сказала Катя.

— Меня пригласили в «Велес». На собеседование.

— В тот самый «Велес»?

— В тот самый.

— На собеседование к Харитонову?

— Да.

Катя медленно поставила бокал на стол. Потом так же медленно его подняла и допила залпом. Потом снова поставила. Налила ещё.

— Знаешь, Анька, я тебя обожаю. Я готова за тебя умереть. Но если ты сейчас врешь, я тебя задушу своими руками. — сказала она.

— Я не вру.

— Докажи! Показывай телефон.

Аня достала телефон и показала список входящих звонков.

Катя долго смотрела на экран. Потом на Аню. Загуглила номер, а потом сказала:

— Господи.

И заплакала.

— Ты чего? — Аня подняла взгляд на Катю.

— Я не знаю. — Катя смеялась сквозь слёзы. — Я просто... ты заслужила, Анют. Ты так это заслужила.

Аня смотрела на неё и не знала, что чувствовать. Радость? Радость была, но какая-то осторожная, Гордость? Гордости не было — была только чувство ошеломлённости, как будто её ударили подушкой. И ещё — где-то очень глубоко, под рёбрами, — короткое, неуместное беспокойство. Как сквозняк из щели, которую не видно.

— Кать, — сказала она. — А почему я?

— В смысле?

— В смысле — почему я? Я не лауреат премий. Я не работала в Гарварде. Я сижу в НИИ, где центрифуга помнит Советский Союз. Почему он позвонил мне?

Катя пожала плечами:

— Может, прочитал твою статью. Ты сама говорила — её приняли в *Cell*.

— Её приняли две недели назад. Они её ещё даже не опубликовали.

— Значит, прочитал препринт. Учёные так делают. Ты сама так делаешь.

— Да. — Аня покрутила бокал в руках. Вино было дешёвое, кислое, привычное. — Да, наверное.

Катя смотрела на неё долго.

— Соколова. Ты сейчас всерьёз сидишь и ищешь, к чему придраться?

— Нет. Я просто...

— Просто что?

— Просто это слишком хорошо.

Катя вздохнула и положила ладонь поверх её руки.

— Анют. Послушай меня. Ты пашешь как проклятая с университета. Ты в двадцать три года похоронила мать и через неделю вышла на работу, потому что иначе сошла бы с ума. Ты защитила кандидатскую в двадцать шесть лет, работала в две смены, ночью писала. Ты ела один и тот же бутерброд с сыром семь лет подряд, потому что не могла позволить себе нормальную еду. Может быть, — она сжала её руку, — может быть, мироздание наконец-то отслонявило тебе чек?

Аня улыбнулась — впервые за весь вечер по-настоящему.

— Ты пафосная.

— Я выпившая.

— И это тоже.

Они посидели в тишине. Кот Кати — рыжий, наглый, по имени Брежнев — пришёл, посмотрел на них, нашёл их разговор недостаточно важным и ушёл обратно на диван.

— И что, — спросила Катя, — поедешь?

Аня посмотрела в окно. За окном было 50 оттенков серого — серый двор, и серый снег, и серый фонарь, и серый человек выгуливал серую собаку. Всё было.

— Поеду, — сказала она.

— А если возьмут?

— Не возьмут.

— А если возьмут?

Аня молчала. Ее страх был где — то внизу живота, она боялась ответа — как будто, произнеся его, она могла спугнуть.

— Не возьмут, — повторила она.

Катя посмотрела на неё внимательно, улыбнулась, и ничего не сказала.

Москва встретила её теплой погодой +1 градус и грязной кашей под ногами. Аня шла от Ленинградского вокзала к метро, прижимая сумку к себе, в которой лежал паспорт, диплом, копия диплома, копия копии диплома (на всякий случай) и единственный пиджак, который она не рискнула надевать в поезде, чтобы не испачкать.

В метро она переделалась в вокзальном туалете. Пиджак был тёмно-серый, простой, купленный на защиту диплома. С тех пор она надевала его трижды. Аня посмотрела на себя в мутное зеркало — бледное лицо, тёмные круги под глазами, волосы стянуты в хвост.

Очки она оставила в сумке. В очках она выглядела студенткой. Без очков — преподавателем начальной школы.

— Ладно, — сказала она своему отражению. — Поехали.

Адрес был на Пресне. Стеклопанное высокое здание, бесшумные раздвижные двери, на стойке ресепшен — девушка с белоснежной улыбкой, как будто она актриса из рекламы зубной пасты, такой профессиональной, что хотелось извиниться за свою куртку.

— Здравствуйте. Вы к кому? — вежливо спросила девушка.

— Я на собеседование в «Велес». Меня зовут Анна Дмитриевна Соколова.

— Да все верно, поднимайтесь на двенадцатый этаж. — посмотрев в экран монитора, ответила администратор. — Лифт прямо и налево.

В лифте Аня посмотрела на своё отражение в зеркальной стене. Дышала глубоко. Сердце колотилось так, что казалось — слышно через пиджак.

«Не возьмут», — повторила она себе. — «Просто посмотри, послушай и поезжай домой».

Двери открылись.

И всё пошло не так, как она себе представляла.

Потому что Виктор Леонидович Харитонов встретил её сам. У лифта. Без секретарши, без помощников, без свиты.

Высокий, седой мужчина, в простом тёмном свитере. Она сразу его узнала, он был известным ученым, лицо которого часто мелькало в научных журналах. Подошёл, протянул руку, и улыбнулся. Аня знала такие улыбки по преподавателям из её юности, которые любили свой предмет так, что ты невольно тоже начинал его любить. Тёплая, открытая, располагающая к откровениям, как у священника.

— Анна Дмитриевна. Очень рад. Виктор Леонидович, но для вас просто Виктор.

— Здравствуйте, — сказала Аня и пожала его руку. Рукопожатие было крепкое, спокойное, как у человека, которому нечего и некому доказывать.

— Пойдёмте. Я уже сварил кофе.

Он повёл её по коридору — мимо открытых дверей кабинетов, мимо людей с папками, мимо стен, на которых висели увеличенные фотографии клеток. В кабинете у него было светло, вся мебель была бежевого оттенка, и пахло настоящим кофе — не растворимым, не из автомата, а свежесваренным.

— Садитесь, Анна Дмитриевна. Сахар? Молоко?

— Можно прост Анна. Чёрный, спасибо.

— Аскетка. Уважаю.

Улыбка не сходила с его лица. Он налил ей кофе, сел не за стол, а в кресло рядом, как будто они были не на собеседовании, а она пришла в гости к приятелю. Поставил перед ней чашку. Откинулся в кресле и внимательно посмотрел на нее.

— Я прочитал вашу статью, — сказал он. — Трижды.

Аня молчала.

— Знаете, что меня поразило? Не метод. Метод хороший, но не уникальный — что-то похожее делают в Шанхае, что-то в Базеле. Меня поразило другое.

Он подался вперед.

— У вас в третьем параграфе есть фраза. Одна. О том, что классическая модель CRISPR не учитывает влияние локальной хроматиновой структуры на эффективность редактирования. Это — побочное наблюдение, вы упомянули его вскользь. Но это, Анна Дмитриевна — это сейчас главный вопрос всей нашей области. Над ним работают десятки лабораторий в мире. И большинство из них пишут об этом осторожно, с тысячью оговорок. А вы — одной фразой. Спокойно. Как о свершившемся факте.

Он замолчал. Аня тоже молчала. Она не понимала, что должна сказать на это.

— Почему?

— Что — почему?

— Почему одной фразой? Почему так спокойно?

Аня посмотрела на свою чашку. Кофе был тёмный, ровный, не дрожал. У неё дрожали руки — она их держала под столом.

— Потому что это очевидно, — сказала она.

Харитонов засмеялся. Откинулся в кресле, смеялся искренне, по-настоящему — морщины разбежались от глаз.

— Вот, — сказал он. — Вот это. *«Это очевидно».* Анна Дмитриевна, у нас в «Велесе» пятьдесят человек научного состава. Из них — может быть, пятеро говорят так. *«Это очевидно».* Все остальные — пишут диссертации.

Он встал. Подошёл к окну. Постоял.

— Я не буду тратить свое и ваше время, — сказал он, не оборачиваясь. — Я хочу чтобы вы работали на меня. Вы будете ведущим научным сотрудником. У вас будет свой проект, своя лаборатория, своё оборудование. Зарплата — миллион двести в месяц. Через год — пересмотр в сторону повышения, при положительных результатах.

Аня медленно поставила чашку на стол, иначе она бы её уронила.

— Простите, — сказала она.

Он обернулся.

— Сколько?

— Миллион двести.

— А.

Это всё, что она смогла сказать.

— Я понимаю, — сказал он мягко, — что для вас это нереальная сумма. Но мы платим не за часы. Мы платим за мозги. А ваш мозг, Анна Дмитриевна, стоит ровно столько, сколько я говорю.

Он вернулся в кресло.

— Условия. Контракт минимум на три года. Закрытая территория — двести километров от Москвы, в лесу. Полное обеспечение: жильё, питание, спорт, медицина. Ограниченная связь с внешним миром — никаких социальных сетей, никаких рабочих звонков наружу. Личные звонки — раз в неделю, по защищённой линии. Любые перемещения за пределы центра — только после моего разрешения. NDA после окончания срока контракта еще 5 лет.

Он сделал паузу.

— Это много. И я понимаю, что это похоже на тюрьму. Я говорю это честно, потому что не хочу, чтобы вы потом меня в чём-то обвиняли. Это действительно похоже на тюрьму. С одной разницей.

Он наклонился.

— У вас будет всё. Всё оборудование, какое попросите. Любые реагенты. Любые публикации в любых журналах. Любые конференции — вы будете ездить, мы будем оплачивать. Свобода исследования абсолютная. А секретность нужна потому, что когда вы — вы лично, Анна Дмитриевна, — измените мир, все захотят украсть ваш метод. И мы должны быть уверены, что не украдут.

Он замолчал.

Аня сидела и не дышала. В голове было пусто и звонко, как в пустой банке.

— Подумайте, — сказал он. — Не надо отвечать сейчас. У вас есть неделя. Если согласитесь — позвоните, мы пришлём контракт. Если откажетесь — позвоните тоже. Я не обижусь. Серьёзно. У нас нет ни одного человека против воли.

Он улыбнулся.

— Подвезти вас до вокзала? У меня машина внизу.

— Я... дойду. Спасибо.

— Точно?

— Точно.

Он встал. Проводил её до лифта. На прощание пожал руку — так же крепко, так же спокойно.

— Анна Дмитриевна. Я очень надеюсь, что вы согласитесь.

Двери лифта закрылись. Аня осталась в зеркальной коробке одна.

И в этой коробке, которая летела вниз с большой скоростью на первый этаж, она в моменте вдруг отчётливо поняла, что уже решила.

Возможно, она решила это в тот момент, когда он сказал «это очевидно» — и засмеялся. Она решила, возможно, ещё раньше — когда разбила кружку в лаборатории, услышав про собеседование в «Велес». Возможно давно, когда мама сказала ей «живи», и она пообещала, и не очень понимала тогда, как именно живут.

Лифт ехал вниз. В зеркале её отражение улыбалось ей.

В этот момент в кабинете на двенадцатом этаже Виктор Леонидович стоял у окна и смотрел, как маленькая фигурка Ани выходит из стеклянных дверей внизу. Она остановилась на тротуаре, постояла секунду, потом пошла — не к метро, а в другую сторону, медленно, как будто плыла.

Он смотрел до тех пор, пока она не свернула за угол. Улыбки на его лице уже не было.

Потом достал телефон и набрал номер.

— Она только что ушла, — сказал он. — Согласится. От такой работы не отказываются. Готовьте все бумаги.

На том конце что-то ответили. Он помолчал.

— И Зимину сообщите.

Что-то снова ответили.

— Хорошо. Скажите, что я лично хочу с ним поговорить перед тем, как она приедет. И ещё — пусть проверят её комнаты. Там обязательно должны быть цветы. Белые. Она любит белые.

Он отключил телефон.

Постоял ещё минуту у окна. Он смотрел вниз — машины, люди, шум. Никто из них не знал, что маленькая женщина в сером пиджаке, которая только что свернула за угол, через две недели войдёт в дверь, из которой уже не так просто выйти.

Но Виктор Леонидович знал. Он улыбнулся — тёплой, спокойной, улыбкой уверенного в себе человека, который знает цену всему. И знает, кто и за сколько готов продаться. О подошел к столу и сел, готовясь к следующей встрече. Где тоже надо было улыбаться.

Глава 2 Проводы

Чемодан оказался почти пустым.

Аня стояла посреди комнаты и смотрела на него — средний, тёмно-синий, купленный семь лет назад на распродаже и с тех пор использованный ровно четыре раза. Два раза — на конференции в Питере. Один — на похороны тёти в Воронеже. Один — на защиту кандидатской, когда нужно было перевезти книги из общежития на съёмную квартиру.

Теперь — пятый раз. Она уезжала на три года.

И не знала, что брать. Не потому что было много вещей и трудно выбрать. А потому что вещей было мало — и это неожиданно оказалось проблемой. Аня ходила по квартире, открывала ящики и шкаф, смотрела на содержимое и понимала, что большую часть этого она не использовала месяцами. Свитер с университетским логотипом — не надевала с прошлой зимы. Туфли для выходов — ни одного выхода за последние полгода. Книги — в «Велесе» будет библиотека, и наверняка лучше этой.

Она взяла рабочую одежду, один нарядный свитер, на случай если понадобится, две пары джинсов, любимую кружку с надписью *«Без кофе я просто человек»* (подарок Кати на тридцатилетие), блокнот в клетку, несколько ручек, фотографию матери в маленькой рамке и очки — запасную пару.

Всё это не заняло и половины чемодана.

Аня постояла над ним ещё минуту. Потом достала из верхнего ящика стола потрёпанную записную книжку — старую, школьную ещё, в которой мать когда-то записывала рецепты, а потом она сама — университетские конспекты на полях. Положила сверху. Закрыла чемодан. — Шрёдингер.

Кот сидел на подоконнике с видом человека, которого незаслуженно разбудили. Чёрный, лохматый, одноглазый — второй глаз потерял ещё котёнком, до того как Аня его подобрала во дворе, мокрого и орущего. Жил у неё шесть лет. Спал на её ногах. Опрокидывал кофе ровно в тот момент, когда она заканчивала писать страницу. Уходил обижаться под диван, когда она возвращалась домой слишком поздно.

— Тебя заберёт тётя Люба, — сказала Аня. — Соседка с третьего этажа. Она тебя любит. Кот зевнул, показав все зубы.

— Она тебя кормила, пока я была на конференции. Помнишь?

Кот, очевидно, не помнил. Или помнил, но считал это недостаточным аргументом.

Аня подошла. Присела рядом на подоконник. Кот покосился на неё единственным глазом, потом с оскорблённым достоинством переполз к ней на колени — как всегда, делая вид, что это его идея и он оказывает ей одолжение.

Она гладила его и смотрела в окно.

Двор был самый обычный. Машины вдоль бордюра, баки для мусора у подъезда, детская площадка с одной целой качелей и одной сломанной, которую не чинили, сколько Аня себя помнила. Берёза у дальнего забора — чахлая, кривая, которую Аня когда-то давно назвала Бергой и с тех пор здоровалась с ней мысленно каждый раз, когда смотрела в окно. Зимой Берга стояла голая и нелепая, как антенна, торчащая из земли.

Аня попыталась запомнить.

Не потому что это было красиво — это совсем не было красиво. А потому что это было её. Пять лет после кандидатской — её. И завтра она это оставит. Берту, и площадку со сломанной качелей, и баки у подъезда, и серый двор, который она не любила, но который знала наизусть.

Зазвонил телефон.

Номер она узнала сразу. Олег Викторович Смирнов, научный руководитель, профессор, шестьдесят восемь лет. Человек, который на её защите сидел в первом ряду и аплодировал громче всех — и потом, когда она подошла благодарить, сказал только: *Не благодарите, идите праздновать*.*

Она написала ему вчера смс, где было всего три строчки. Меня пригласили в «Велес». Я согласилась. Уезжаю через два дня.

— Олег Викторович.

— Аня. — Голос у него был другой, не такой как всегда. Тише. Чуть хриловатый. — Я получил твоё смс.

— Да.

— Ты сейчас дома?

— Дома. Собираюсь.

Пауза, длинная. Аня ждала.

— Аня, я тебя знаю с первого курса. Ты помнишь — первая лекция, осень, ты сидела на третьем ряду. Я тогда спросил про структуру ДНК, что-то базовое, для разминки. Все молчали или мямлили что-то. Ты подняла руку и ответила так, как отвечают люди, которые знают для чего они пришли сюда. Тебе было восемнадцать лет.

— Олег Викторович

— Не перебивай старика.

Она замолчала.

— Я тогда подумал — вот человек. Не просто умный — таких много. А именно человек с жадностью к знаниям, с тем огнём, который не тухнет, когда трудно. Я потом следил за тобой — как ты работала параллельно с учёбой, как тянула аспирантуру в те годы когда маме было плохо, как защищалась. Я всё видел и ни разу не усомнился. Ни разу, Аня.

У неё перехватило горло.

— Я всегда знал, что ты добьёшься. Вопрос был только — когда. И вот — научный центр «Велес». Харитонов лично. — Он помолчал. — Ты этого достойна. Слышишь меня? Ты этого заслужила. Не благодаря удаче и не благодаря связям. Благодаря тому что ты стремилась к этому.

— Олег Викторович, вы меня сейчас

— В слёзы вгоняю?

— Да.

— Ну и ладно. — Он засмеялся — тихо, как смеются люди, когда смеяться немного больно. — Ты мне напиши, когда устроишься. Один раз хотя бы. Я буду ждать.

— Напишу обязательно.

— И вот ещё что. Слушай внимательно.

— Слушаю.

— Там будет много всего. Деньги, оборудование, возможности — всё что ты хотела. Это хорошо. Но ты не теряйся там, Аня, не растворяйся. Ты — Анна Соколова. Ты не чья-то собственность, ты — учёный. С головой и со своей правдой. Держись этого. Договорились?

— Договорились.

— Умница. Береги себя, девочка.

— И вы себя, Олег Викторович.

Он положил трубку.

Аня сидела на подоконнике с котом на коленях и смотрела в пространство. Слёзы текли сами — она их не вытирала. Шрёдингер открыл единственный глаз, посмотрел на неё, потом положил голову ей на руку и снова закрыл. Это было максимальное сочувствие, на которое он был способен. Аня была благодарна.

За окном Берта качала голыми ветками. Поднялся ветер.

Тётя Люба с третьего этажа пришла в шесть вечера — маленькая, круглая, в халате с розами, с запахом корицы и кошачьего корма. Она обняла Аню, всплакнула, сказала что очень за неё рада и что сразу было видно — эта девочка далеко пойдёт. Потом взяла Шрёдингера — кот не сопротивлялся, только посмотрел на Аню долгим взглядом, в котором было что-то похожее на укор. Тётя Люба ушла, унося его под мышкой.

Аня закрыла дверь.

Квартира стала совсем тихой и пустой. Шредингер хоть как—то разбавлял эту пустоту.

Она прошлась по ней последний раз — кухня, комната, санузел. Выключила везде свет. Она не успела даже дойти до окна — зазвонил телефон. Незнакомый номер, но она уже знала этот код — московский, тот же что и в прошлый раз. — Анна Дмитриевна, добрый вечер. Это административный отдел «Велеса». Хотели уточнить несколько моментов перед вашим прибытием. — Слушаю. — У нас полное обеспечение — одежда для работы, халаты, всё необходимое для лаборатории. Из личных вещей рекомендуем взять минимум. Удобная повседневная одежда, средства гигиены, фотографии если хотите — для уюта в апартаментах. Книги — по желанию, у нас хорошая библиотека. Телефон сдадите на входе, его сохраняют. — Телефон сдать? — Да. Таков протокол безопасности. Для личных звонков у нас есть отдельная линия — раз в неделю, в удобное для вас время. Личный ноутбук — тоже лучше оставить дома. Рабочие компьютеры предоставляем мы. Аня молчала секунду. — Что-то ещё? — Ювелирные украшения, наличные деньги — всё это лучше оставить. На территории они вам не понадобятся. Если у вас есть какие—нибудь вопросы, вы можете их задать сейчас. — Нет, — сказала Аня. — Всё понятно. — Отлично. Ждём вас завтра и хорошей дороги. Она убрала телефон. Постояла в тишине квартиры. Телефон сдать. Ноутбук оставить. Наличные не нужны. Всё логично. Всё объяснимо. Секретный научный центр, протокол безопасности, стандартные процедуры. Она повторила это себе ещё раз — логично, объяснимо, стандартно — и пошла убирать из чемодана ненужные вещи. После того, как чемодан был собран Аня посмотрела в окно. Двор внизу жил своей вечерней жизнью — кто-то выгуливал собаку, из соседнего подъезда вышел мужчина с пакетами, Берта стояла тёмным силуэтом у забора.

— Пока, Берта, — сказала Аня тихо.

Берта не ответила. Что было, в общем-то, ожидаемо.

Катя появилась на вокзале за двадцать минут до отправления — влетела в зал с двумя большими пакетами.

— Я тебе еды собрала в дорогу, — выпалила она с порога. — Там пирожки, бутерброды, термос с чаем и шоколадка. И вот ещё. — Она достала из кармана маленький свёрток. — Это не открывай пока не уедешь.

— Кать

— Не спорь. Просто возьми.

Аня взяла. Свёрток был лёгкий, мягкий на ощупь.

Они пошли к перрону. Катя тащила один из её пакетов и говорила без остановки — про работу, про своего нового начальника, про кота соседки, который опять сбежал и нашёлся в соседнем дворе, про то что на этой неделе наконец починили лифт в её доме. Аня шла рядом и слушала, и думала, что этот поток слов — это Катин способ не плакать.

На перроне было холодно, декабрьский ветер шёл вдоль состава — острый, прямой, без обиняков. Аня застегнула куртку до конца.

— Ты ешь нормально там, хорошо? — спросила Катя.

— Там полное обеспечение. Столовая, всё включено. — Аня немного помолчала. —

Катя.

— Что?

— Спасибо тебе.

Катя остановилась. Посмотрела на неё — серьёзно, без обычной своей лёгкости.

— Не за что. — она посмотрела на нее и улыбнулась, немного грустной улыбкой.

— Есть за что. За то что ты есть. За то что не задаёшь лишних вопросов. За то что пришла сегодня.

— Соколова, — сказала Катя, — ты моя лучшая подруга. Это не повод для благодарности. Это просто факт.

Аня улыбнулась.

— И вообще, — Катя тряхнула головой, — если ты там вдруг пропадёшь с радаров — я приеду. С ОМОНОм.

— У тебя нет знакомых в ОМОНе. — Засмеялась Аня.

— Найду. Мне не привыкать.

— Там ограниченная связь. Раз в неделю можно позвонить.

— Значит, раз в неделю — и звони. Хоть тридцать секунд. Хоть просто трубку подними и опусти. Я пойму.

— Хорошо.

— Обещай мне.

— Обещаю.

Катя смотрела на неё ещё секунду. Потом шагнула вперёд и обняла — крепко, по-настоящему, так что Аня почувствовала знакомый запах её духов и шерсти свитера. Запах который был с ней всё студенчество, вся аспирантура, все эти годы. Запах который означал — не одна, есть Катя, всё можно пережить.

— Я тебя люблю, — сказала Катя ей в ухо.

— Я тебя тоже.

— Возвращайся. Я буду тебя ждать.

— Вернусь.

Они стояли так долго — дольше, чем обычно обнимаются на перронах. Потом Катя отпустила её. Глаза у неё блестели, но она не плакала — Катя принципиально не плакала прилюдно, это был её способ держаться.

— Иди. А то опоздаешь. — Катя протянула Ане ручку чемодана.

— Не опоздаю.

— Иди, Аня.

Аня взяла чемодан. Поднялась на ступеньки вагона. Обернулась.

Катя стояла на перроне — маленькая в своей длинной шубе, рыжие волосы растрепал ветер. Она махала рукой и улыбалась — широко, нарочито, как улыбаются когда хотят, чтобы другой человек запомнил именно это.

Аня помахала в ответ. Дверь закрылась.

В купе было тихо и тепло.

Аня положила вещи, сняла куртку, достала термос с чаем. Свёрток от Кати лежал на столике. Она развернула его.

Внутри был маленький блокнот — новый, красивый, с плотными страницами и закладкой. На первой странице Катиным размашистым почерком было написано:

«Для всего того, что нельзя говорить вслух. И для всего того, что можно. Пиши. Это помогает. Я тебя люблю. К.»

Аня держала блокнот в руках и не могла понять — смеяться или плакать. Решила не делать ни то ни другое. Убрала блокнот в сумку. Налила чаю.

Поезд тронулся.

За окном поплыл перрон — медленно, потом быстрее. Катя уже ушла — или Аня просто не увидела её в темноте. Вокзал отодвинулся, потом пропал. Пошли городские огни — окна домов, фонари, рекламные щиты, потом промзона с ржавыми заборами и грузовыми составами, потом окраины.

Потом — лес.

Он появился резко, как будто кто-то провёл черту. Вот город — и вот лес, тёмный, сплошной, зимний. Высокие ели стояли вдоль насыпи, запорошённые снегом, и в темноте были похожи на стену. Бесконечную, без ворот, без просветов.

Аня смотрела в окно и думала о маме.

Не специально — просто думалось. Так бывало в дороге, и особенно в поездах — что-то в стуке колёс и темноте за окном вытаскивало наружу именно её.

Последние дни помнились фрагментами. Больница на окраине — длинные коридоры, запах лекарств и чего-то кислого, бледно-жёлтый свет. Мама лежала в палате на двоих, у окна. Она была такой маленькой — Аня не помнила, чтобы мама была маленькой, мама всегда была огромной, как все матери, которые занимают весь твой мир. А тут лежала — хрупкая, как воробей, и одеяло укрывало её так, что почти не было видно.

Аня тогда приходила каждый день. После работы, на автобусе, потом пешком полтора километра. Садилась рядом. Иногда они разговаривали, иногда просто сидели молча — мама дремала, Аня смотрела в окно, за которым была такая же зима и такой же тёмный двор.

Один вечер запомнился отдельно.

Мама была в хорошем состоянии — не часто такое бывало под конец, но в тот вечер она была почти как раньше. Смотрела на Аню ясными глазами и говорила нормально, не путаясь.

— Ты устала, — сказала она.

— Не устала.

— Устала. Я вижу. Ты всегда шуришься когда устала — левым глазом чуть больше.

Аня не знала, что она это видит.

— Мам

— Помолчи. Дай мне сказать.

Она помолчала.

Мама помолчала. Потом взяла Анину руку — пальцы у неё были холодные и лёгкие, как будто в них уже почти не осталось веса. — Аня, я хочу попросить тебя об одном. Только об одном. Можно? — Говори, мам. — Живи. Аня не сразу поняла. — Я и так — Нет. — Мама чуть сжала её руку. — Не просто работай. Не просто терпи. Не просто существуй рядом с наукой своей. Живи. По-настоящему. Понимаешь разницу? Аня молчала. Не потому что не хотела отвечать — просто не знала, что сказать. Она не была уверена, что понимает разницу. Она не была уверена, что когда-нибудь умела жить — не работать, не терпеть, не двигаться вперёд по инерции, а именно жить. — Обещаю, мам, — сказала она наконец. — Точно? — Точно. Мама улыбнулась. Устало, но по-настоящему — так, как она умела улыбаться даже в самые плохие дни. — И лекарство найди, — добавила она тихо, почти засыпая. — Для других. Чтобы другие мамы не лежали вот так. *Ты можешь. Я знаю, что ты можешь.* — Найду. — Обещаешь? — Обещаю.

Мама закрыла глаза. Через несколько дней её не стало.

Аня помнила это обещание каждый день — пять лет. И каждый день думала, что ещё не нашла. Ещё не успела. Ещё не там, ещё не то оборудование, ещё не тот проект.

Может быть, в «Велесе» — наконец — то.

Может быть, именно там.

Она не знала, но это было единственное место, где было хоть что-то похожее на шанс.

Поезд шёл сквозь тёмный лес. Колёса стучали ровно — четыре удара, пауза, ещё четыре. Как тот кран в лаборатории. Как морзянка, которую она никак не могла расшифровать.

Зазвонил телефон. Одно короткое касание — СМС.

Аня достала.

Катя: *«Горжусь тобой ##»*

Она улыбнулась. Хотела ответить — открыла чат, начала набирать. Пальцы замерли.

Экран потемнел. В верхнем углу — маленькая иконка: *нет сигнала*.

Аня подождала. Минуту. Две. Три.

Сигнала не было.

Она опустила телефон на столик экраном вниз. Посмотрела в окно.

Лес шёл и шёл — тёмный, сплошной, без конца. Ни огонька, ни просвета. Только деревья и снег, и темнота между ними.

Аня прислонила лоб к холодному стеклу.

И подумала вдруг — тихо, без паники, почти спокойно — что она только что пересекла какую-то черту. Не на карте, нет, внутри. Что-то, что было Аней Соколовой до этого поезда, осталось там — в сером дворе, в пустой квартире, в Берте у забора, в Шрёдингере на руках тёти Любы, в Кате на перроне с блестящими глазами и нарочитой улыбкой.

А что будет дальше — она ещё не знала.

Поезд шёл в темноту.

И темнота его принимала.

Глава 3 Прометей

ГЛАВА 3. ПРОМЕТЕЙ

Аня не помнила, как уснула.

Помнила лес за окном — тёмный, бесконечный, без единого огонька. Помнила как при-слонила лоб к холодному стеклу и смотрела в темноту. Помнила стук колёс — ровный, моно-тонный, как метроном. А потом — провал. Сон пришёл без предупреждения, как всегда при-ходит когда очень устал и очень долго держался.

Проснулась она от света.

Лес за окном был тот же — сосны, снег, темнота между стволами. Но небо над ним стало чуть светлее, и этого хватило чтобы она проснулась.

Аня посмотрела на часы. Семь утра.

Она умылась в крошечном туалете в конце вагона. Выпила остывший чай из термоса. Съела один из Катиных бутербродов — он оказался с сыром и зачем-то с укропом, и это было так по-Катиному, что Аня улыбнулась.

В девять двадцать поезд остановился.

Станция была меньше, чем она ожидала. Даже меньше, чем та, с которой она уехала вчера. Просто платформа — бетонная полоса вдоль путей, навес от снега, скамейка. Никакого вокзала. Название на табличке — «Северная» — было написано от руки, поверх старой облез-лой краски.

Аня вышла из вагона. Морозный воздух ударил сразу — резкий, чистый, пахнувший сне-гом и хвоей. После спёртого тепла купе это было почти больно — вдохнуть такой воздух.

На платформе — никого. Только чёрная машина у края дороги. Водитель уже стоял рядом.

Машина была чёрная, с тонированными стёклами и без единой царапины.

Водитель — высокий, молчаливый, в чёрной куртке без знаков различия. Посмотрел на неё, потом на чемодан. Забрал чемодан одним движением — легко, как будто тот ничего не весил. Открыл заднюю дверь.

— Анна Дмитриевна?

— Да.

— Садитесь, пожалуйста.

Салон пахнул кожей и хвоей — не освежителем, а настоящей хвоей, как будто машина всю ночь стояла в лесу с открытыми окнами.

Они выехали с платформы и через минуту оказались в лесу.

Дорога была узкая, асфальтированная, без разметки. По обеим сторонам — ели. Высо-кие, старые, с тяжёлыми от снега ветвями, которые смыкались над дорогой почти куполом. Они стояли так плотно, что между ними не было видно неба — только стволы, ветки и белые шапки снега на них.

Водитель молчал. Аня смотрела в окно и считала повороты. После третьего бросила — лес был одинаковый, бесконечный, и считать было бессмысленно.

Она достала телефон — привычка, проверить время и сообщения. Экран показал то же что и вчера в поезде: *нет сигнала*. Аня убрала телефон обратно в карман.

Через сорок минут лес расступился.

Появились просветы, потом поляна, потом забор — высокий, бетонный, серый, с каме-рами на столбах через каждые пятнадцать метров. Камеры были маленькие, аккуратные, почти незаметные — если не знать куда смотреть. Аня знала.

Ворота — массивные, металлические, с логотипом: двойная спираль ДНК в круге. Под логотипом надпись: *«ННИЦ «Велес». Доступ ограничен»*.

Машина остановилась. К окну водителя подошёл человек в форме — не военной, но и не гражданской, что-то среднее, серое, без нашивок. Водитель показал пропуск. Человек наклонился и посмотрел на Аню через стекло.

— Анна Дмитриевна Соколова?

— Да.

— Паспорт, пожалуйста.

Она протянула. Он сверил с планшетом и кивнул.

— Сканирование сетчатки. Посмотрите на камеру.

Маленький прибор в его руке мигнул красным, потом зелёным.

— Спасибо. Добро пожаловать в «Велес».

Ворота начали открываться — медленно, бесшумно, как будто им некуда было спешить. За ними была ещё одна дорога, короткая. И потом — центр.

Аня увидела его и забыла дышать.

«Велес» не был похож на научный центр.

Он был похож на место, которое архитектор придумал во сне — и каким-то чудом построил именно так, как приснилось. Три корпуса — стекло, бетон, дерево. Не громоздкие, не давящие, а правильные — как будто они выросли из земли вместе с соснами, которые стояли между ними. Дорожки из светлого камня, фонари, скамейки. Всё чистое, ухоженное, но без стерильности — скорее с тем ощущением, которое бывает в хороших скандинавских отелях, где много денег и хороший вкус.

У главного входа в первый корпус стояла статуя.

Бронза, потемневшая от времени. Мужская фигура — обнажённая, напряжённая, с поднятой рукой, в которой горел огонь. Прометей. Тот который украл огонь у богов и отдал людям. Тот которого за это приковали к скале.

Аня остановилась перед ним и посмотрела вверх — на бронзовое лицо с выражением одновременно боли и решимости.

У подножия — табличка: *«Знание есть огонь. Тот, кто несёт его людям, должен быть готов гореть. — В.Л. Харитонов»*.

— Нравится?

Она обернулась.

Харитонов стоял в пяти шагах от неё — в тёмном свитере и куртке, с тем же тёплым выражением лица что и на собеседовании. Как будто не прошло и недели — как будто московский кабинет с кофе был вчера.

— Виктор Леонидович.

— Просто Виктор. Мы здесь все на «ты» — привыкай. — Он подошёл и протянул руку. — Как дорога?

— Хорошо.

— Ох, не договариваешь. Ночь в поезде, потом сорок минут по лесу в молчаливой машине — это тяжело. — Он засмеялся. — Пойдём сначала оформимся, потом покажу всё. Хочешь сначала умыться, передохнуть?

— Нет. — Аня покачала головой. — Хочу сначала увидеть лаборатории.

Харитонов посмотрел на неё с одобрением:

— Правильно.

В административном корпусе её ждала женщина — строгая, в очках, с планшетом.

— Анна Дмитриевна, я Светлана Игоревна, административный директор. Нам нужно оформить документы перед тем как вы приступите к работе. Пойдемте ко мне в кабинет.

Они все вместе прошли в кабинет.

Когда они сели за стол Светлана Игоревна положила перед ней стопку бумаг. Аня посмотрела — контракт на трёх страницах, NDA на сорока, внутренний регламент на двенадцати. Итого пятьдесят пять страниц того что нужно подписать, прежде чем она увидит хоть одну лабораторию.

Она начала читать. Светлана Игоревна терпеливо ждала.

NDA был написан плотным юридическим языком, но суть сводилась к простому: ничего, никогда, никому. Ни во время работы, ни после. Ни устно, ни письменно, ни жестами. За нарушение — уголовная ответственность плюс гражданский иск на сумму, которая превышала её нынешнюю годовую зарплату в сорок раз.

Аня перелистнула страницы и подписала.

— Телефон, пожалуйста, — сказала Светлана Игоревна.

Аня достала телефон и протянула его через стол.

— Он будет храниться в вашей ячейке. Для личных звонков — отдельная линия, каждую неделю по расписанию. Входящие и исходящие проходят через нашу линию.

— Это есть в контракте?

— Пункт восемнадцать, страница две. — Светлана Игоревна не моргнула. — Ваш личный пропуск. Открывает Корпуса А и Б и все общие зоны. Корпус В — отдельный допуск, он вам пока не нужен.

Аня взяла карточку.

— Пока?

— По мере погружения в проект допуски расширяются. Стандартно.

Светлана Игоревна улыбнулась — профессионально, без теплоты. Аня кивнула. Харитонов, стоявший в стороне, добавил:

— Это правда стандартно. Через неделю забудешь про все эти бумаги.

Аня посмотрела на стопку подписанных документов — пятьдесят пять страниц с её подписью на каждой. Теперь официально она здесь.

Харитонов повёл её в Корпус А.

Внутри было тихо — не мёртво, а рабочая тишина, та которая бывает, когда люди думают и не хотят мешать друг другу работать. Мягкий свет, светлый пол, на стенах — увеличенные фотографии клеток и молекул, как картины в галерее. Аня узнала несколько — знаменитые снимки из *Nature* и *Science*. Здесь они висели просто, как обои.

Харитонов остановился у первой двери.

— Смотри.

За стеклом — лаборатория. Большая, светлая, с высокими потолками. Аня посмотрела — и что-то у неё перехватило в груди.

Криоэлектронный микроскоп стоял в центре комнаты — она узнала модель сразу. Таких в мире было около двухсот штук. Она видела его на фотографиях в статьях, читала о нём в обзорах, один раз — один единственный раз — видела вживую на конференции в Берлине, за стеклянной витриной, как музейный экспонат.

Здесь он просто стоял. Рабочий. С кружкой чьего-то чая на соседнем столе.

— Можно войти? — спросила она.

— Это твоя лаборатория. Ты здесь хозяйка. — Он приветливо протянул руку, приглашая войти.

Аня толкнула дверь и вошла.

Запах был знакомый — реагенты, пластик, чуть озон от оборудования — но чище, чем она привыкла. Без примеси старой пыли и несвежего кофе, которым пропитался её НИИ за тридцать лет. Здесь пахло новым, пахло возможностями — если у возможностей есть запах.

Она подошла к микроскопу и провела рукой по корпусу — осторожно, как трогают что-то хрупкое. Металл был холодный и гладкий.

— Он рабочий? — спросила она, хотя знала, что это глупый вопрос.

— Ежедневно, — сказал Харитонов из дверей. — Вчера на нём работали до полуночи.

Аня стояла рядом с прибором, о котором мечтала десять лет и не могла двинуться с места — просто стояла и смотрела.

— Дай угадаю, — сказал Харитонов тихо. — В твоём НИИ была центрифуга с советских времен?

— Две, — сказала Аня. — Их было две.

Он засмеялся, и она тоже — и смех получился немного влажным, потому что глаза щипало.

Группа собралась сама — услышали голоса, вышли из соседнего бокса. Четверо появились все сразу, как одно целое, и Аня потом не могла вспомнить в каком порядке их запомнила.

Наташа Фролова — высокая, с короткой стрижкой, с тем выражением лица, с которым смотрят на человека давно ожидаемого. Протянула руку:

— Я читала вашу статью. Третий параграф — про хроматиновую структуру. Я тогда коллеге написала: вот человек, который понимает.

— Четырежды читала, — сказал рыжеватый мужчина за её спиной.

— Игорь, — Наташа не обернулась. — Помолчи.

— Пётр Маслов, — сказал третий — плотный, немного лысеющий, с добродушным лицом. — Иммунология.

Четвёртая — молодая совсем, лет двадцати трёх, с косой через плечо — просто кивнула и сказала:

— Лена. Я стажёр. Но я тоже читала.

Аня смотрела на них — четыре человека, разные, незнакомые, но в каждом было что-то одно и то же. Тот самый огонь, про который говорила мама. Жадность к знанию. Она узнала его сразу — как узнают своих.

— Я рада, — сказала она, и это была чистая правда.

Они вышли из Корпуса А через застеклённую галерею.

Снаружи — декабрь, мороз, сосны в снегу. Внутри галереи — тепло, тихо, запах хвои от ближних деревьев. Аня шла и смотрела на лес за стеклом.

Корпус В стоял чуть в стороне — дальше от двух других, ближе к забору. Отдельно, как будто его намеренно отодвинули.

Он был другим.

Не стеклянным, не светлым — бетонным, серым, массивным. На первом этаже — глухие стены, ни единого намёка на окно, просто бетон, ровный и тёмный, как будто там не могло быть ничего живого. На втором и третьем этажах — узкие прорезы, почти бойницы, застеклённые матовым стеклом. Непрозрачным — смотришь и видишь только серое марево. Дверь — металлическая, тяжёлая, с биометрическим замком. Над дверью — камера. Никакой вывески, никакого логотипа, ничего.

Аня замедлила шаг.

— А что там?

Харитонов ответил не сразу — долю секунды, почти незаметную. Потом улыбнулся.

— Хранилище образцов. — Голос ровный, тёплый, привычный. — Скучнейшее место, поверь. Холодильники, контейнеры, каталоги. Минус восемьдесят в основном блоке — поэтому на первом этаже окон нет, на верхних только узкие, матовые. Температурный режим.

— А почему отдельно от остальных?

— Вибрация. Кривооборудование даёт вибрацию, это мешает точным приборам в Корпусе А. Стандартное решение для таких центров.

Логично. Объяснимо.

Аня сделала шаг в сторону Корпуса В — чуть ближе, просто посмотреть.

— Можно посмотреть?

— Сегодня — нет. — Харитонов сказал это мягко, без нажима, как говорят, когда отказ само собой разумеется. — Там нужен отдельный допуск и инструктаж по криобезопасности. Запишем тебя на следующей неделе, если понадобится.

Он уже шёл дальше — к Корпусу Б. Аня постояла ещё секунду, посмотрела на дверь с биометрическим замком, на матовые окна-бойницы, на камеру над входом.

Камера медленно повернулась и посмотрела на неё.

Аня пошла за Харитоновым.

Апартаменты были на третьем этаже Корпуса Б.

Харитонов вручил ей карточку-ключ у лифта и сказал:

— Триста двенадцать. Посмотри сама.

Он не пошёл с ней — просто кивнул и остался у лифта. Аня поднялась, нашла дверь и приложила карточку.

Первое что она увидела — окно. Большое, во всю стену, с видом на сосны. Не двор с баками и сломанной качелей. Не серый фасад хрущёвки напротив. Сосны — высокие, прямые, запорошённые снегом, и за ними белое зимнее небо.

Она полностью прошлась по апартаментам.

Гостиная — просторная, диван, кресло, рабочий стол с хорошей лампой. Спальня отдельная. Ванная белая, с зеркалом, в котором её отражение выглядело как человек, а не как привидение.

На столе в гостиной — букет белых лилий и роз, а рядом карточка, написанная от руки:

«Добро пожаловать домой. — В.Л. Харитонов»

Аня держала карточку и не двигалась.

Домой.

Она не помнила когда последний раз кто-то говорил ей это слово. После мамы — некому было. Катя говорила *«ко мне»*, *«к нам»*, но не *«домой»* — потому что дома не было. Была квартира, была кровать, где можно спать, но не дом.

Она открыла шкаф.

Белый халат — новый, накрахмаленный, пахнувший чистотой. На левой стороне груди вышивка синей нитью: *«Анна Дмитриевна Соколова»*.

Она провела пальцами по буквам. Её имя, здесь, вышитое на халате в «Велесе».

Я дома, — подумала она. — *Я наконец дома.* И впервые за пять лет — с тех пор как мамы не стало — почувствовала что-то похожее на покой.

Вечером она пошла в столовую — не потому что хотела есть, а потому что хотела людей, хотела убедиться что всё это настоящее, а не декорация, которая рухнет как только она останется одна.

Столовая была наполовину полна, человек двадцать за разными столами. Запах горячей настоящей еды, на раздаче выбор, от которого у Ани расширились глаза.

Она взяла тарелку и огляделась.

— Эй! Сюда!

Рыжий парень за ближним столом махал рукой — худой, веснушчатый, с улыбкой, которая занимала половину лица.

— Денис Савельев. Генетик. Третий год здесь. Ты — Соколова?

— Да.

— Садись ко мне.

Аня села и начала есть. Еда оказалась невозможно вкусной после лет столовских обедов и домашних бутербродов.

Денис говорил без остановки — быстро, перескакивая с темы на тему, показывал на людей и рассказывал кто есть кто.

— Вон там — Фролова, ты с ней уже знакома. Рядом — Петров, , справа — Маслов из иммунологии. А вон та женщина у окна — Крылова, Марина Сергеевна. Наш наставник. Тихая, но очень умная. Семь лет здесь.

Аня посмотрела. Марина Крылова — сорок пять на вид, тёмные волосы с проседью, аккуратно убранные. Сидела одна, ела медленно, не поднимая глаз от тарелки.

— Почему она одна?

— Такой человек. Хороший, но сам по себе.

Аня кивнула и снова огляделась — умные лица, живые разговоры, люди которым интересно то, чем они занимаются. Её люди.

И тут взгляд зацепился.

В дальнем углу столовой, за последним столом у стены, сидел мужчина. Один, спиной к залу, лицом к стене — так сидят люди которые хотят чтобы их не заметили. Худой, сутулый, плечи опущены. Волосы тёмные, нечёсанные — не небрежно, а как будто он просто забыл про них. Перед ним стояла полная тарелка, которую он не ел — просто сидел, держа ложку в руке, и смотрел в стену.

Аня смотрела на его руки. Правая — та, что держала ложку — мелко, почти незаметно дрожала, не от холода и не от усталости, а изнутри, как дрожат руки у человека с высокой температурой или с сильным нервным напряжением. Ложка чуть позвякивала о край тарелки — тихо, но Аня слышала.

Учёный в ней включился автоматически и начал считать.

Аномалия первая: сидит один, спиной к залу. Аномалия вторая: не ест. Аномалия третья: дрожащие руки.

— А это кто? — спросила она тихо.

Денис проследил её взгляд, и Аня заметила — улыбка на его лице не исчезла, но стала другой. Чуть жёстче. Чуть более вымученной.

— Костя. Константин Лосев, из нейрофизиологии. Перерабатывает.

— Он не ест.

— Ну, бывает. Сел, задумался. Тут у многих так — работа захватывает, забываешь про всё.

— У него руки дрожат, Денис.

— Аня. — Он посмотрел на неё, и в его голосе появилось что-то, чего раньше не было — мягкое, но твёрдое, как вата поверх камня. — Ты только приехала. Не надо сразу всё анализировать. Ешь суп.

Аномалия четвёртая: Денис не хочет говорить на эту тему.

Мужчина в углу пошевелился, медленно поставил ложку и встал — как человек которому тяжело даётся каждое движение.

Аня увидела его лицо.

Бледное, землистое — не как у человека, который не выспался, а как у человека, который давно не выходит на улицу. Тёмные круги под глазами, запавшие щёки. Взгляд расфокусиро-

ванный, направленный куда-то сквозь людей и стены, как будто он видел что-то чего не видели другие — или не видел ничего вообще.

Он пошёл к выходу и не убрал тарелку — а люди в столовой убирали за собой, Аня заметила это когда входила.

Аномалия пятая.

Он проходил мимо их стола и вдруг остановился — на секунду, не больше. Аня почувствовала как Денис рядом чуть напрягся, плечи и руки, еле заметно.

Костя посмотрел на неё — прямо, впервые за весь вечер его взгляд сфокусировался только на её лице, как будто она была единственным чётким предметом в размытом пространстве. И в этом взгляде было что-то — не просьба, не предупреждение, а что-то на границе между тем и другим, что-то что человек говорит, когда уже почти не может говорить.

— Уезжайте, — сказал он, тихо, почти беззвучно — она скорее прочитала по губам, чем услышала. — Пока можете.

И пошёл дальше, не оглянувшись, вышел из столовой.

— Что он сказал? — спросил Денис голосом слишком ровным и слишком спокойным для человека, который не слышал.

— Ничего, — сказала Аня. — Я не поняла. Пробормотал что-то.

Денис кивнул и взял свою вилку, улыбка вернулась на место — широкая, рыжая, привычная.

— Ешь суп, — повторил он. — Правда вкусный.

Аня посмотрела в тарелку с остывшим супом и подумала о пяти аномалиях и трёх словах сказанных почти беззвучно. Как учёный она знала: одна аномалия — случайность, две — совпадение, три — закономерность. Пять — это уже не аномалии. Это данные.

Аня вернулась к себе в девять вечера, разобрала чемодан за десять минут — разбирать было почти нечего — и повесила халат на видное место. Поставила фотографию мамы на тумбочку, достала блокнот Кати и написала:

«Первый день. Всё лучше, чем я могла мечтать. Лаборатории — невероятные. Люди — настоящие. Халат с моим именем. Цветы на столе. Я чувствую себя дома.»

Перечитала — и добавила снизу, мелким почерком:

«Но. Есть корпус без окон на первом этаже. Харитонов говорит — хранилище образцов. Логично. Только камера над дверью повернулась, когда я проходила мимо. И ещё человек в столовой. Константин Лосев, нейрофизиология. Пять аномалий три слова: уезжайте, пока можете. Денис сделал вид что не слышал. Хотя слышал.»

Закрыла блокнот и убрала его под матрас — подальше от глаз, подальше от чужих рук. Легла, закрыла глаза и стала ждать сна.

Кровать была мягкой, подушка пахла свежестью, за окном стояли тёмные сосны. Всё хорошо. Всё прекрасно. Всё — мечта.

Она провалилась в сон.

Проснулась в три часа ночи — сначала не поняла, почему. Потом увидела свет из окон корпуса В.

За окном ночь, сосны, снег. И свет — неяркий, ровный, искусственный, шедший из Корпуса В, из тех самых узких матовых окон на втором и третьем этажах. В три часа ночи за матовыми стёклами горел рабочий свет.

Аня сидела в кровати и смотрела на него — минуту, две, пять, пока не затекла шея. Потом за одним из матовых стёкол мелькнула тень — быстро, почти неуловимо, как будто кто-то прошёл мимо окна. Мелькнула и пропала.

Аня моргнула, но тень больше не появлялась, а свет горел ровно, как ни в чём не бывало. В скучнейшем месте с холодильниками и контейнерами кто-то работал в три часа ночи.

Она легла обратно и натянула одеяло, и три слова Кости звучали в голове — тихо, почти беззвучно, как тогда в столовой. *Уезжайте. Пока можете.*

Она не уедет. Она только приехала.

Но до утра не спала.

Глава 4 Куратор

ГЛАВА 4. КУРАТОР

когда Аня зашла в лабораторию, Марина уже была тут.

Стояла у рабочего стола спиной к двери — что-то проверяла в журнале протоколов, водила пальцем по строкам. Услышала шаги, обернулась. Кивнула:

— Анна Дмитриевна. Доброе утро.

— Доброе. И просто Аня, пожалуйста. — улыбнулась Аня.

Марина посмотрела на неё секунду — как смотрят когда оценивают, стоит ли менять привычку.

— Хорошо. Аня.

Она не предложила называть себя по имени в ответ. И Аня не стала уточнять.

Марина Сергеевна оказалась именно такой, какой выглядела вчера в столовой — тихой, аккуратной, профессиональной. Движения выверенные, речь точная, без лишних слов. Она показала Ане рабочее место — стол у окна, хороший, просторный, с двумя мониторами и отдельной лампой. Рядом — шкаф с реагентами, полки с расходниками, всё подписано мелким ровным почерком.

— Это протоколы, — Марина положила перед ней папку. — Каждый эксперимент документируется по форме. Никаких вольностей, никаких сокращений. Форма разработана центром, отклонения не приветствуются.

— Понятно.

— Данные сохраняются в закрытой сети. Доступ — по вашему пропуску. Внешний интернет — только через заявку, только в научных целях, только с уведомлением администрации.

— Только-только-только, — повторила Аня тихо — не дерзко, просто проговорила.

Марина посмотрела на неё.

— Здесь свои правила — сказала она ровно. — К этому привыкают.

Аня кивнула и раскрыла папку с протоколами. Спорить было незачем — она только пришла, правил ещё не знала, а Марина знала их семь лет. Это само по себе было информацией.

Остальные появились позже — по одному, по двое, как появляются люди которые уже знают своё место в пространстве и не нуждаются в том чтобы его обозначать.

Наташа Фролова пришла первой — в восемь пятнадцать, с кофе в одной руке и планшетом в другой. Кивнула Ане, сказала «доброе утро» — деловито, без лишней теплоты, но и без холода. Просто человек, который пришёл работать.

Игорь появился в восемь тридцать, поставил на стол термос и спросил, не глядя ни на кого конкретно:

— Кто-нибудь смотрел вчера результаты по серии Б?

— Я, — сказала Наташа. — Потом обсудим.

— Ага.

Пётр Маслов пришёл без пяти девять — шумно, с запахом зимней улицы, сразу потёр руки и оглядел лабораторию с видом человека который проверяет всё ли на месте. Увидел Аню, расплылся в улыбке:

— О, Анна Дмитриевна! Я вчера не успел спросить — вы в каком направлении больше работали, CRISPR-Cas9 или базовое редактирование?

— И то и другое. Зависит от задачи. — улыбнулась в ответ Аня.

— Отлично. — Маслов кивнул с видом человека получившего правильный ответ. — У нас тут дискуссия уже третий месяц.

— Какая дискуссия?

— Принципиальная, — встрял Игорь не отрываясь от экрана. — Маслов считает что базовое редактирование переоценено в нашей области.

— Я считаю, что его неправильно применяют, — поправил Маслов. — Это разные вещи.

— Это одно и то же.

— Это принципиально разные вещи, Игорь.

— Господи, — сказала Наташа, подняв глаза к потолку. — они так каждое утро. Не обращай внимания.

Аня улыбнулась. Маслов развёл руками — мол, продолжим позже — и пошёл к своему столу.

Лена-стажёр пришла последней, тихо, с косой через плечо, села на своё место и открыла ноутбук без лишних слов. Аня поняла сразу — Лена из тех людей, которые просто работают, без предисловий.

Лаборатория наполнилась — голосами, звуком клавиш, запахом кофе. Рабочим утром. Аня сидела за своим столом у окна, смотрела на это и думала что, пожалуй, здесь действительно её люди.

Потом открыла папку с протоколами и начала работать.

Марина принесла ей файл с первичными данными проекта около девяти.

— Серия А. Базовые профили. Вам нужно верифицировать методологию предыдущей группы перед тем как двигаться дальше.

Аня посмотрела на экран. Генетические профили — стандартный формат, хорошая выборка, чистые данные. Начала читать.

— Марина Сергеевна.

— Да.

— А полная база — где?

Марина не сразу ответила. Не потому что не знала — молчание было другого рода. Такое молчание бывает, когда человек знает ответ, но думает как именно ответить.

— Доступ к полной базе поэтапный. Сначала серия А, потом Б, потом расширенный уровень. Это стандартная процедура для новых сотрудников.

— Даже для ведущих специалистов? — с нажимом на слово «ведущих», спросила Аня.

— Даже для них, — сказала Марина без интонации. — Здесь так принято.

Аня посмотрела на неё. Марина смотрела в свой монитор — прямо, спокойно, как человек, который сказал то что должен был сказать и больше добавлять нечего не собирается.

Аня вернулась к данным серии А.

В десять часов в дверь постучали.

Один негромкий удар, короткая пауза — и дверь открылась.

Аня подняла голову.

Мужчина в дверях был высоким — она отметила это первым. Не просто высоким, а таким, что занимал дверной проём иначе чем обычные люди — не шириной, а каким-то особым качеством присутствия. Как будто пространство вокруг него перераспределялось. Тёмная водолазка, тёмные брюки, ничего лишнего. Волосы короткие, тёмные. Лицо — резкое, правильное, с той красотой которая не располагает к себе сразу, а держит на расстоянии.

Глаза — почти чёрные. Смотрел на неё не так как смотрят, когда оценивают внешность или ищут как произвести впечатление. Иначе — методично, спокойно, как смотрят когда собирают данные. Она поймала себя на том что делает то же самое, и на секунду это стало похоже на два зеркала друг напротив друга.

— Алексей Зимин, — сказал он. Голос — ровный, негромкий, без лишних интонаций.
— Куратор.

Он не спросил — она Анна Соколова? Просто представился.

— Аня, — сказала она.

— Я знаю, изучил ваше досье.

Он вошёл — два шага, не больше, встал у двери. Не сажился, не подходил ближе. Оставил дистанцию — не светскую, не вежливую, а рабочую. Как будто заранее определил точку в пространстве и встал в неё.

— Моя роль — координация между научным составом и администрацией. Безопасность, логистика, организационные вопросы. Если что-то нужно — материалы, доступ, решение любого вопроса — обращайтесь.

— Любого? — Аня чуть подняла бровь.

— Любого, — повторил он без паузы.

— А если вопрос не технический? — улыбнулась Аня.

— Даже, если вопрос не технический, тоже обращайтесь ко мне. Как куратор, я отвечу на все вопросы для вашего уровня доступа. — серьёзно ответил Алексей.

За её спиной Маслов чуть кашлянул. Аня не обернулась.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда сразу — мне нужна полная база данных проекта.

Алексей посмотрел на неё. Не удивился — как будто ждал именно этого.

— Доступ поэтапный. Базовый уровень на первые две недели.

— Марина Сергеевна мне уже говорила. Я хотела бы ускорить этот процесс.

— По правилам нашего центра — это невозможно.

— Но сейчас я работаю с серией А и вижу что это фрагмент. Без контекста я могу верифицировать методологию и не могу понять куда это ведёт. А мне важно понимать куда это ведёт.

— Я вас понимаю, — сказал он.

— Но?

— Но — как я уже сказал ранее — две недели. Это протокол центра.

Аня положила ручку на стол.

— Алексей, — сказала она, — вы куратор. Значит у вас есть возможность влиять на протоколы?

— Нет.

— Совсем?

— Протоколы утверждает только директор центра Харитонов. Я их исполняю.

— Значит мне к Харитонову?

— Можете попробовать. — В его голосе не было ни насмешки, ни предупреждения — просто констатация. — Но решение будет то же.

Они смотрели друг на друга. Аня чувствовала раздражение — спокойное, рабочее. Не на него лично — на стену, которая стояла там где стены не должно быть. Алексей не чувствовал ничего видимого. Лицо ровное, взгляд ровный. И это само по себе было раздражающим — не потому что он был холодным, а потому что он был абсолютно неуязвимым. Как будто у него внутри стоял какой-то регулятор, который не позволял ничему просочиться наружу без его разрешения.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Две недели.

— Если появятся другие вопросы — спросите у Марины Сергеевны, она скажет где меня можно найти. Или оставьте заявку через внутреннюю систему.

— Хорошо.

Он чуть кивнул — не поклон, просто подтверждение — и повернулся к двери.

В этот момент Аня заметила — левый рукав водолазки был чуть длиннее правого. Почти незаметно. Но она заметила — потому что привыкла замечать детали, потому что детали важны. Так носят рукав люди которые привыкли что-то прикрывать на запястье. Шрам? Что-то ещё?

Он вышел. Дверь закрылась без звука.

— Он всегда такой? — со вздохом спросила Аня у Марины.

— Какой? — Марина не подняла глаз.

— Вот такой. Стена.

Марина помолчала секунду.

— Да, — сказала она. — Всегда.

Маслов за соседним столом хмыкнул.

— Что? — спросила Аня.

— Ничего, — сказал Маслов миролюбиво. — Ты привыкнешь к нему.

Аня посмотрела на закрытую дверь. Потом на свой монитор. Потом снова — на дверь.

Открыла следующую страницу с данными. Серия А, профиль семнадцать.

Работа оказалась интересной — это Аня признала честно, без оговорок.

Данные серии А были качественными, методология продуманной. Чувствовалась рука человека, который понимал что делает. Несколько мест она отметила карандашом — не ошибки, а вопросы, места где хотелось копнуть глубже.

Но копать глубже было некуда. Серия А была фрагментом, и это ощущалось физически — как читать книгу с вырванными страницами. Смысл есть, но целого не видно.

Две недели. Еще целых две недели.

Лаборатория жила вокруг неё своей жизнью. Маслов и Игорь возобновили дискуссию про базовое редактирование — негромко, но увлечённо. Наташа работала в тишине, только иногда делала пометки вслух — для себя, не для других. Лена не произнесла ни слова с момента как вошла.

Марина встала около половины первого.

— Аня, — сказала она, — скоро час. Пойдем на обед.

— Угу. — Аня не отрывалась от монитора.

— Это не рекомендация. Перерыв необходим.

Аня подняла голову.

— Это обязательно?

— Нет. Но вы уже пять часов за экраном и ни разу не вставали.

— Я вставала. За реагентом в половине одиннадцатого.

— Это не считается.

— Марина Сергеевна, я в самом интересном месте.

— В науке всегда самое интересное место, — сказала Марина. — Именно поэтому нужно обедать по расписанию, иначе не поешь никогда. — в первый раз, Марина Сергеевна улыбнулась.

Аня посмотрела на неё. Марина стояла у двери — спокойная, в пальто, с сумкой.

— Пять минут, — сказала Аня.

— Я подожду вас у двери.

Маслов поднялся, потянулся:

— Я тоже иду. Аня, пойдем вместе и можем по дороге продолжить разговор про CRISPR.

— С удовольствием, — сказала Аня и стала закрывать файлы.

В столовой Денис уже сидел на своём вчерашнем месте.

— Соколова! Как первое утро?

— Продуктивно. — Она поставила поднос и села. — Познакомилась с куратором.

— А, Зимин. — Денис произнёс фамилию нейтрально, как название улицы. — И как впечатление?

— Стена в водолажке. А еще его «как куратор, я отвечу на все ваши вопросы» — попыталась изобразить Зимина Аня.

Денис засмеялся — искренне, коротко.

— Точно. Он всем так говорит кстати — «любые вопросы ко мне». Только вопросы принимает строго по протоколу.

— Я заметила. — Аня взяла ложку. — Ты давно его знаешь?

— С первого дня как сюда приехал. Он здесь с самого начала центра. Кто-то говорил что он из спецподразделений, но сам он не рассказывает.

— Это я тоже заметила.

— И не спрашивай, — добавил Денис. Сказал легко, небрежно — но Аня уловила под лёгкостью что-то другое. — Серьёзно. Не потому что запрещено. Просто он так устроен.

— Все здесь так устроены?

— По-разному, — сказал Денис и зачерпнул суп. — Но Зимин — особенно.

Аня посмотрела на него. Рыжий, веснушчатый, с улыбкой которая занимала половину лица — и с чем-то за этой улыбкой, чего она пока не умела назвать. Что-то усталое. Что-то знающее.

— Денис, — сказала она, — а до меня здесь был другой ведущий специалист?

Денис помолчал на секунду дольше чем нужно.

— Был. Уехал полгода назад.

— Личные обстоятельства?

Он посмотрел на неё. Не улыбался.

— Соколова. Ты всего лишь второй день здесь.

— Знаю.

— И уже задаёшь вопросы, которые лучше не задавать в столовой.

— А где их задавать?

— Нигде, — сказал Денис тихо, но отчётливо. Потом взял ложку. — Я серьёзно. Ешь. Суп вкусный.

Аня посмотрела в тарелку. Суп был вкусный. Она ела и думала о Зимине в водолажке и о том что все здесь говорят «не спрашивай» — каждый по-своему, но все.

После обеда она работала до шести.

Марина ушла в пять. Маслов и Игорь — чуть позже, уже деспоривая про редактирование в дверях. Наташа задержалась, что-то дописывала. Лена ушла незаметно — Аня просто в какой-то момент подняла голову и её место было пустым.

Аня осталась одна в лаборатории.

Ей нравилось это время — когда все уходит и пространство становится твоим. Можно думать без оглядки на чужое присутствие. Она работала с данными и делала пометки — хорошие вопросы накапливались, рабочие, острые. Почти все упиралось в одно: ей не хватало контекста. Серия А была фрагментом чего-то большего, и без целого фрагмент давал только часть смысла.

В шесть она закрыла файл и потянулась. За окном давно стемнело.

Когда выходила из лаборатории и шла по коридору, увидела его.

В дальнем конце коридора, у окна, стоял Алексей. Спинай к ней, смотрел на улицу. Не двигался.

Аня замедлила шаг.

Она была уверена — человек с его выправкой слышит шаги в коридоре раньше чем они приближаются. Значит слышал. Значит решил не оборачиваться. Это тоже была информация.

Она прошла мимо. Боковым зрением посмотрела — его профиль у тёмного стекла. Резкий. Неподвижный. И — рука. Правая рука лежала на подоконнике. Левая — опущена вдоль тела, и левый рукав был чуть спущен, прикрывал запястье.

На улице за окном — территория центра, дорожки, фонари. И Корпус В с тёмными матовыми окнами.

Аня вышла. Уже у двери обернулась — не знала зачем.

Он всё ещё стоял у окна.

Вечером она писала в блокноте.

Сидела на кровати, подтянув колени, за окном тёмные сосны и звёздное небо. Непривычная загородная тишина — без машин, без соседей, без лифта. Почти осязаемая.

Написала:

«Второй день. Работа — хорошая. Данные серии А чистые, методология продуманная, но мне не хватает контекста. Серия А — фрагмент чего-то большего. Полный доступ через две недели. Протокол.»

Остановилась. Потом добавила:

«Группа — нормальная. Маслов спорит с Игорем, Наташа работает молча, Лена вообще не разговаривает. Привыкну.»

И ещё ниже:

«Куратор — Алексей Зимин. Военный, это видно сразу. Точные движения, закрытые ответы. Левый рукав длиннее правого — что-то прикрывает на запястье. Шрам? Стена. Марина говорит — он всегда такой. Денис говорит — не спрашивай. Вечером стоял у окна в конце коридора. Смотрел на Корпус В. Долго.»

Закрыла блокнот и убрала под матрас.

Легла, закрыла глаза и стала ждать сна. Кровать мягкая, тишина настоящая, за окном сосны.

Но перед тем как провалиться в сон — одна мысль, быстрая и неудобная: он стоял у окна и смотрел на Корпус В. Не случайно и не из праздного любопытства. Как смотрят на место с которым тебя что-то связывает.

Что-то важное.

Алексей дошёл до пустого перехода между корпусами и достал телефон.

Набрал номер. Два гудка.

— Она отработала первый день, — сказал он.

— Знаю, — ответил Харитонов. — Светлана Игоревна доложила. Полный доступ запроектирована?.

— Да. Я отказал. По протоколу.

— Правильно. — Пауза. — Как она это приняла?

Алексей помолчал секунду.

— Спокойно. Пospорила, потом приняла отказ и вернулась к работе.

— Но?

— Но сделала три попытки.

— То есть?

— Сначала — напрямую. Потом — через аргумент про контекст. Потом спросила можно ли обратиться к вам лично.

Харитонов засмеялся — негромко, довольно.

— Любопытная.

— Да.

— Именно поэтому мы её выбрали, Алексей. Именно поэтому. — Пауза. — Продолжай наблюдать. И держи меня в курсе.

— Понял.

Алексей убрал телефон.

Постоял в пустом переходе. За стеклом галереи — ночь, сосны, и Корпус В с тёмными матовыми окнами на верхних этажах.

Завтра утром в семь — процедура. Как всегда. Как триста дней подряд до этого.

Он пошёл к себе.

Глава 5 50 умов

ГЛАВА 5. ПЯТЬДЕСЯТ УМОВ

К концу первой недели Аня поняла: ритм «Велеса» затягивает незаметно, как мягкая воронка.

Здесь не было того суетливого расписания, к которому она привыкла в провинции, но существовал некий коллективный инстинкт. Пятьдесят ученых — элита, собранная со всей страны, — жили в странном симбиозе. Лаборатория оживала каждое утро по одному и тому же сценарию.

Но настоящий масштаб Аня почувствовала в холле Корпуса А, когда остановилась перед гигантским интерактивным табло. На нем светился список текущих проектов. Геномика, нейробиология, биоинженерия, синтетическая химия... Пятьдесят фамилий. Пятьдесят «светлых голов», каждая из которых вела свой участок фронта. Глядя на темы исследований, Аня осознала: «Велес» — это не просто институт. Это гигантская машина, где каждый ученый был шестерёнкой. Если сложить все эти данные вместе, можно было не просто лечить рак — можно было переписывать правила, по которым живет человек. И Харитонов был единственным, кто видел всю картину целиком.

Лаборатория оживала каждое утро по одному и тому же сценарию, который Аня теперь знала наизусть. Маслов всегда появлялся без пяти девять, вешал пальто на третий крючок слева, потирал руки и оглядывал помещение так, будто за ночь кто-то мог украсть его реактивы. Игорь вваливался чуть позже, ставил на стол неизменный термос с чем-то имбирным и включался в работу через тридцать секунд, начиная говорить только после первого глотка. Наташа приходила рано, работала молча, лишь изредка бормоча себе под нос обрывки формул, и постоянно грызла колпачки ручек. А Лена-стажёр вообще была похожа на лабораторного призрака: появлялась из ниоткуда, делала своё дело и так же бесшумно исчезала.

И только Марина была константой. Ане казалось, что она вообще не уходит домой. Во сколько бы Аня ни пришла, Марина уже сидела за монитором с идеально прямой спиной, а вечером уходила позже всех — но ровно в девятнадцать ноль-ноль. Словно внутри неё тикал таймер.

Аня смотрела на них поверх своего монитора и признавалась себе: здесь работают по-настоящему. В её старом институте из четырнадцати человек науку двигали трое, остальные просто пили чай, дожидаясь пятницы. В «Велесе» никто не ждал пятницы, потому что работа была интереснее выходных.

В пятницу за обедом Аня сидела с Денисом. Здесь не было привычного общественного гула. Стоял специфический шум — смесь из обрывков терминов и яростных споров. За соседним столом два профессора спорили так, будто решали судьбу Вселенной, хотя речь шла всего лишь о способе очистки нуклеиновых кислот. Эти люди не просто обедали; они продолжали вычислять и опровергать даже над тарелкой супа.

Сегодня давали густой свекольный борщ с настоящей сметаной — роскошь, от которой она давно отвыкла. Аня как раз доедала его, когда к её столику подлетел мужчина в измятом халате. Его глаза лихорадочно блестели.

— Коллега! — он вцепился в её рукав. — Вы же из группы Крыловой? Скажите, вы замечали корреляцию между скоростью сплайсинга и фазами луны?

— Простите, что? — Аня попыталась высвободиться.

— Луна! Электромагнитный фон! Пятьдесят гениев думают в унисон, мы создаем помехи в поле! Кстати, я Соколов. Из отдела биофизики.

— Очень приятно, — Аня опешила. — Я тоже Соколова. Анна.

Мужчина замер, подозрительно прищурился, а потом вдруг коротко хохотнул.

— Соколов и Соколова? В одном центре? Харитонов определенно клонирует сотрудников, начиная с фамилий. Это статистическая аномалия, коллега! Подумайте над фазами луны!

Он убежал, не дождавшись ответа. Аня посмотрела ему вслед, потом на Дениса.

— Он всегда такой?

— Соколов-второй? — Денис усмехнулся. — Он безобидный. Просто иногда мозги у местных корифеев закипают. Пятьдесят таких интеллектов в одном закрытом пространстве — это как ядерный реактор. Без охлаждения начинает фонить.

Денис, как обычно, трещал без умолку, рассказывая какую-то байку про биохимиков с первого этажа, а Аня ела и просто наблюдала за залом. Смотреть на людей она всегда умела лучше, чем с ними разговаривать.

Её взгляд зацепился за бейджи. Она видела их каждый день, сама носила такой же белый пластиковый прямоугольник на халате, но только сейчас, охватив взглядом всю столовую, заметила систему.

Белые — у науки. У неё, у Дениса, у Маслова за соседним столом. Синие мелькали у раздачи — администрация, Светлана Игоревна и девочки с ресепшена. Серые карточки носила охрана.

В этот момент мимо их столика быстро прошёл мужчина. Обычное, ничем не примечательное лицо, тёмная униформа без нашивок. Он не стал задерживаться в зале, просто забрал у стойки какой-то пакет и направился к выходу. На его груди висел абсолютно чёрный бейдж. Без имени, без должности, без логотипа. Просто чёрный кусок пластика.

— Денис, — Аня кивнула вслед мужчине. — Белые — наука, синие — администрация, серые — охрана. А чёрные?

Денис замер с поднесённой ко рту ложкой. Посмотрел на дверь, в которую только что скрылся человек, потом опустил глаза в тарелку.

— Не знаю, — ответил он как-то слишком ровно.

— Ты здесь три года и не знаешь? Наверное, какая-нибудь техническая служба?

— Откуда мне знать, Ань. Электрики или вентиляция, мало ли.

— Электрики носят серые карточки. Я видела вчера одного в коридоре — серый бейдж, имя, должность. У этого вообще ничего нет.

Денис перестал жевать. Он поднял на неё взгляд, и на одну короткую секунду Аня увидела, как с его лица исчезла привычная веснушчатая улыбка. Под ней оказалось что-то плоское, настороженное, похожее на запёртую дверь.

— Соколова, — тихо сказал он. — Пожалуйста. Ешь борщ.

Улыбка вернулась на его лицо так же быстро, как исчезла, но осадок остался. Аня молча взяла ложку, продолжая краем глаза смотреть на закрывшуюся дверь столовой.

На четыре часа у неё была назначена обязательная беседа с Элиной Галиевой. Марина предупредила об этом ещё во вторник, бросив вскользь: «Это чистая формальность, не волнуйся». Но тон, которым это было сказано, оставлял пространство для сомнений.

Кабинет Галиевой располагался на втором этаже Корпуса Б, в отдельном крыле. Это была единственная деревянная дверь, которую Аня видела в «Велесе» — никакой стеклянной прозрачности.

Внутри не было ничего от стерильной больничной атмосферы. Мягкий свет, удобные глубокие кресла, на стене — акварельный морской пейзаж и диплом МГУ в аккуратной рамке. Пахло чем-то неуловимо цветочным. Сама Элина Рашидовна идеально вписывалась в этот интерьер: ухоженная, в тёмно-зелёном платье, с собранными тёмными волосами и внимательными, тёплыми карими глазами.

— Анна Дмитриевна, присаживайтесь. Как вы себя чувствуете? Как прошла первая неделя? — её голос обволакивал, приглашая расслабиться.

— Хорошо. Продуктивно, — ответила Аня, садясь на край кресла.

Элина чуть улыбнулась, положив на колени обычный бумажный блокнот. Никаких планшетов и экранов.

— Вы всегда отвечаете такими короткими предложениями?

— Когда не знаю, чего от меня ждут — да.

Психолог понимающе кивнула и сделала короткую пометку ручкой.

— Новое место, новые люди. Адаптация обычно занимает пару недель. Расскажите, с кем вы уже успели наладить контакт? Как вам ваши коллеги? А куратор... Алексей Романович?

Вопросы звучали мягко, как светская беседа, но Аня почувствовала скрытое натяжение. Галиева не просто поддерживала разговор — она собирала профиль.

— Нормально, — пожала плечами Аня. — Рабочий контакт. Объяснил свою роль, отказал в полном доступе к данным. Вежливо.

— И это вас расстроило?

— Нет. Вызвало чувство раздражения. Но я понимаю — протокол.

Элина снова что-то быстро записала, не глядя на бумагу.

— Анна Дмитриевна, вы не чувствуете здесь тревогу? Беспокойство от закрытой территории?

— Нет. Чувствую интерес к работе. И к тому, как здесь всё устроено.

Галиева посмотрела на неё чуть дольше обычного, затем отложила ручку.

— Это хорошо. Любопытство — признак здоровой адаптации. Но знаете... здесь бывает непросто, — Элина сделала пометку в блокноте. — Пятьдесят блестящих умов в изоляции. Иногда люди начинают додумывать. Видеть то, чего нет. Мозг пытается заполнить пустоты. Если заметите за собой что-то подобное — приходите, моя дверь всегда открыта.

Аня встала, чтобы уйти, и уже у самой двери обернулась.

— Вы это всем говорите?

— Всем, — спокойно ответила Элина. — Без исключений.

Выйдя в коридор, Аня прислонилась спиной к прохладной стене. *Иногда люди видят то, чего нет.* Удобная формулировка. Идеальная заготовка на случай, если новый сотрудник начнет задавать слишком много неудобных вопросов — все можно списать на стресс и особенности адаптации мозга.

Она мысленно добавила эту фразу в свой мысленный список странностей «Велеса».

Вечером она заглянула в библиотеку — огромный зал с панорамными окнами и запахом старой бумаги. Там было людно. За столами сидели те самые «гении». Один листал фолиант, другой что-то чертил в блокноте, третий просто смотрел в окно, но его губы шевелились — он решал уравнения.

Это было похоже на монашеский орден, где вместо молитв — формулы. Пятьдесят человек, лишенных быта и оставленных наедине с чистой наукой. Аня подумала: что происходит с разумом в такой среде? Он либо становится божественным инструментом, либо... ломается.

Она прошла вглубь зала, туда, где вдоль стен тянулись высокие дубовые стеллажи со свежей научной периодикой. Воздух здесь пах типографской краской и пылью. Аня протянула руку к стопке журналов «*Nature*» за прошлый год и вдруг краем глаза уловила едва заметное движение.

В соседнем проходе, почти сливаясь с густой тенью от массивного шкафа, стоял Алексей Зимин.

Он не читал. В его руках не было ни книги, ни планшета. Он стоял, скрестив руки на груди, и смотрел сквозь просвет в полках в главный зал — туда, где под уютными зелёными лампами сидели гении Харитоновы. Смотрел тем же ровным, непроницаемым взглядом, каким изучал саму Аню в лаборатории. Куратор. Надсмотрщик. Пастух этого странного стада.

Аня замерла. В полумраке библиотеки резкий профиль Алексея казался высеченным из камня. И снова эта деталь, зацепившая её в первый день: левый рукав его неизменной темной водолазки был оттянут чуть сильнее, почти до самых костяшек пальцев.

Он почувствовал ее взгляд. Не вздрогнул, не обернулся резко — просто плавно, почти по-кошачьи повернул голову. Их глаза встретились сквозь узкую щель между книгами.

Секунда. Вторая. Третья.

В этом взгляде не было ни угрозы, ни вежливого приветствия. Но Аня вдруг с пугающей ясностью поняла: он знает, что она за ним наблюдает. И почему-то позволяет ей это делать. Алексей коротко, едва заметно кивнул ей, затем бесшумно отлепился от стеллажа и растворился в глубине коридора, оставив после себя лишь легкий запах озона и холодного воздуха.

Аня медленно выдохнула, чувствуя, как колотится сердце. Пятьдесят блестящих умов. И один человек, который почему-то должен охранять их друг от друга — или, что еще страшнее, кого-то от них.

Утром в субботу Аня пошла в бассейн, расположенный в цокольном этаже жилого корпуса. Ей не столько хотелось плавать, сколько нужно было сбросить накопившееся напряжение и сменить картинку перед глазами. В восемь утра двадцатипятиметровая чаша с бирюзовой водой была абсолютно пустой.

Она проплыла несколько дорожек, давая мышцам нагрузку до жжения в легких, и тяжело дыша, повисла на бортике.

— Не знала, что вы плаваете, — раздался сверху спокойный голос.

Аня отерла воду с лица. На краю бассейна стояла Марина Сергеевна в темном купальнике и с шапочкой в руке. Без привычного халата и папки с протоколами она выглядела просто как очень уставшая женщина сорока пяти лет.

— Я много чего делаю, когда есть где, — ответила Аня.

Марина кивнула, спустилась в воду и поплыла — размеренно, без брызг, как человек, для которого это часть ежедневной рутины. Минут двадцать они плавали молча в разных концах дорожек. Когда Аня вышла и села на пластиковую скамейку, обтираясь полотенцем, Марина подошла к ней.

— Аня, — начала она тихо, глядя на воду. — Я хочу кое-что сказать. Не как наставник. Мне нравится, как вы работаете. Вы настоящий учёный, а это здесь редкость.

— Здесь? — Аня искренне удивилась. — По-моему, тут все настоящие.

— Все умные. Не все настоящие. Это разные вещи. — Марина сжала в руках полотенце.

— Вы задаете правильные вопросы. Не бросайте эту привычку.

Аня нахмурилась:

— Странно. Мне все вокруг говорят обратное. «Не спрашивай, не копай, ешь суп».

Эхо пустого бассейна подхватило их голоса, размножив по кафельным стенам. Марина посмотрела Ане прямо в глаза — долго, изучающе.

— Здесь пятьдесят лучших ученых страны. Все — достойные люди. Но не в каждом из тех, кто носит белый халат, всё ещё остался человек.

Она развернулась и пошла к раздевалкам, оставив фразу висеть в воздухе. Аня не стала её окликать. Она сидела на скамейке, слушая плеск воды, и пыталась понять: это было предупреждение? Просьба о помощи? Или мольба человека, который сам уже давно разучился задавать вопросы?

Вечером после ужина Аня шла к себе по застеклённой галерее. Декабрь за окном сгустился в тёмные сумерки, подсвеченные лишь жёлтыми пятнами фонарей на снегу.

Она думала о чёрных бейджах, о пронизывающем взгляде Элины Галиевой, о странных словах Марины. И тут увидела Костю.

Мужчина сидел на уличной скамейке прямо у входа в жилой корпус. На улице было около десяти градусов мороза, но он вышел в одном тонком свитере, сгорбившись и бездумно глядя на снег перед собой. С их первой встречи в столовой он стал выглядеть значительно хуже: лицо заострилось, приобрел пугающий землистый оттенок, плечи окончательно обвисли.

Аня выскочила из галереи. Морозный воздух мгновенно забрался под одежду.

— Константин? Вы же замёрзнете.

Он поднял голову. Взгляд был мутным, расфокусированным, словно он пытался разглядеть её сквозь толщу воды. Понадобилось несколько секунд, чтобы в его глазах блеснуло узнавание.

— Вы... новенькая. Соколова.

— Аня. Да, мы виделись в столовой.

— И вы не уехали, — его руки, лежащие на коленях, мелко и непрерывно дрожали. Это не была дрожь от холода.

— Не уехала.

— Не надо было оставаться, — едва слышно произнёс он.

Аня сделала шаг ближе.

— Почему? Что с вами происходит?

Костя резко вскинул голову и затравленно оглянулся. Его взгляд метнулся вверх, туда, где под козырьком крыши размеренно мигал красный диод камеры наблюдения.

— Мне нельзя, — зашептал он, сжимаясь ещё сильнее. — Мне нельзя с вами разговаривать.

— Кто вам запретил?

Вместо ответа он тяжело поднялся. Его качнуло, и Аня инстинктивно протянула руку, чтобы поддержать, но Костя шарахнулся от неё, как от огня.

— Не трогайте! Идите. Пожалуйста, просто идите!

Он развернулся и быстро, неровной, почти ломаной походкой пошёл к двери корпуса, постоянно оглядываясь, словно ждал, что из темноты за ним кто-то выйдет. Дверь захлопнулась.

Аня осталась стоять на морозе. Она подняла глаза на камеру. Чёрный объектив на стене почти незаметно повернулся, фиксируясь прямо на ней.

Вернувшись в свою комнату, она первым делом достала из-под матраса Катин блокнот. Села на кровать и начала быстро писать, вдавливая ручку в бумагу.

*«Конец первой недели. Система бейджей: кто носит чёрные? Элина Галиева — фиксирует каждую реакцию, готовит почву, убеждая, что мозг "додумывает" пустоты. *Марина говорит, что в людях "не осталось человека"*. Состояние Кости — тремор усилился, нарушена координация и, видимо, терморегуляция (сидел на морозе в свитере). Он панически боится камер и того, что с ним заговорят.»*

Она перечитала написанное. Шесть аномалий за семь дней. Для учёного это больше не разрозненные факты. Это формирующийся паттерн, а любой паттерн имеет источник.

Аня выключила свет и легла, натянув одеяло подбородка. За окном, сквозь стволы сосен, ровно и холодно светились матовые окна второго и третьего этажей Корпуса В. Как и вчера. Как и всегда.

Она смотрела на этот свет, пока глаза не начали слипаться, понимая одну пугающую вещь: Элина Галиева ошибалась. Аня ничего не додумывала.

Глава 6 Базовый уровень

ГЛАВА 6. БАЗОВЫЙ УРОВЕНЬ

Вторая неделя началась с открытия.

Аня сидела за рабочим столом, уставившись в монитор, и не могла поверить в то, что видела. Данные серии А, которые она верифицировала всю первую неделю, оказались не просто качественными — они были безупречными. Но дело было не в этом. Дело было в методе.

Метод «Велеса» отличался от всего, что она знала. Классический подход к редактированию генома — CRISPR-Cas9 — работал как ножницы: вырезал фрагмент ДНК и вставлял новый. Грубо, эффективно, с побочными эффектами, которые потом приходилось отлавливать месяцами. То, что делали здесь, было другим. Не ножницы — скорее перо. Точечная модификация, которая не разрушала структуру, а переписывала ее изнутри, сохраняя целостность хроматиновой архитектуры.

Именно то, о чем она написала в той самой фразе в третьем параграфе своей статьи. Одной фразой. Вскользь.

Они это уже делали. Здесь, в «Велесе», за бетонным забором посреди леса, пятьдесят человек тихо и методично решали задачу, которую весь остальной мир только начинал формулировать.

Аня откинулась на спинку стула и сняла очки. Протерла их краем халата. Надела обратно. Посмотрела на экран еще раз — может, ей показалось. Не показалось.

— Марина Сергеевна, — позвала она, стараясь не выдать голосом то, что творилось у нее внутри.

Марина подошла. Встала за ее плечом, посмотрела на экран.

— Вижу, — сказала она. — Вы дошли до третьего блока.

— Это... — Аня замолчала, подбирая слова. Потом бросила попытки. — Это невозможно. На текущем уровне технологий этого не должно существовать. Точность модификации — девяносто восемь и шесть. При сохранении структуры хроматина. Без внецелевых мутаций. Этого не может быть.

— Может, — сказала Марина. — Здесь — может.

— Но как? Какой вектор доставки? Какая система наведения? Я не вижу этого в данных серии А.

— Потому что это серия А, — ответила Марина ровно, как отвечала на все вопросы, которые упирались в стену допуска. — Методология доставки — в расширенном уровне.

— Который на следующей неделе.

— Который на следующей неделе.

Аня посмотрела на нее. Марина стояла с тем же непроницаемым выражением, с которым стояла всегда, но в уголках ее глаз мелькнуло что-то — не улыбка, не одобрение, а скорее отблеск чего-то, что Аня за неимением лучшего слова назвала бы сочувствием.

— Вы уже привыкаете, — тихо сказала Марина и вернулась к себе.

Аня не привыкала и не собиралась привыкать. Она собиралась разобраться.

К среде она перелопатила весь третий блок серии А и нашла четырнадцать мест, где можно было улучшить протокол. Не ошибки — скорее неиспользованные возможности. Места, где предыдущая группа пошла стандартным путем, хотя можно было срезать. Она чувствовала это интуитивно — той самой интуицией, которая приходит после десяти тысяч часов работы с

генетическим кодом, когда ты начинаешь видеть ДНК не как текст, а как музыку, и слышишь, где фальшивит.

Она составила список корректировок — аккуратно, с обоснованиями, со ссылками на собственные расчеты. Напечатала, перечитала, исправила две опечатки. Отнесла Марине.

Марина читала двадцать минут. Не перебивала, не кивала — просто читала, водя пальцем по строчкам, как делала всегда. Потом подняла голову.

— Пункт третий и седьмой — спорные. Остальные... — она помолчала. — Остальные я бы хотела показать Виктору Леонидовичу. Если вы не против.

Аня не была против.

Харитонов пришел на следующий день.

Не вызвал к себе, не назначил встречу — просто появился в лаборатории в половине одиннадцатого, в своем неизменном темном свитере, с двумя стаканами кофе. Один поставил перед Аней.

— Марина показала мне ваши заметки, — сказал он, садясь на край соседнего стола. Так садятся люди, которые хотят показать, что разговор — неформальный. — Расскажите мне про пункт девятый.

Пункт девятый был ее любимым. Она предложила изменить последовательность этапов модификации — не линейно, как было в протоколе, а параллельно, запуская два процесса одновременно. Это противоречило стандартной практике, но сокращало время процедуры вдвое и, по ее расчетам, снижало риск внецелевых эффектов на двенадцать процентов.

Она объясняла семь минут. Харитонов слушал, не перебивая. Маслов за соседним столом перестал печатать и тоже слушал, хотя делал вид, что не слушает. Наташа не делала даже вида.

Когда Аня закончила, Харитонов молчал. Долго — десять секунд, пятнадцать. Смотрел на нее с тем выражением, которое она помнила по собеседованию в Москве — как на задачу, которая решилась именно так, как он предсказывал.

— Именно это я в вас видел, — сказал он наконец.

Аня не знала, что на это ответить. Поэтому просто кивнула.

— Марина Сергеевна, — Харитонов обернулся. — Включите пункты четыре, шесть, девять и одиннадцать в обновленный протокол. Третий и седьмой — на доработку. Остальные — в резерв.

Марина кивнула. Аня заметила, что Маслов за своим столом еле заметно поднял брови — впечатленный.

Харитонов встал, застегнул верхнюю пуговицу на своем пиджаке, и уже уходя, обернулся:

— Аня, сегодня мы откроем вам расширенный уровень. Мне кажется, вы готовы раньше, чем я рассчитывал.

Он вышел. Дверь закрылась за ним мягко, без звука.

Аня сидела и смотрела на свой список корректировок, на котором теперь стояла размашистая подпись Харитонova. Четыре пункта из четырнадцати — приняты сразу. Для человека, который работает здесь десять дней, — это было невероятно.

— Поздравляю, — сказал Маслов негромко.

— С чем?

— С тем, что Харитонов принял твои правки с первого раза. Мне на это понадобился год. Аня посмотрела на него. Маслов не шутил.

— Серьезно?

— Абсолютно. — Он вернулся к экрану. — Добро пожаловать в высшую лигу, Соколова.

За окном падал снег. Мягкий, ровный, как будто кто-то наверху методично рассыпал его по лесу. Аня смотрела на снежинки и чувствовала то, чего не чувствовала очень давно — с

защиты кандидатской, может быть, или с того дня, когда ее статью приняли в журнал. Чувство, что она на своем месте.

Она развернулась обратно к монитору и работала до восьми вечера, не замечая времени.

Алексей стал частью ее рабочего дня из-за кофе. Точнее — из-за ее привычки забывать про завтрак.

Это случилось на третий день. Аня пришла в лабораторию в половине восьмого — раньше всех, кроме Марины, — и сразу нырнула в данные. В девять осознала, что не ела. В десять — что голова начинает кружиться. В половине одиннадцатого дверь открылась, и на ее стол встал стакан кофе. Не из автомата — нормальный, сваренный, горячий.

Аня подняла голову. Алексей стоял рядом с папкой в руке.

— Заявка на реагенты, — сказал он, положив папку. — Нужна ваша подпись.

— Спасибо. — Она потянулась к папке, потом посмотрела на кофе. — А это?

— Вы не были на завтраке. И вчера не были.

— Ты следишь за тем, кто ходит на завтрак?

— Я слежу за тем, чтобы сотрудники были в рабочем состоянии, — ответил он ровно.

— Голодный ученый — неэффективный ученый. Это часть моей работы.

Он сказал это так буднично, что спорить было глупо. Аня подписала заявку, выпила кофе и забыла об этом.

На следующее утро стакан снова стоял на ее столе, когда она пришла. Без записки, без объяснений. Просто кофе. Она посмотрела на Марину — та едва заметно покачала головой, мол, не я. Наташа, не отрываясь от экрана, бросила:

— Это Зимин. Я была тут, когда он принес и поставил на твой стол.

С провожаниями получилось похоже. В конце первой недели Аня задержалась до десяти вечера — увлеклась, потеряла счет времени. Когда вышла из лаборатории, коридор был пустой и темный — освещение переходило в ночной режим после девяти, и половина ламп гасла. Она пошла к выходу и на повороте столкнулась с охранником — крупным, бритоголовым, в серой форме. Он осветил ей фонарем в лицо.

— Пропуск.

— Я... — Аня зажмурилась от света. — Соколова. Ведущий специалист. Пропуск в кармане.

— Доставайте.

Она достала, показала. Охранник сверил, кивнул, но смотрел тяжело, долго, как смотрят на человека, который находится не там, где должен быть.

— После девяти в лабораторном корпусе требуется уведомление службы безопасности. На будущее.

— Меня не предупреждали.

— Теперь предупредили.

Он ушел. Аня стояла в полутемном коридоре, и сердце колотилось — не от страха, а от унижительного ощущения, что ее только что проверили как нарушительницу.

На следующий вечер, когда она вышла из лаборатории в половине девятого, у двери стоял Алексей.

— Поздно работаешь, — сказал он.

— Есть правило про уведомление после девяти. Мне вчера объяснили.

— Знаю. — Пауза. — Если задерживаешься, лучше выходить до девяти. Или предупредить меня — я оформлю допуск на ночную смену.

— Или ты можешь просто меня проводить, — сказала Аня, и сама не поняла, почему это сказала.

Он посмотрел на нее спокойно, без удивления.

— Могу.

С того вечера он провожал ее каждый раз, когда она задерживалась. Сначала Аня думала — совпадение, просто оказывался рядом. Потом поняла: нет. Он знал, когда она выходит. Всегда знал.

Это должно было настораживать. Куратор, который следит за ее расписанием, носит кофе, появляется в нужный момент — это контроль, а не забота. Аня понимала это головой. Но рядом с ним было спокойно — тем иррациональным спокойствием, которое не объясняется логикой. Как будто темный коридор становился просто коридором, а не пространством, где тебя проверяют фонарем в лицо.

Она не знала, что ей с этим делать. Поэтому просто пила кофе по утрам и шла рядом с ним по вечерам, и не задавала вопросов, на которые он все равно не ответил бы.

Но наблюдать — наблюдала.

Он знал расписание центра лучше, чем навигационная система. Знал, кто где находится в любой момент — не потому что следил специально, а потому что это было частью его существа, ввевшейся так глубоко, что отделить человека от функции уже невозможно. Однажды в столовой Денис спросил, где Маслов, и Алексей, проходивший мимо, не замедляя шага, бросил:

— Корпус А, третий этаж, комната 307. Вернется через двадцать минут.

И ушел. Денис посмотрел на Аню, Аня — на Дениса. Маслов вернулся через девятнадцать минут.

У него был допуск ко всем корпусам — включая В. Аня видела это каждое утро из своего окна. Ровно в семь — темная фигура в темной куртке, быстрый шаг по дорожке между корпусами. Биометрический замок, ладонь, открытая дверь. Каждый день. Без исключений.

Возвращался через сорок минут. Иногда — через сорок пять.

— Ты рано встаешь, — сказала она ему однажды утром, когда он принес кофе, а она еще не успела снять куртку.

— Привычка, — ответил он. — Встаю рано, чтобы привести мысли в порядок.

— Армейская?

— В том числе. Режим сложно перестроить.

— И что ты делаешь в семь утра?

— Спорт. Утренняя тренировка перед началом рабочего дня помогает держать форму.

— Каждый день? Без выходных?

— Организм не любит выходных от дисциплины. Поэтому да, каждый день.

Она посмотрела на него. Он стоял у двери, как всегда — прямой, спокойный. Темная водолазка. Рукава до запястий. Руки вдоль тела.

И тут она увидела.

На сгибе правого локтя — синяк. Маленький, круглый, желтовато-лиловый. Характерный, узнаваемый. Аня видела такие сотни раз — на пациентах, на донорах крови в своем НИИ, на собственной руке после сдачи анализов. След от иглы. Не свежий — вчерашний или позавчерашний. Почти зажил, но еще видно.

Алексей перехватил ее взгляд. Спокойно, без суеты, опустил рукав чуть ниже. Синяк исчез.

— Что-то еще? — спросил он.

— Нет, — сказала Аня. — Спасибо за кофе.

Он кивнул и вышел.

Аня стояла со стаканом в руке и смотрела на закрытую дверь. Синяк на сгибе локтя. От спорта таких не бывает. От капельницы — бывает. От внутривенной инъекции — бывает. От забора крови — бывает.

Каждый день. В семь утра. Корпус В. Сорок минут.

Она поставила кофе на стол. Не притронулась к нему до обеда.

Работа затягивала — это было единственное, что не вызывало вопросов.

Аня погружалась в данные как в воду — целиком, без остатка. Часы исчезали. Обед приходил и уходил — иногда она забывала про него, и тогда Марина молча ставила рядом с ее монитором тарелку из столовой. Аня ела не отрываясь от экрана, иногда путая вилку с ручкой.

Генетические профили пациентов с наследственными заболеваниями были оформлены безупречно — чистые данные, правильная структура, прозрачная методология. Болезнь Гентингтона, муковисцидоз, мышечная дистрофия Дюшенна. Знакомые названия, знакомые мутации, знакомая боль — Аня знала эти болезни не из учебников, а из жизни. Ее мать умерла от того, что клетки ее тела перестали подчиняться правилам, и никто не мог объяснить почему.

Здесь — это исправляли. Метод «Велеса» работал. По данным серии А, модификация устраняла мутацию в девяноста восьми процентах случаев. Девяносто восемь. Аня перепроверила шесть раз. Результат не менялся.

Если это правда — а данные говорили, что правда — то «Велес» стоял на пороге того, о чем мечтало каждое поколение генетиков с момента расшифровки генома. Излечение неизлечимого. Конец наследственных приговоров. Мир, в котором ни одна мать не будет умирать от того, что ее ДНК содержит ошибку.

Аня думала об этом и чувствовала, как что-то сжимается в груди — чувство того, что она опоздала. Для мамы — опоздала. Но если то, что делает «Велес», выйдет за пределы этого леса — другие не опоздают.

Это было больше, чем работа. Это было то, ради чего она пришла в генетику.

Она работала допоздна, потом вышла из лаборатории, и в коридоре, как всегда, был Алексей. Они шли по галерее молча. Снег за стеклом. Фонари. Тишина.

— Тебе нравится здесь? — спросил он вдруг.

Аня удивилась — он редко задавал вопросы, которые не касались работы.

— Да, — сказала она. — Очень.

— Хорошо.

Пауза. Шаги по светлому полу.

— А тебе? — спросила она.

Он не ответил сразу. Они прошли еще метров двадцать в тишине, прежде чем он сказал:

— Здесь — мое место.

Это было сказано ровно, без эмоций, как констатация. Но Аня услышала в этих словах что-то, что не укладывалось в простой ответ. Не «мне здесь нравится». Не «я здесь счастлив». «Здесь — мое место.» Как говорят о привязи. Или о клетке, к которой привык настолько, что уже не замечаешь прутьев.

У двери корпуса он остановился.

— Спокойной ночи, Аня.

— Спокойной ночи.

Он пошел к себе — не вверх, к жилым этажам, а в другую сторону, к лестнице, которая вела вниз. Аня смотрела, как он уходит. Прямая спина. Точные шаги. Ни одного лишнего движения.

Она поднялась к себе, приняла душ, села на кровать. За окном — сосны, снег, тусклый свет из матовых окон Корпуса В. Достала блокнот и написала все разом: про метод и девяносто восемь процентов, про Харитонову и его четыре принятых пункта, про Маслова, которому на это понадобился год. Про маму. Про чувство, что она опоздала. Про снег за стеклом лаборатории, и про кофе каждое утро, и про темный коридор с охранником. А внизу страницы, мелким почерком:

«Синяк на сгибе локтя — от иглы. Каждый день, 7:00, Корпус В, 40 минут. Это не спорт. "Здесь — мое место." Не "мне нравится". Место. Как будто у него нет выбора. Все идеально. Слишком идеально. Меня это тревожит.»

Закрыла блокнот, убрала под матрас и выключила свет. Лежала в темноте и думала о синяке на чужом локте, о кофе, который появляется каждое утро, и о человеке, который почему-то знает ее расписание лучше, чем она сама. Заботится — или контролирует. А может, и то и другое. И от этого «может» было тревожнее всего.

Глава 7 Константин

ГЛАВА 7. КОНСТАНТИН

Две недели в «Велесе» пролетели так, будто кто-то нажал кнопку ускоренной перемотки.

Расширенный уровень доступа, который Харитонов открыл для нее, оказался настоящим океаном данных. Аня нырнула в него с головой. Методология доставки генетического материала, которую использовали в центре, была изящной до дрожи. Они использовали вирусные векторы, но не стандартные, а модифицированные так, что иммунная система человека их просто не замечала. Это была чистая, абсолютная магия на молекулярном уровне.

Аня приходила в лабораторию первой, уходила последней, и если бы не кофе от Алексея и не тихие, но настойчивые напоминания Марины об обеде, она бы забыла, как выглядит обычная еда.

Но к концу второй недели, когда первый шок от научных прорывов немного улегся, Аня начала замечать бреши в окружающей реальности. Точнее, одну конкретную брешь.

Она не видела Костю.

Тот сутулый, сторбленный человек из нейрофизиологии с трясущимися руками исчез. Его не было в столовой ни на завтрак, ни на ужине. Он не сидел на скамейке у жилого корпуса в своем тонком свитере. Он просто испарился, перестал быть частью пейзажа.

Сначала Аня думала, что он заболел — с таким тремором и землистым цветом лица это было бы неудивительно. Но на третий день его отсутствия, потом на пятый, внутри начало зарождаться знакомое, неприятное чувство. Как тогда, с пятью аномалиями.

За обедом в четверг она сидела напротив Дениса. Тот, как всегда, увлеченно рассказывал про забавный баг в программе для секвенирования. Аня слушала вполуха, методично размешивая суп.

— Денис, — прервала она его на полуслове. — А где Костя?

Денис осекся. Рука с куском хлеба замерла на полупути ко рту. Вся его обычная, живая, веснушчатая подвижность вдруг исчезла, и лицо на секунду стало пепельно-бледным. Это длилось мгновение, но Аня умела фиксировать такие мгновения.

— А, Костя? — Денис опустил хлеб на тарелку. Улыбка, которую он попытался вернуть на лицо, вышла кривой и искусственной. — Его перевели.

— Куда?

— В другой филиал. Обычное дело, у нас же не только эта база, есть еще исследовательские площадки. Ротация кадров.

— Внезапная ротация? Прямо посреди рабочего цикла?

— Ань, ну я-то откуда знаю приказы администрации? — Денис нервно повел плечами. — Перевели и перевели. Значит, там он нужнее.

Он быстро запихнул хлеб в рот и уткнулся в тарелку, всем своим видом показывая, что тема закрыта. Аня не стала давить. «Перевели в другой филиал». Логичное, спокойное объяснение. Если бы не этот секундный страх в глазах Дениса.

Вернувшись в лабораторию, она подошла к столу Марины. Наставница проверяла графики, выпрямив спину, как струну.

— Марина Сергеевна.

— Да, Аня? — она не отвлеклась от монитора.

— Вы не знаете, что случилось с Константином Никоновым из нейрофизиологии? Я давно его не видела. Денис сказал, что его перевели в другой филиал.

Марина перестала печатать. Ее пальцы замерли над клавиатурой. Она медленно повернула голову и посмотрела на Аню своим тяжелым, спокойным взглядом.

— Не все выдерживают наш режим, Аня. У нас специфические условия, высокая изоляция. Некоторые уезжают.

— Уезжают или переводятся? — уточнила Аня.

— Покидают центр, — сказала Марина, выделяя каждое слово. — Это их право. Не стоит искать скрытый смысл там, где люди просто устали и захотели домой.

Она отвернулась обратно к монитору. Аня вернулась на свое место.

«Перевели в другой филиал» и «не выдержал режима, уехал домой». Два разных ответа на один простой вопрос. Если человек увольняется, об этом обычно знают. Если переводится — тоже. Но когда показания расходятся, значит, оба лгут.

Она дождалась вечера, когда лаборатория опустела. Маслов и Игорь ушли в семь, Наташа — чуть позже. Марина, кивнув на прощание, закрыла свою папку ровно в девятнадцать ноль-ноль. Аня осталась одна, сославшись на то, что ей нужно закончить верификацию по расширенному допуску.

Когда шаги в коридоре стихли, она села за свой рабочий терминал. Сердце колотилось. Она знала, что за всеми действиями в сети следит администрация, но расширенный доступ, данный Харитоновым, позволял ей просматривать базы персонала — якобы для поиска нужных специалистов для консультаций.

Она ввела пароль. Система приняла его. Аня открыла директорию сотрудников и вбила в строку поиска: «Фролова». Система мгновенно выдала профиль Наташи: фото, должность, стаж. Вбила «Зимин». Профиль появился, хотя и скудный — фото и лаконичное «Куратор службы координации».

Она стерла фамилию и медленно, затаив дыхание, набрала: «Никонов Константин».

Нажала Enter.

На экране на долю секунды появился серый кружок загрузки, а затем выскочила сухая надпись: *«Запрос отклонен. Сотрудник не найден»*.

Аня нахмурилась. Попробовала зайти через структуру отделов: «Нейрофизиология». Выпал список из восьми имен. Кости Никонова среди них не было.

Она откинулась на спинку стула, чувствуя, как по спине пробежал холод. Профиль не был перемещен в архив, не был помечен как «в отпуске» или «уволен». Его просто стерли. База данных была зачищена так, словно Константин Никонов никогда не переступал порог «Велеса».

Внутри у Ани все сжалось. Это был уже не звоночек. Это была сирена. Если человека увольняют, его данные остаются в архиве кадров по закону. Удаление профиля «под ноль» означало только одно: система планомерно уничтожает любые следы его пребывания здесь.

Аня выключила терминал. Лаборатория, которая днем казалась ей верхом технологического совершенства, сейчас в пустоте и полумраке напоминала клетку. Она была отрезана от мира лесом и бетонным забором. И в этом мире люди могли просто исчезать.

Она решила не паниковать. Ученый внутри нее требовал фактов, а не эмоций. Может быть, профиль удаляется автоматически при переходе в особо секретные подразделения? Может быть, это баг системы? Она будет наблюдать. Осторожно.

Оставался третий человек, который знал все.

Вечером, когда Аня собиралась уходить, Алексей уже ждал ее в коридоре. Как обычно — прямая спина, темная одежда, руки скрещены на груди. Они пошли по застекленной галерее. На улице мела метель, ветер бился в толстые стекла, но внутри было тихо и тепло.

— Алексей, — Аня не стала ходить вокруг да около. — Куда делся Костя Никонов?

Она смотрела на его профиль. Алексей не замедлил шаг. Ни один мускул на его лице не дрогнул. Он продолжал смотреть вперед, на освещенную фонарями дорожку.

— Почему ты спрашиваешь? — его голос был безупречно ровным.

— Потому что он выглядел больным, а потом исчез. Денис говорит, его перевели. Марина — что он уволился. Я хочу знать правду.

Алексей остановился. Аня тоже остановилась, повернувшись к нему. Он смотрел на нее сверху вниз — долгую, тяжелую секунду. В его темных глазах не было ни злости, ни раздражения. Там была глухая, непробиваемая стена.

— Сотрудники иногда покидают центр, Анна. Это нормально. Личные обстоятельства, здоровье, смена проекта. Администрация не обязана отчитываться перед научным составом о перемещениях персонала.

— То есть, ты мне тоже не скажешь.

— Я сказал тебе то, что ты должна знать.

— Три разных ответа, Алексей. Это не «нормально». Это называется вранье.

Он сделал шаг к ней. Совсем близко. Ане пришлось чуть запрокинуть голову, чтобы смотреть ему в глаза.

— Есть вопросы, на которые я не имею права отвечать, — сказал он тихо, почти на грани слышимости. — А тебе не следует их задавать. Ради твоей же безопасности. Спокойной ночи.

Он обошел ее и направился к жилому корпусу, оставив Аню стоять посреди пустой галереи.

На следующий день за ужином Аня снова сидела с Денисом.

Денис выглядел уставшим. Под глазами залегли тени, волосы, обычно торчащие в разные стороны, сейчас казались прилипшими ко лбу от пота. Он почти не притронулся к еде, зато перед ним стояла уже третья чашка крепкого эспрессо.

— Тяжелый день? — спросила Аня, отодвигая свою пустую тарелку.

— Да так, — Денис нервно дернул плечом. — Секвенировали новую партию образцов. Оборудование барахлило, пришлось перенастраивать оптику вручную. Устал как собака.

Он потянулся к чашке с кофе.

Аня смотрела на его руку. Пальцы Дениса обхватили белую керамическую ручку, он приподнял чашку над блюдцем... и тут раздался тихий, дробный стук.

Дзынь-дзынь-дзынь.

Край чашки мелко застучал по блюду. Рука Дениса дрожала. Это не была слабость от усталости. Это был тот самый глубокий, внутренний микротремор, который невозможно контролировать усилием воли. Дрожь шла откуда-то изнутри, из самой нервной системы.

Точно так же, как у Кости неделю назад.

Аня замерла. В горле встал ком. Она смотрела на дрожащую руку Дениса, на пролившиеся на блюде капли темной жидкости.

Денис быстро, почти испуганно поставил чашку обратно. Он перехватил взгляд Аня. На его лице отразилась паника — чистая, неприкрытая. Он спрятал руки под стол, сцепив их на коленях.

— Кофеина перебрал, — попытался он рассмеяться, но смех вышел жалким, похожим на хрип. — Третья чашка за вечер. Сердце колотится.

— Да, — Аня заставила себя говорить ровно. — С кофе надо осторожнее.

Она не стала ничего спрашивать. Не стала говорить, что видела эту дрожь. Денис был напуган, и ее вопросы только загнали бы его в угол. Но теперь она знала точно: то, что случилось с Костей, не было случайной болезнью. Это был процесс. И этот процесс теперь происходил с Денисом.

Ночью Аня не могла уснуть.

Она ворочалась в кровати, слушая тишину. В голову лезли обрывки мыслей: удаленный профиль Кости Никонова, дрожащие руки Дениса, холодные глаза Алексея, матовые окна Кор-

пуса В. Все это складывалось в картинку, которую она пока не могла разобрать, но от которой веяло смертельной угрозой.

В половине третьего она сдалась. Накинула поверх пижамы длинный кардиган, сунула ноги в кроссовки и тихо вышла из комнаты. Ей нужен был автомат с водой в конце коридора

В жилом корпусе царил полумрак. Дежурное освещение давало ровно столько света, чтобы не споткнуться. Аня шла по ковролину, который скрадывал шаги.

Она уже дошла до автомата и наливала воду в пластиковый стаканчик, когда услышала звук открывающейся двери с лестничной клетки. Лестница вела вниз, к подземному переходу, соединяющему жилой корпус с техническими зонами и Корпусом В.

Из полумрака вынырнула высокая фигура.

Алексей.

Он шел медленно, не так, как обычно. Его фирменная армейская выправка куда-то исчезла. Плечи были чуть опущены, шаг тяжелый. На нем не было привычной водолазки — только темная футболка, видимо, наспех натянутая.

Аня застыла у автомата со стаканом в руке. Алексей поднял голову и увидел ее.

Они стояли в тусклом свете коридора, метрах в пяти друг от друга.

Лицо Алексея было пугающе бледным, почти серым, как у человека, который потерял много крови или перенес сильный приступ боли. На скулах блестела испарина. Волосы влажные.

Но самое главное было на его левой руке. Там, на внутреннем сгибе локтя, поверх вены, белел свежий медицинский пластырь. Края пластыря еще не успели плотно приклеиться к коже.

Это был не спорт. В три часа ночи люди не ходят на спорт, возвращаясь в таком состоянии и со следами инъекций.

Алексей смотрел на нее. Впервые за все время их знакомства в его взгляде не было той расчетливой холодности куратора. Не было контролера. Сейчас перед ней стоял просто измотанный, уязвимый человек, которого застали врасплох в момент его слабости. Маска сорвалась.

В коридоре висела густая, тяжелая тишина. Слышно было только, как гудит компрессор автомата с водой.

— Не спится? — спросил он. Его голос прозвучал глухо, с легкой хрипотцой, совсем не так, как днем.

Аня посмотрела на белый квадрат пластыря на его руке, потом перевела взгляд на его осунувшееся лицо.

— Тебе тоже? — тихо ответила она.

Алексей сделал шаг к ней, и на мгновение Ане показалось, что он сейчас упадет. Она непроизвольно дернулась вперед, но он остановился, опершись рукой о стену. Пластырь на его вене в этом движении стал еще заметнее.

— Есть вещи, — сказал он, глядя не на нее, а куда-то сквозь стену, — которые выглядят неправильно, пока не поймешь, ради чего они делаются.

— А ради чего это делается, Алексей? — спросила она, кивнув на его руку. — Ради чего Костя Никонов стерт из всех баз? Ради чего Денис боится собственной тени?

Алексей наконец посмотрел на нее. В его взгляде на секунду мелькнула такая глухая, беспросветная усталость, что Ане стало физически больно.

— Иди спать, Аня, — сказал он, и в этом не было приказа. Только просьба. — Пока тебе еще снятся нормальные сны.

Он прошел мимо нее, оставив в воздухе слабый запах антисептика, и скрылся за дверью своей комнаты.

Аня осталась стоять у автомата. Вода в стаканчике дрожала — так же мелко и дробно, как дрожали руки Дениса за ужином. Она смотрела в темный конец коридора и понимала,

что идеальный фасад «Велеса» окончательно дал трещину. Алексей Зимин, куратор, который контролировал здесь все, сам был на чьем-то контроле. И, возможно, именно это он имел в виду, когда говорил: «Здесь — мое место». Не власть. А невозможность уйти.

Войдя в комнату, Алексей не стал включать свет. Прислонился спиной к двери и медленно сполз по ней на пол, чувствуя, как внутри все еще гудит выжженное химией тело.

Процедура всегда давалась тяжело. Сегодня — особенно. Состав немного изменили, увеличили концентрацию стабилизатора, и теперь казалось, что в венах течет жидкий свинец. Три года он ходил в Корпус В каждое утро, как на работу, и три года его тело принимало то, что в него вливали, со скрипом и сопротивлением, как механизм, который заставляют работать на износ.

Он поднял руку и содрал пластырь. Кровь уже остановилась, осталась только темная точка прокола. Одна из сотен таких же.

В голове до сих пор стояло лицо Ани в тусклом свете коридора. Ее широко открытые, внимательные глаза. Она не просто задавала вопросы — она собирала данные. Систематизировала. Строила модель. Он видел это по тому, как она смотрела на его пластырь: не с ужасом и не с жалостью, а с той холодной, цепкой наблюдательностью, с которой ученый изучает аномалию. Она не остановится. Такие, как Соколова, не останавливаются. Они смотрят на монстра до тех пор, пока не поймут, как он устроен.

Харитонов совершил ошибку, когда пригласил ее. Или не ошибку. Харитонов вообще редко ошибался — и от этой мысли становилось еще хуже. Потому что если Соколова здесь не случайно, значит, ей отведена роль. Как и всем остальным. Как и ему.

Алексей закрыл глаза, чувствуя, как начинает отпускать судорога в плече. Левая рука еще подрагивала, правая уже затихла. Тело приходило в норму — на время. До следующего утра. До следующей ампулы. До следующего визита в белую комнату с капельницами и мониторами, где врач в перчатках не смотрит тебе в глаза.

Его задачей было — контролировать ее. Следить. Докладывать Лосеву и Харитонову. Сделать так, чтобы она работала и не задавала вопросов.

Но сегодня, там, у автомата, стоя перед ней без маски, слабый бледный, он впервые подумал о том, что хочет совсем другого.

Он хочет, чтобы она никогда не узнала, кто он на самом деле. Что в нем изменили. Что от него осталось. И ради чего этот монстр вообще продолжает существовать.

«Иди спать, Аня», — повторил он про себя, слушая биение собственного сердца, которое теперь билось по чужим правилам. — «Пока еще можешь».

Глава 8 Аномалия

ГЛАВА 8. АНОМАЛИЯ

Третья неделя в «Велесе» началась как обычно, ничего не говорило о том, что произойдет что—то необычное.

Но сначала была рутина.

Расширенный доступ, который Харитонов открыл ей, включал серии от А до Д — огромный массив генетических профилей пациентов с наследственными заболеваниями. Каждый профиль был оформлен безупречно: анамнез, генетическая карта, протокол модификации, результаты. Аня работала с ними методично, по порядку, как привыкла — слева направо, сверху вниз, от простого к сложному. Никаких скачков, никаких ярлыков. Так работают люди, которые знают, что дьявол всегда прячется в деталях.

К среде она добралась до серии Д — последней из доступных. Профили здесь были сложнее: множественные мутации, комбинированные патологии, случаи, за которые не взялась бы ни одна клиника в мире. «Велес» брался. И, судя по данным, справлялся.

Аня открывала файлы один за другим, делала пометки, сверяла протоколы. Маслов и Игорь о чем-то спорили за соседним столом — привычный фон. Наташа грызла очередную ручку. Лена молча печатала. Марина сидела с прямой спиной и проверяла отчеты. Обычный день. Обычная работа.

Файл Д-47.

Аня открыла его машинально, уже чуть притупившись от однообразия формата. Стандартный заголовок, стандартные поля. Генетический профиль, протокол модификации, результаты.

Она начала читать и через тридцать секунд остановилась.

Перечитала. Потом перечитала еще раз, медленнее.

Потом сняла очки, протерла их краем халата, надела обратно и посмотрела на экран так, будто видела его впервые.

Файл Д-47 отличался от всех предыдущих. Не форматом, не оформлением — содержанием. В поле «Код образца» стоял не стандартный буквенно-цифровой идентификатор пациента, а другая маркировка: ****С27-А****.

Аня никогда не встречала такого обозначения в базе. Серии шли от А до Д, внутри — числовые индексы. «С27» не вписывалось ни в одну из существующих категорий.

Но это было не главное. Главное было в самом профиле.

Генетическая карта образца С27-А содержала маркеры, которых Аня не видела никогда. За десять лет работы с геномом человека — никогда. За тысячи прочитанных статей, сотни проанализированных профилей, десятки конференций — ни разу.

Маркеры были расположены в регуляторных областях генома — тех участках, которые управляют экспрессией генов. Но расположены не так, как это бывает в природе. Слишком симметрично. Слишком точно. Как будто кто-то взял человеческую ДНК и переписал ее — не исправил ошибку, не залатал мутацию, а создал что-то принципиально новое. Что-то, чего в природе не существует.

Аня почувствовала, как у нее пересохло во рту.

Она открыла протокол модификации. Стандартные поля были заполнены, но в графе «Система доставки» вместо привычного вирусного вектора или липосомы стояло одно незнакомое английское слово: **CASCADE**.

А ниже шел перечень вмешательств. Уровень перепрограммирования генома был таким глубоким, что это не имело ничего общего с лечением болезней. Модифицированы были не отдельные гены — перестроены целые регуляторные сети. Усиление нейропластичности. Оптимизация мышечной регенерации. Перенастройка иммунного ответа. Замедление клеточного старения.

Это не было терапией. Это было созданием. Создание нового типа человека.

Аня перепроверила данные. Закрывает файл. Открывает снова. Прочитала с начала, результат тот же. Проверила метаданные — файл был создан три года назад, последняя модификация записи — четыре месяца назад. Это не был черновик, не был теоретический эксперимент. Это были реальные данные реального образца.

Ее пальцы слегка дрожали над клавиатурой. Она осознала это и заставила себя положить руки на колени. Выровнять дыхание, успокоится и подумать.

Первая мысль: ошибка. Файл попал не в ту директорию, данные перемешались, программный сбой. Такое бывает в больших базах. Логично и объяснимо.

Вторая мысль:—это не ошибка. Файл оформлен по стандарту «Велеса», метаданные согласованы, протокол заполнен корректно. Ошибки каталогизации не дают содержательно непротиворечивых данных. Это был реальный профиль, который по какой-то причине оказался в общедоступной серии.

Третья мысль: мне нужна Марина.

Аня встала и подошла к столу наставницы. Марина подняла глаза — спокойные, внимательные, как всегда.

— Марина Сергеевна, можно вас на минуту?

— Конечно.

— К моему столу, пожалуйста. Мне нужно показать вам кое-что в серии Д.

Марина поднялась и пошла за ней. Аня заметила, что Маслов проводил их взглядом, но тут же вернулся к своему экрану. Обычное дело — консультация с наставником.

Они подошли к монитору Ани. На экране был открыт файл Д-47.

— Вот, — сказала Аня, указывая на код образца. — С27-А. Я не нахожу этой маркировки ни в одном каталоге серий. И содержание профиля... посмотрите на генетическую карту.

Марина наклонилась к экрану.

Аня смотрела не на монитор — на лицо Марины.

Она увидела все, что ей нужно было увидеть.

Это заняло не больше двух секунд. Марина прочитала код, скользнула взглядом по генетической карте — и ее лицо изменилось. Не выражение — цвет. Кровь отхлынула от щек, как будто кто-то повернул кран. Губы сжались в тонкую линию. Пальцы, лежавшие на краю стола, побелели в костяшках.

Две секунды. Потом Марина выпрямилась, и ее лицо снова стало непроницаемым. Но Аня уже все зафиксировала.

— Где вы это нашли? — спросила Марина. Голос был ровным, но Аня услышала в нем то, что ученый узнает безошибочно: контролируемый страх.

— В общей базе. Серия Д, файл сорок семь. Он был в открытом доступе, в рамках моего допуска.

— Этого не должно было быть в общей базе, — сказала Марина.

— Я так и подумала. Поэтому спрашиваю вас.

Марина посмотрела на нее. Долгий, тяжелый взгляд — тот самый, который Аня помнила по бассейну, по разговору о людях в белых халатах, в которых не осталось человека.

— Закройте файл, — сказала Марина.

— Марина Сергеевна...

— Закройте файл. Сейчас.

Аня закрыла. Марина наклонилась к монитору и проверила, что вкладка исчезла из панели задач. Потом выпрямилась.

— Я разберусь. Это ошибка каталогизации. Файл попал не в ту директорию.

— С таким содержанием? Это не похоже на ошибку каталогизации.

— Аня, — Марина произнесла ее имя так, как произносят слово «стоп». — Я разберусь. Не обсуждайте это ни с кем. Ни с коллегами, ни с куратором. Ни с кем. Вы поняли?

— Поняла.

Марина кивнула и ушла. Не к своему столу — вышла из лаборатории. Дверь за ней закрылась мягко, без звука, но Аня заметила, что ее шаг стал быстрее обычного. Марина Крылова, которая делала все в одном ритме семь лет подряд, ускорила шаг.

Маслов поднял голову:

— Все нормально?

— Да, — сказала Аня. — Нашла ошибку в каталогизации. Марина Сергеевна пошла уточнять.

— А, бывает, — Маслов вернулся к экрану. — Тут базы огромные, иногда файлы путаются.

Аня кивнула и села за стол. Положила руки на клавиатуру. Пальцы все еще дрожали. Она спрятала их под стол и сжала в кулаки.

C27-A. CASCADE. Она запомнила. Не записала — запомнила. Код, генетическую карту, структуру маркеров, протокол модификации. Все. У нее была хорошая память на данные — профессиональная, натренированная годами работы. Можно стереть файл с экрана, но нельзя стереть его из головы ученого.

Марина вернулась через час.

Она вошла в лабораторию тем же ровным шагом, каким выходила каждый вечер в девятнадцать ноль-ноль. Села за стол, открыла папку с отчетами. Ни один человек в комнате не заметил ничего необычного.

Через десять минут она встала и подошла к столу Ани.

— Я проверила, — сказала она негромко, чтобы слышала только Аня. — Это ошибка каталогизации. Файл был перемещен из архивной директории во время обновления системы. Технический сбой. Его уже убрали.

— Убрали, — повторила Аня.

— Да. Вам не нужно об этом беспокоиться. Этот образец не имеет отношения к вашему проекту.

— А к какому проекту он имеет отношение?

Марина посмотрела на нее. В ее глазах не было злости, не было раздражения — была просьба. Тихая, почти беззвучная просьба. Не спрашивай. Пожалуйста.

— Это ошибка каталогизации, — повторила Марина. — Забудьте.

Она вернулась к себе. Аня смотрела ей в спину — прямую, неподвижную, как всегда. Но руки Марины, лежавшие на клавиатуре, не двигались. Она не печатала. Она просто сидела и смотрела в экран.

Десять минут. Двадцать. Полчаса.

Марина Крылова, которая не теряла ни одной рабочей минуты за семь лет, сидела и не могла начать работать.

Вечером Аня осталась в лаборатории одна.

Это стало привычкой — задерживаться после того, как уходили все. Маслов и Игорь ушли в семь, споря по дороге к двери. Наташа — в половине восьмого. Лена испарилась неза-

метно, как всегда. Марина ушла в пять — на два часа раньше, чем обычно. Аня отметила это, но ничего не сказала.

Она сидела за терминалом и думала.

С27-А. Код, которого нет ни в одной серии. Генетический профиль с маркерами, которых не существует в природе. Модификация, которая не лечит болезнь, а создает что-то новое. Файл, который «не должен был быть в общей базе». Марина, которая побледнела за две секунды.

Аня открыла директорию серии Д. Файл сорок семь исчез. Его действительно убрали — и не просто убрали, а зачистили так, что даже метаданные не сохранились. Как с Костей Никоновым. Аня начала замечать закономерность: в «Велесе» умели стирать следы.

Она попробовала подойти с другой стороны. Открыла поисковую строку внутренней сети и ввела: «С27-А».

Результат: *«По вашему запросу ничего не найдено»*.

Попробовала «С27». Тот же ответ.

«С27-В». Ничего.

«С27-С». Ничего.

Аня откинулась на стуле. Если С27-А существовал, значит, существовала серия. А, В, С — это последовательность. Значит, были и другие образцы. Другие профили. Другие... люди?

Она замерла. Мысль была как удар тока — короткий, острый, от которого перехватывает дыхание. Генетический профиль. Не теоретический образец, не клеточная культура — профиль человека. С анамнезом. С протоколом модификации. С результатами. Кто-то прошел через это. Кто-то реальный, живой, с именем и телом, был модифицирован так глубоко, что его ДНК перестала быть полностью человеческой.

Пальцы Ани зависли над клавиатурой и она медленно набрала в поисковой строке одно слово.

CASCADE

Нажала Enter.

Экран мигнул. Появился серый прямоугольник с красной рамкой — системное окно, которого Аня не видела раньше. Внутри — одна строка:

«Доступ запрещен. Уровень допуска недостаточен. Попытка доступа зафиксирована.»

Последние три слова ударили ее как пощечина. *Попытка зафиксирована.* Не просто «доступ закрыт» — а зафиксирована. Прямо сейчас, в эту секунду, где-то в системе безопасности «Велеса», на мониторе у Лосева появилась строчка: «Соколова А.Д., терминал ЛК-12, 20:47, запрос: CASCADE».

Аня судорожно закрыла поисковое окно. Потом закрыла браузер. Потом выключила монитор.

Она сидела в темной лаборатории и слушала тишину. Сердце билось где-то в горле.

CASCADE. Каскад. Цепная реакция.

Аня знала это слово. Каскад — это цепная реакция, где каждый этап запускает следующий. В биологии — каскад сигнальных молекул, где одно событие порождает лавину других. В физике — каскад частиц, где один распад ведет к десяткам новых. В любой системе каскад означает одно: процесс, который, начавшись, уже не может остановиться.

Она сложила пальцы домиком, уперлась в них лбом и заставила свой мозг сделать то, что он умел лучше всего: сложить разрозненные данные в общую картину.

Усиление нейропластичности. Оптимизация мышечной регенерации. Глубокое перепрограммирование ДНК. Три года назад.

А потом — реальность «Велеса». Костя Никонов, который сошел с ума от тремора, перестал контролировать свое тело и исчез. Денис, у которого дрожат руки и паника в глазах.

Марина, которая говорит: «здесь не все живые». Алексей, который сидит на ежедневных инъекциях и говорит: «здесь мое место».

В голове щелкнуло. Пазл сошелся, и от получившейся картины Ане стало нечем дышать. Они не лечили пациентов снаружи.

Им не нужны были клиники и больницы.
Пациенты были здесь. Внутри.

Сотрудники были образцами.

Она встала, надела куртку, выключила свет. Коридор был пуст. Дежурное освещение. Тишина. Камера на стене медленно повернулась, провожая ее красным огоньком. Аня сделала несколько шагов по темному холлу, когда из бокового ответвления, ведущего к посту охраны, бесшумно шагнула высокая фигура. Аня вздрогнула, едва подавив вскрик. Сердце, и без того бившееся где-то в горле, подпрыгнуло к самым вискам.

— Девять пятнадцать, — спокойно произнес Алексей. Он стоял в своей привычной позе, засунув руки в карманы темной куртки. Лицо в полумраке казалось высеченным из камня.

— Ты напугал меня, — выдохнула Аня. Расшатанные недавним открытием нервы сдали, голос предательски дрогнул.

— Извини. Я ждал тебя у перехода. Подумал, что ты снова забыла про время, а у охраны сегодня усиленная смена.

Он поравнялся с ней, и они вместе пошли к застекленной галерее. Аня шла, глядя прямо перед собой, и физически ощущала его присутствие. Раньше оно казалось ей просто тяжелым, давящим, как гравитация. Теперь всё изменилось. Она смотрела на него боковым зрением и видела не куратора. Не отставного военного. Она видела *образец*.

Оптимизация мышечной регенерации. Идеальная координация движений — он ступал так плавно, что его шагов почти не было слышно. Невероятная нейропластичность, позволяющая держать в голове сотни расписаний, допусков и алгоритмов без единой запинки.

Он шагнул ближе, чтобы придержать тяжелую дверь, ведущую в галерею, и его пальцы на долю секунды случайно задели ее кисть. Аня невольно вздрогнула от этого мимолетного контакта — его ладонь, несмотря на мороз за окном, была неестественно горячей, почти обжигающей.

— У тебя руки ледяные, — вдруг сказал Алексей. Он не смотрел на нее, придерживая створку двери. — И ты дышишь так, будто пробежала кросс. Что-то случилось?

Аня глубже засунула руки в карманы куртки, до боли впиваясь ногтями в ладони. Ей нужно было отрезвить себя, заставить голос звучать нормально. Она шла рядом с объектом засекреченного эксперимента, и всего десять минут назад система безопасности засекала ее интерес к нему.

— Данные сложные, — ответила она, стараясь говорить сухо и профессионально. — Закопалась в третьем блоке. Попыталась свести концы с концами.

— Свела?

— Нет. Похоже, мне не хватает переменных для уравнения.

Алексей чуть замедлил шаг. Метель за стеклом галереи швыряла пригоршни снега в темные окна, стекло глухо дребезжало под напором ветра.

— Аня, — его голос прозвучал тише, чем обычно. В нем скользнула какая-то непривычная, тяжелая нота. — Иногда уравнение не сходится просто потому, что его не нужно решать. Его нужно оставить в покое.

Она остановилась. Повернулась к нему. Страх, который ледяными тисками сжимал ей грудь последние полчаса, вдруг отступил, сменившись каким-то отчаянным, холодным упрямством. Тем самым упрямством, которое когда-то заставляло ее сутками сидеть у больничной койки матери.

— А если в этом уравнении живые люди, Алексей? — тихо спросила она, глядя ему прямо в глаза. — Если переменные — это чьи-то жизни? Их тоже оставить в покое?

Он смотрел на нее, и его темные глаза в тусклом свете казались двумя бездонными колодцами. Аня знала, что ходит по тонкому льду. Сейчас перед ней стоял человек, который напрямую подчинялся безопасности центра. Одно его слово — и она исчезнет так же, как исчез Костя Никонов. Но Алексей не стал звать охрану. Он не стал напоминать ей про пункты контракта. Он сделал один шаг к ней, оказавшись так близко, что Аня уловила легкий запах озона и холодного снега от его одежды.

— Тем более, — жестко, с нажимом ответил он. Он смотрел на нее так пронзительно, что ей захотелось отвести взгляд, но она заставила себя выдержать это. — Тем более, Аня. Потому что те, кто лезут в такие уравнения, обычно сами становятся расходным материалом. А я... — он осекся, челюсти напряглись. — Я не хочу, чтобы ты стала расходным материалом.

Повисла тяжелая, плотная пауза. Ветер за окном, казалось, завыл еще громче. Аня смотрела на него и видела, как под темной тканью куртки напряглись плечи. Он сдерживал себя. Тщательно контролировал каждое произнесенное слово.

— Пойдем, — наконец сказал он, отстраняясь и возвращая себе привычную непроницаемую маску. — Тебе нужно отдохнуть. Завтра будет долгий день.

Они молча дошли до жилого корпуса. Алексей проводил ее до самой двери комнаты.

— Спокойной ночи, — коротко бросил он.

— Спокойной ночи, — ответила Аня.

В комнате она не стала доставать блокнот. Впервые за три недели. Потому что впервые поняла: если ее комнату обыскивают, блокнот станет приговором.

Она села на кровать, не зажигая свет. За окном Корпус В светился своими матовыми окнами. Ровно. Холодно. Как всегда. Теперь она знала, почему там горят окна в три часа ночи. Там не хранили образцы. Там их создавали. И там же их пытались удержать от распада.

Впервые за три недели в «Велесе» Ане было по-настоящему страшно. Тем глубоким, животным страхом, который приходит, когда ты понимаешь, что земля под ногами — не земля. Что красивое здание, в котором ты живешь, стоит на фундаменте из сломанных человеческих жизней. И что теперь ты тоже часть этого эксперимента.

Алексей стоял в пустом коридоре еще минуту после того, как за дверью триста двенадцатой щелкнул замок. Его собственные пальцы, скрытые в карманах куртки, были сжаты в кулаки так сильно, что ногти впивались в кожу.

Час назад на его мониторе — том, что дублировал алерты службы безопасности — вспыхнула красная рамка. Короткая строка текста и ее фамилия.

CASCADE.

Лосев уже наверняка видел это. Кирилл Андреевич не из тех, кто пропускает такие «ошибки» в системе. Алексей знал, что у него было совсем мало времени, прежде чем машина безопасности закрутится на полную мощность. Соколова не просто наткнулась на файл в базе, она

ухватила за нить и дернула так сильно, что вся паутина Харитонова завибрировала. Он должен был немедленно составить рапорт о «девиантном поведении» нового сотрудника.

Вместо этого он стер уведомление из лога своего терминала, надеясь, что Лосев решит, будто это был программный сбой из-за обновления базы.

Алексей медленно выдохнул, чувствуя, как внутри нарастает знакомое жжение. Сегодняшняя доза стабилизатора уже начала выветриваться, оставляя после себя фантомный вкус меди во рту и холод в суставах. Она смотрела на него там, в галерее, и он видел это в ее глазах. Она больше не видела в нем человека. Она видела в нем структуру. Биологический чертеж. Она препарировала его взглядом, и это было больше, чем любая игла в Корпусе В.

Но было в ней что-то еще. В мире, где все вокруг были либо хищниками, как Харитонов, либо покорными теньями, как Марина, Аня оставалась... настоящей. В ней была эта нелепая, самоубийственная жажда правды. Она пахла не антисептиком и стерильностью, а дождем, дешевым кофе и старыми книгами. Рядом с ней его собственная пустота внутри начинала ныть, как старый шрам к непогоде. Она была той самой переменной, которую он не мог вписать в свои алгоритмы безопасности. Она была живой. До боли, до дрожи в его модифицированных нервах — живой.

«Расходный материал», — повторил он про себя ее слова. Если бы она знала, насколько права. Если бы она знала, что за три года от Алексея Зимина, который когда-то умел смеяться и мечтать о чем-то, кроме следующей инъекции, не осталось почти ничего. Теперь он был просто удачной комбинацией генов и химии. Самым дорогим имуществом центра.

Он посмотрел на свою руку. Плавное, идеальное движение. Никакого тремора. Пока что. Аня была слишком честной для этого места. И именно эта честность сейчас притягивала к ней смерть быстрее, чем она могла себе представить. Харитонов не прощает любопытства. Лосев не прощает осечек.

Алексей повернулся и пошел к лестнице. Ему нужно было вернуться в свою комнату и надеяться, что он успел подчистить хвосты.

«Ты лезешь в уравнение, которое тебя сожрет, Соколова», — подумал он, и его челюсти снова сжались. — «А я, кажется, окончательно сошел с ума, раз решил тебе помочь».

За окном метель окончательно скрыла лес, превратив мир вокруг «Велеса» в белую, холодную пустоту. В этой пустоте не было места для спасения. Только для каскада, который уже невозможно было остановить.

Глава 9 Ближе

ГЛАВА 9. БЛИЖЕ

После того вечера Аня не спала двое суток.

Не в буквальном смысле — она ложилась, закрывала глаза, даже проваливалась в короткие обрывки сна. Но каждый раз, когда сознание начинало уплывать, перед глазами вспыхивали строчки файла Д-47, и она просыпалась с колотящимся сердцем. С27-А. CASCADE. Усиление нейропластичности. Оптимизация мышечной регенерации. Сотрудники были образцами.

На работе она держалась. Улыбалась Маслову, кивала Наташе, отвечала на вопросы Лены. Работала с данными — аккуратно, системно, не давая повода для подозрений. Если Лосев действительно получил уведомление о ее запросе, она не должна вести себя так, будто что-то изменилось. Ничего не изменилось. Она просто ученый, который работает с генетическими профилями. Ошибка каталогизации. Забыла.

Но она не забыла. И не собиралась.

Проблема была в том, что все двери, которые она пыталась открыть, оказались закрыты. База данных зачищена. Поисковые запросы фиксируются. Марина закрылась, как устрица. Денис боится собственной тени. Напрямую копать дальше означало подставить себя.

Оставался один путь. Не через систему. Через человека.

Через Алексея.

Аня понимала, что это опасно. Если Алексей — С27-А, если он сам является продуктом CASCADE, то он одновременно жертва и часть машины. Он контролирует ее по приказу Харитонов. Он докладывает Лосеву. Любое неосторожное слово — и она окажется там же, где Костя Никонов.

Но там, в галерее, когда его горячие пальцы на секунду коснулись ее ледяной руки, когда он сказал «я не хочу, чтобы ты стала расходным материалом», — в его голосе было что-то, чего не бывает у людей, которые просто выполняют приказ. Боль. Настоящая, живая боль. Машины так не говорят.

Ей нужен был повод. Естественный, рабочий, не вызывающий подозрений. Она нашла его в четверг.

— Алексей, мне нужна твоя помощь.

Она подошла к нему после обеда, в коридоре Корпуса А. Он стоял у окна, просматривая что-то в планшете. Поднял глаза.

— Слушаю.

— Мне нужен доступ к дополнительной научной литературе. Внешние журналы — последние публикации по эпигенетике, которых нет в нашей библиотеке. Для текущего проекта критически важно видеть, что делают другие группы.

— Это через заявку в администрацию. Светлана Игоревна...

— Я знаю процедуру, — перебила Аня. — Но заявка идет через три инстанции и занимает неделю. Мне нужно быстрее. У тебя есть доступ к внешним научным базам?

Он смотрел на нее секунду. Потом кивнул.

— Есть. Ограниченный, но есть.

— Можешь помочь мне вечером? Я составлю список статей, мы загрузим их через твой доступ. Час максимум.

Алексей молчал. Аня видела, как за его темными глазами идет быстрый, невидимый расчет. Куратор взвешивал риски. Но потом — что-то другое. Едва уловимое. Как будто человек за маской куратора на секунду выглянул наружу.

— В восемь, — сказал он. — В лаборатории. Только мы вдвоем — я не хочу, чтобы это выглядело как системное нарушение протокола.

— Договорились.

Он вернулся к планшету. Аня пошла дальше по коридору, чувствуя, как сердце стучит чуть быстрее обычного. Первый шаг.

В восемь вечера лаборатория была пуста.

Все ушли — Маслов, Игорь, Наташа, Лена. Марина тоже, хотя в последние дни она уходила раньше обычного и выглядела так, будто не спала. Аня осталась одна, разложила на столе список статей и ждала.

Алексей пришел ровно в восемь. Не в восемь ноль одну, не без пяти — ровно. Как будто внутри него тикали швейцарские часы. На нем была обычная темная водолазка, в руках — ноутбук.

— Список готов? — спросил он, садясь за соседний стол.

— Готов.

Они работали молча первые двадцать минут. Аня называла статьи, Алексей загружал их через свой защищенный канал. Работа была механической, простой. Но Аня не торопилась. Ей нужно было время. Ей нужно было, чтобы рабочая тишина стала естественной, чтобы напряжение между ними ослабло, чтобы он перестал быть куратором и стал просто человеком, сидящим рядом.

На двадцать третьей минуте она спросила:

— Ты читаешь научные статьи?

Алексей, не отрываясь от экрана:

— Иногда. Когда нужно понять, о чем говорят ученые на совещаниях.

— И понимаешь?

— Достаточно, чтобы не задавать глупых вопросов.

Аня усмехнулась.

— Это больше, чем могут сказать о себе некоторые ученые.

Он не улыбнулся, но уголок его рта дрогнул. Микродвижение, которое Аня научилась ловить за эти недели. У Алексея Зимина не было улыбки. Были только тени улыбки, которые появлялись и исчезали, как блики солнца на воде.

— Можно личный вопрос? — спросила она.

— Можно попробовать.

— Ты всегда хотел работать... в такой структуре? Или это случайность?

Алексей перестал печатать. Откинулся на спинку стула и посмотрел на нее. Не как куратор — просто посмотрел. Задумчиво, как смотрят, когда решают, стоит ли отвечать честно.

— Я не выбирал эту работу, — сказал он наконец. — Она выбрала меня.

— Это как?

— Долгая история.

— У нас еще двенадцать статей в списке. Время есть.

Он помолчал. Потом:

— Я был военным. Спецподразделение. На одной из операций получил серьезную травму позвоночника. Врачи в госпитале были единодушны — ходить я больше не смогу. Предлагали инвалидность, пенсию и «спокойную жизнь» в четырех стенах. А потом появились люди из «Велеса» с другим предложением.

— Каким? — тихо спросила Аня.

— Экспериментальный курс реабилитации. Технологии, которых нет в общем доступе. Я согласился. Это был единственный шанс не превратиться в овоща, который до конца дней будет смотреть в потолок.

— И ты... восстановился?

— Восстановился. — Он чуть повернул плечо, словно проверяя работу сустава. — Врачи обещали, что я встану на ноги. Но результат превзошел все ожидания. Я стал быстрее, сильнее и выносливее, чем был до травмы. Моторика, реакция — всё изменилось. Я стал... — он запнулся, подыскивая слово, — более эффективной версией себя. Как медицинский факт.

Он сказал это ровно, без гордости и без горечи. Аня вспомнила файл Д-47 и строчку «оптимизация мышечной регенерации», и ей пришлось стиснуть зубы, чтобы не выдать себя.

— А ты? — вдруг спросил он. — Почему генетика?

Вопрос застал ее врасплох. Не потому что был неожиданным — потому что был личным. Алексей не задавал личных вопросов. За все недели их знакомства он спрашивал только о работе, о расписании, о кофе. И вот — «почему генетика?». Как будто ему действительно было интересно.

Аня замолчала. Посмотрела на свои руки — тонкие, с короткими ногтями, с пятном от маркера на указательном пальце. В груди вдруг стало тесно от воспоминаний, которые она обычно держала под замком.

— Из-за мамы, — сказала она, и голос ее стал сухим и ломким. — Она болела. Долго. С тех пор как мне было шестнадцать. Я совмещала учебу и уход за ней. Возила в больницу, сидела на приемах, читала заключения врачей, которые каждый раз говорили одно и то же: «мы ничего не можем сделать, генетика, извините». — Аня помолчала. — Я ненавидела это слово — «генетика». Оно звучало как приговор. Как стена, в которую бьешься, и она не поддается. И я решила, что стану тем человеком, который эту стену пробьет.

Она не смотрела на него, когда говорила. Смотрела на экран монитора, на котором мерцал список загруженных статей. Но чувствовала его взгляд — тяжелый, внимательный, неотрывный.

— Мама умерла, когда мне было двадцать три. Я не успела. Не нашла. Не пробила. — Голос ее дрогнул, и она разозлилась на себя за это. — Но я пообещала ей. В больнице, за несколько дней до конца. Пообещала, что найду. Для других. Чтобы другие мамы не лежали вот так.

Тишина. Долгая, густая, как декабрьская ночь за окном.

— Поэтому «Велес», — сказала она, наконец повернувшись к нему. — Поэтому я здесь. Потому что здесь делают то, что я обещала маме. Или... — она осеклась. — Или мне так казалось.

Тишина. Долгая, густая, как декабрьская ночь за окном. Алексей смотрел на нее так, будто впервые видел. Его лицо было неподвижным, но в глазах что-то изменилось. Что-то сдвинулось, как тектоническая плита — медленно, глубоко, почти незаметно, но необратимо.

— Моя мама жива, — сказал он.

Аня замерла. Он никогда не говорил о семье. Ни разу. Ни слова.

— Она живет в Калуге. Преподает музыку в детской школе. Фортепиано. — Он помолчал. — Я не видел ее три года. Она думает, что я в длительной командировке. Что работа секретная и мне нельзя звонить часто.

— Три года? — Аня не могла скрыть ужас в голосе. — Почему?

Он посмотрел на нее. Долго, прямо, и в этом взгляде была такая обнаженная, незащищенная боль, что Аня на секунду забыла про CASCADE, про файлы, про все свои расчеты и гипотезы.

— Потому что так безопаснее, — сказал он тихо.

— Безопаснее от чего?

Он не ответил. Отвернулся к экрану и несколько секунд смотрел на мерцающий курсор. Потом сказал, еще тише:

— Не от чего. От кого. От меня.

Она хотела спросить — от тебя? Что ты имеешь в виду? Но не спросила. Потому что в его голосе была такая глухая, спекшаяся тоска, что любой вопрос был бы жестокостью.

Это слово упало в тишину лаборатории, как камень в колодец. Аня услышала его, и что-то внутри нее треснуло. Не «от системы», не «от врагов» — от него.

Они сидели рядом, в пустой лаборатории, в желтом свете настольных ламп. За окном шел снег. Тихо, ровно, как будто мир за стенами «Велеса» тоже замер и слушал.

Аня посмотрела вниз и увидела, что их руки лежат на столе рядом. Ее правая и его левая. Расстояние — три сантиметра. Она видела его пальцы — длинные, с аккуратно подстриженными ногтями. На запястье подрагивала вена.

Она не двинула рукой. Просто лежала ладонью на прохладной поверхности стола и ждала. Алексей опустил глаза. Увидел. Расстояние между их пальцами. Секунда. Две. Три.

Он медленно убрал руку. Положил ее на колено, под стол. Далеко. Безопасно.

— Тебе нужны остальные статьи? — спросил он, и голос снова был ровным, рабочим, как будто последних десяти минут не существовало.

— Да, — сказала Аня. — Да, давай закончим.

Они загрузили оставшиеся статьи за пятнадцать минут. Молча. Деловито. Два профессионала, которые делают свою работу. Ничего личного. Ничего лишнего.

У двери лаборатории он остановился.

— Аня. То, что я рассказал... про мать. Это не для протокола.

— Я знаю.

— Просто... давно никому не рассказывал.

Она кивнула. Он ушел. Его шаги в коридоре звучали ровно, точно, как всегда. Идеальная машина. Которая три года не видела свою маму.

Алексей вернулся к себе в двадцать два тридцать.

Комната была маленькая, аскетичная — кровать, стол, шкаф, зеркало на стене. Ни фотографий, ни книг. Алексей закрыл дверь на замок. Стянул водолазку через голову.

В зеркале отразилось тело, которое уже три года не принадлежало ему.

Торс был безупречным — рельефным, сухим. Ни грамма лишнего жира. Но за этой красотой скрывалась карта чужих решений. На внутренних сгибах обоих локтей — россыпь точек от инъекций. Старые, белесые, и свежие — красноватые, чуть припухшие. На спине, вдоль позвоночника — тонкая, почти незаметная линия шрама. Там, где ему вернули способность ходить. И где-то там же — цена этой способности.

Он смотрел на свое отражение и видел то, что видел каждый вечер: монстра, одетого в человеческую кожу.

Алексей поднял руку и провел пальцами по шраму на запястье. Этот был единственным, который он сделал сам. Давно. В первые месяцы. Когда понял, что выхода нет, и решил создать свой собственный. Его нашли через четыре минуты — камера в комнате зафиксировала. Откачали. После этого камеру убрали, но добавили датчик пульса в браслет, который он носил первый год. Потом браслет сняли. Решили, что он «стабилизировался».

Он стабилизировался. Перестал пытаться умереть. Не потому что захотел жить — потому что понял: они не дадут. Даже это у него забрали.

Алексей опустил руку и снова посмотрел в зеркало. Лицо, которое Аня видела каждый день. Которое она изучала своими внимательными серо-зелеными глазами, пытаясь прочесть то, что он прятал. Красивое, как говорили женщины в прошлой жизни. Жесткое, как говорили сослуживцы. Мертвое, как думал он сам.

Но сегодня в лаборатории, когда она рассказывала про мать, про больницу, про обещание, которое не смогла сдержать, — он почувствовал что-то. Не жалость, не сочувствие — что-то другое. Как будто внутри, в той выжженной пустоте, которая давно заменила ему душу, шевельнулось что-то живое. Маленькое, слабое, почти незаметное. Как росток, пробивающийся сквозь бетон.

Она говорила о своей матери, и он вспомнил свою. Руки мамы на клавишах пианино. Запах яблочного пирога в субботу утром. Ее голос в телефонной трубке — далекий, теплый, ничего не подозревающий. «Лешенька, ты кушаешь нормально?». Пять минут раз в два месяца. И ложь, ложь, ложь.

Он подошел к столу и сел, не одеваясь. Холод комнаты не тревожил его — модифицированная терморегуляция держала тело в постоянном тепле, даже если вокруг был мороз. Еще одна функция, которую он не просил.

Аня сидела рядом с ним, и их руки почти соприкоснулись, и он увидел это и убрал руку. Потому что если бы не убрал — если бы их пальцы соединились — он бы не смог остановиться. Не потому что хотел ее физически, хотя хотел, и знал это, и ненавидел себя за это. А потому что прикосновение живого человека — настоящего, теплого, пахнущего кофе и лабораторными реагентами — было бы для него как глоток воды в пустыне. И он бы не смог потом вернуться в эту пустыню. А ему нужно было вернуться. Каждый день. Каждое утро.

«Она не должна знать», — подумал он. — «Никогда. Ни про шрамы. Ни про инъекции. Ни про то, что от Алексея Зимина осталось меньше, чем она думает. Она смотрит на меня и видит человека. Пусть так и остается. Пусть хотя бы для нее я буду человеком».

Телефон на столе завибрировал. Сообщение от Лосева К.А.

«Зимин. Доложи по Соколовой. Завтра, 08:00, мой кабинет.»

Алексей смотрел на экран. Лосев хочет отчет. Значит, уведомление о CASCADE не было списано на сбой. Он должен был написать правду. Что Соколова задает вопросы. Что она нашла файл. Что она опасна.

Его палец завис над экраном.

Он набрал: *«Соколова проявляет повышенный интерес к структуре проекта. Рекомендую усилить»*

Стер.

Он набрал: *«Соколова обнаружила ошибку каталогизации в серии Д. Крылова устранила. Инцидент исчерпан»*

Стер.

Набрал: *«Все под контролем.»*

Перечитал. Три слова. Три слова, которые были ложью. Которые ставили под удар его самого. Которые давали Ане еще немного времени.

Отправил.

Положил телефон на стол экраном вниз.

Сидел в темноте и слушал тишину. За окном лес, снег, ночь. Корпус В светился матовыми окнами. Через семь часов ему нужно будет встать, пойти туда, подставить вену под иглу и получить свою дозу жидкого свинца. Потом — принести Ане кофе. Потом — проводить ее вечером по темному коридору. Потом — врать Лосеву снова.

«Все под контролем», — повторил он про себя, глядя на свои руки. Плавные, точные, без единого тремора.

Виктор Леонидович сидел в своем кресле, не включая свет. Единственным источником сияния был монитор, на котором в режиме реального времени обновлялись графики телеметрии.

Его не интересовали слова. Слова всегда лгут. Его интересовали показатели.

****Объект С27-А.**** ЧСС — 78 ударов в минуту. Уровень адреналина в крови — на 15% выше нормы для этого времени суток. Температура кожных покровов — 37.4. Зимин «фонил», как неисправный реактор. Его биология, переписанная и усиленная, реагировала на присутствие Соколовой острее, чем на любой внешний раздражитель.

Харитонов увеличил черно-белое изображение с камеры в лаборатории. Две фигуры в круге света. Соколова сидела неподвижно, ее поза выдавала предельную концентрацию внимания. Зимин стоял слишком близко, нарушая собственный протокол дистанции.

— Посмотри на него, — прошептал Харитонов, и в его голосе прозвучало нечто среднее между научным интересом и предвкушением хищника, наблюдающего за захлопывающейся ловушкой. — Он пытается вспомнить, каково это — быть уязвимым.

Для Харитонова это не было нарушением дисциплины. Это было расширением экспериментальной базы. Все считали CASCADE проектом по созданию идеального солдата или идеального ученого. Харитонов же шел дальше. Он хотел знать, сможет ли созданная им «структура» подавить базовые человеческие инстинкты, когда они вступят в конфликт с волей создателя.

Соколова оказалась идеальным катализатором. Ее аналитический ум в сочетании с болезненной эмпатией — гремучая смесь. Она не просто «задавала вопросы», она вгрызалась в ткань реальности «Велеса», пытаясь добраться до кости. Именно это движение, этот неизбежный конфликт между ее правдой и его системой, и интересовал Харитонова больше всего.

Он переключил окно. Отчет о несанкционированном запросе. ****CASCADE.****

— Нашла, — Харитонов ласково коснулся пальцем экрана, словно гладил опасное животное. — Умница. Ты думаешь, что ведешь свое исследование, но ты лишь подтверждаешь мою теорию.

Он не стал нажимать «красную кнопку». Не стал вызывать Лосева. Гнев начальника безопасности был бы слишком грубым инструментом в такой тонкой настройке.

Харитонов откинулся на спинку кресла, и в темноте кабинета на мгновение блеснули его глаза — холодные, лишенные тепла, как линзы микроскопа.

— Ну же, — тихо произнес он, обращаясь к застывшему на экране Алексею. — Сделай свой ход, мой мальчик. Покажи мне, насколько глубоко проросли корни того, что я в тебя влил.

В этой игре не было плохих или хороших результатов. Был только процесс. И процесс этот был прекрасен в своей безжалостной логике. Каскад был запущен, и Харитонов, как истинный творец, собирался насладиться каждой секундой его разрушительной силы.

На мониторе Аня подняла голову, глядя на Алексея. Харитонов замер, фиксируя это мгновение.

— Вы прекрасны в своем неведении, — улыбнулся он.

Экран погас, погружая кабинет в абсолютную, мертвую тишину.

Глава 10 Доклад

ГЛАВА 10. ДОКЛАД

Утро всегда начиналось одинаково. Бетонная дорожка, расчищенная от снега. Холодный воздух, который не задерживался в легких. Биометрический замок Корпуса В. Зеленый диод. Щелчок тяжелого магнитного засова.

Алексей вошел в шлюз, привычно задержав дыхание, пока система обдувала его дезинфицирующим газом. Три года каждое утро он открывал эту дверь, чтобы получить право прожить еще одни сутки.

Медблок находился на первом этаже, в зоне максимальной изоляции. Никаких окон, никаких лишних звуков. Только гудение очистителей воздуха и писк мониторов.

Врач уже ждал его. Алексей даже не знал его фамилии — за три года сменилось четверо, и все они были одинаково безликими, немногословными людьми в синих хирургических костюмах. Они не смотрели Алексею в глаза. Для них он был не пациентом. Он был инвентарным номером. Сверхсложным, безумно дорогим, но оборудованием.

Алексей молча сел в кресло, задрал рукав водолазки и положил правую руку на подлокотник.

Врач затянул жгут. Привычное жжение от спиртовой салфетки, а потом острый укол.

Алексей смотрел в стену, пока густая, маслянистая жидкость — стабилизатор — медленно входила в вену. Это всегда было больно. Химия CASCADE не была создана для комфорта. Она была создана для того, чтобы удерживать переписанные гены от неминуемого распада. Как только препарат попадал в кровь, по венам словно разливался жидкий огонь, который через минуту сменялся ледяным холодом, пробирающим до костей.

Он стиснул челюсти, контролируя дыхание. Вдох на три счета, выдох на четыре. Пульс замедлился.

Врач отложил шприц, наклеил пластырь и повернулся к монитору телеметрии. Долго смотрел на графики.

— Показатели нестабильны, — сухо произнес он, не оборачиваясь.

— В чем именно? — ровным голосом спросил Алексей, опуская рукав.

— Регуляторные белки скачут. Уровень нейромедиаторов выше нормы на восемнадцать процентов. Был скачок кортизола вчера вечером и ночью. Ваша биология реагирует на какой-то стресс-фактор, Зимин. Синтез клеток ускорен, а значит, распад тоже пойдет быстрее.

Врач что-то напечатал на клавиатуре.

— Я увеличиваю дозировку стабилизатора со следующей инъекции. Ваш организм сжигает препарат быстрее, чем мы рассчитывали. Следующая доза завтра. Ровно в семь. Не опаздывать.

— Я никогда не опаздываю, — сказал Алексей и встал.

Врач ничего не ответил. Он уже записывал данные в журнал.

Алексей знал, что значит пропустить инъекцию. Ему не нужно было объяснять правила игры.

Один раз он решил проверить пределы своей клетки. Это было на первом году службы куратором. Ему казалось, что он стал достаточно сильным, что новые мышцы и ускоренная регенерация смогут побороть зависимость. Он просто не пришел в медблок.

Первые двадцать четыре часа не происходило ничего. Он чувствовал себя свободным. На тридцатом часе начался тремор — мелкая, мерзкая дрожь в кончиках пальцев, которую невозможно было остановить. На сороковом часе пришла боль. Сначала тупая, ломящая в

суставах, потом острая, как будто его кости начали крошиться изнутри. На вторые сутки, ровно через сорок восемь часов, начались судороги.

Он лежал на полу в своей комнате, слепой, парализованный спазмами, захлебываясь кровью из прикушенного языка, и чувствовал, как его идеальное тело пожирает само себя. Генная модификация без стабилизатора запускала процесс самоуничтожения. Если бы охрана не вскрыла дверь и врачи не вкололи ему ударную дозу препарата, на семьдесят втором часе его сердце бы просто разорвалось.

Харитонов тогда пришел к нему в палату, постоял у койки и сказал с мягкой, почти отеческой улыбкой: «Свобода, Алексей, это иллюзия. Мы все зависим от того, что дает нам жизнь. Ваша жизнь теперь здесь. В этих стенах».

Алексей вышел из Корпуса В и вдохнул ледяной утренний воздух. Вчерашний скачок кортизола. Вечер в лаборатории, близость Ани и его собственная дрогнувшая защита.

Он сжал и разжал кулак. Модифицированное тело реагировало на его эмоции как на химическую угрозу. Харитонов создал идеальный механизм, но забыл вырезать из него ту часть, которая делает человека уязвимым.

Его коммуникатор коротко завибрировал. Это был начальник службы безопасности Лосев.

Алексей свернул к административному крылу.

Кабинет Лосева находился в подвальном этаже Корпуса А. Здесь не было окон, только серые стены, дешевые офисные панели на потолке и гул серверных стоек за стеклянной перегородкой. В кабинете всегда пахло дешевым кофе и застарелым сигаретным дымом.

Кирилл Андреевич Лосев сидел за столом, положив тяжелые руки на столешницу. Бывший эфэсбэшник с бычьей шеей, бритой головой и взглядом человека, который привык делить мир на тех, кого он может сломать, и тех, кто платит ему зарплату.

Для Лосева Алексей всегда был чем-то вроде дрессированной собаки. Опасной, полезной, но не имеющей права голоса. Лосев ненавидел «образцы». Он боялся их скорости, их силы, их превосходства над обычными людьми, и компенсировал этот страх презрением.

— Садись, Зимин, — бросил Лосев, не поднимая глаз от монитора.

Алексей остался стоять.

— Как скажешь. — Лосев усмехнулся и наконец посмотрел на него. — У нас проблема, Леша. Твоя подопечная Соколова.

Алексей сохранил лицо неподвижным. Сердцебиение — шестьдесят ударов. Дыхание ровное

— В чем проблема?

— Два дня назад она нашла файл С27-А в базе серии Д.

Алексей знал это. Но знать и слышать это от Лосева — разные вещи. Значит, Марина Крылова не просто устранила файл. Она выполнила протокол и доложила службе безопасности.

— Марина Крылова сообщила мне, что это была ошибка каталогизации, — спокойно ответил Алексей. — Файл убран. Инцидент закрыт.

Лосев медленно откинулся на спинку скрипнувшего кресла.

— Инцидент закрыт? Зимин, ты меня за идиота держишь? Или может ты сам расслабился?

Лосев подался вперед, его тяжелое дыхание отдавало несвежим табаком.

— Соколова не из тех, кто верит в «ошибки каталогизации». Ты это знаешь. Я это знаю. Харитонов это знает. Два дня назад, вечером, с ее терминала был зафиксирован запрос. «CASCADE». Харитонов лично его завизировал и спустил мне сегодня утром.

Лосев выдержал паузу, наслаждаясь тем, как Алексей едва заметно напрягся.

— уже прошло два дня , а от тебя только отписки «Все под контролем».

— Она ученый. Любопытство — часть ее профиля, — ровно произнес Алексей. — Запрос был заблокирован системой. Она ничего не получила. Я контролирую ее перемещения и контакты. Если я начну давить на нее сейчас, это только подтвердит ее подозрения.

Лосев поднялся. Он был ниже Алексея на полголовы, но шагнул к нему вплотную, пытаясь подавить массой.

— Ты забываешься, куратор, — прошипел Лосев. — Мне плевать на ее профиль. Мне плевать на ее любопытство. В этом центре секретность важнее науки. Если она начнет задавать вопросы не тем людям, если она поймет, что здесь происходит...

— Она ничего не докажет, — перебил Алексей. Голос остался тихим, но в нем прорезался металл.

— Держи ее на коротком поводке, — Лосев ткнул толстым пальцем в грудь Алексея. — Не спускай с нее глаз. Убеди ее, что она ошиблась, напугай, соблазни, мне плевать, как ты это сделаешь. Но если она сделает еще один шаг не туда — я возьму это на себя. И тогда она исчезнет так же быстро, как Никонов. Ты меня понял?

Алексей смотрел на палец Лосева, прижатый к его груди. Ему стоило одного неуправляемого движения, чтобы сломать Лосеву запястье в трех местах. Расчетное время — 0.4 секунды.

Но он не сделал этого. Он медленно поднял глаза на безопасника.

— Я справлюсь.

Лосев презрительно скривился и опустил руку.

— Я вижу, как ты на нее смотришь, Зимин, — бросил он, возвращаясь к своему столу. — Думаешь, я слепой? Вы торчали в лаборатории до ночи. Думаешь, ты человек?

Лосев сел и уставился в монитор.

— Не забывай, кто ты. Ты инвентарь, собственность Харитонова. Если ты дашь слабину из-за какой-то бабы, я с удовольствием отправлю тебя в утиль. Свободен.

Алексей развернулся и вышел из кабинета.

Он шел по подвальному коридору. Впереди было тридцать метров пустого бетонного тоннеля до лестницы.

«Собственность. Инвентарь. Расходный материал».

Слова Лосева звучали в голове, смешиваясь с шумом крови в ушах. Стабилизатор, влитый в него полчаса назад, разгонял пульс. Адреналин бил по нервным окончаниям. Модифицированное тело требовало действия. Требовало разрушения.

Алексей ненавидел Лосева. Ненавидел Харитонова. Ненавидел этот бункер. Но больше всего в этот момент он ненавидел себя. За то, что Лосев был прав. За то, что он действительно смотрел на нее не как куратор. За то, что он позволил ей подобраться слишком близко.

Аня в опасности. Она дернула за нить, и теперь вся система безопасности центра смотрит на нее. Если Лосев возьмет ее в разработку, ее сломают. Ее уничтожат. Как Костю Никонова. Как десяток других до них.

И он не сможет ее защитить, если выдаст себя. Он должен быть идеальным цепным псом. Он должен улыбаться и играть свою роль.

Алексей остановился посреди коридора.

Дыхание сорвалось. Волна ярости — чистой, химической, первобытной ярости — накрыла его с головой. Это был побочный эффект CASCADE, который он учился подавлять три года. Неконтролируемая агрессия.

Он повернулся к голой бетонной стене.

Замахнулся и ударил.

Без замаха от плеча, коротко, резко, вложив в удар весь вес и всю неестественную силу своих перестроенных мышц.

Раздался глухой, страшный звук. По бетону от точки удара побежала паутина мелких трещин, осыпалась серая пыль.

Алексей медленно опустил руку. Боль прострелила кисть, отрезвляя, возвращая сознание в норму. Ярость отступила, оставив после себя лишь холодный, расчетливый фокус. Он глубоко вдохнул. Выдохнул.

Поднял руку. Кожа на костяшках указательного и среднего пальцев была содрана в мясо, кровь уже начала выступать темными каплями. Регенерация справится с этим за несколько часов, но сейчас это выглядело паршиво.

Он достал из кармана бумажный платок, вытер кровь и опустил рукав водолазки пониже, стараясь прикрыть кисть.

Нужно было идти наверх.

В половине девятого Алексей вошел в лабораторию Корпуса А. В левой руке он держал два картонных стаканчика с кофе.

Аня уже была на месте. Она сидела за монитором, в очках, волосы убраны в строгий хвост. Услышав шаги, она подняла голову. Под глазами у нее залегли тени — следы бессонной ночи. Но в ее взгляде, когда она посмотрела на него, не было ни страха, ни паранойи. В нем было то самое живое, теплое внимание.

Он подошел к ее столу и поставил стаканчик рядом с клавиатурой.

— Доброе утро, — сказал он.

Его голос звучал абсолютно спокойно. Мышцы лица сложились в легкую, дежурную полуулыбку. Идеальная маскировка.

— Доброе, — Аня сняла очки и улыбнулась ему в ответ. Искренне. С какой-то затаенной нежностью, которая появилась между ними после их разговора. — Спасибо. Ты меня балуешь.

— Кто-то же должен следить за твоим кофеиновым балансом, — ровно ответил он.

Она потянулась к стаканчику. И тут ее взгляд скользнул по его правой кисти. Рукав немного задрался, и стали видны сбитые, кровоточащие костяшки.

— Что с рукой? — вдруг спросила Аня.

Алексей даже не дрогнул. Он спокойно сунул руку в карман куртки.

— Зацепил край оборудования на складе. Ничего страшного.

— Ничего себе «зацепил», — раздался за спиной голос Маслова. Петр откинулся на спинку кресла, потирая переносицу. — Зимин, ты там со стеллажами дрался или в бетонную стену впечатался? Вид такой, будто ты в спарринге с танком участвовал.

Алексей медленно повернул голову к Маслову. Его взгляд стал профессионально-пустым.

— Занимайтесь своими протоколами, Петр Алексеевич.

Наташа Фролова, до этого сосредоточенно изучавшая график на мониторе, вдруг хмыкнула. Она не была злой по натуре, скорее — слишком долго варилась в этой стерильной атмосфере, где чувства считались слабостью.

— Да ладно тебе, Петр, не мешай. Куратор просто слишком ответственно подходит к... персональной опеке, — она бросила быстрый взгляд на Аню, и в этом взгляде было странное сочетание цинизма и глухого раздражения. — Видимо, вчерашняя вечерняя сессия в лаборатории потребовала слишком много сил.

В комнате повисла тяжелая тишина. Игорь за соседним столом кашлянул, не поднимая глаз, Лена-стажер почти вжалась в свой монитор. Аня почувствовала, как щеки обжигает румянцем. Она понимала, что их уединение не осталось незамеченным, и теперь каждый жест Алексея препарировался коллегами с безжалостным любопытством.

— Наташа, — голос Марины Сергеевны прозвучал негромко, но так резко, что все в лаборатории замерли. Наставница стояла у своего стола и смотрела на Фролову поверх очков.

— Еще одно слово, не относящееся к верификации серии Г, и я отправлю вас переписывать протокол безопасности за последние полгода. Вручную.

Наташа мгновенно побледнела, поджала губы и уставилась в монитор, застучав по клавиатуре с показательной яростью.

Затем Марина перевела взгляд на Зимина. В ее глазах не было ни насмешки, ни любопытства. Только холодное предупреждение человека, который знает правила игры лучше всех присутствующих.

— Алексей Романович. Зайдите ко мне после обеда. Нужно согласовать графики... безопасности.

Это не была просьба. Это был приказ. Алексей молча кивнул. Он еще раз посмотрел на Аню — на долю секунды, но этого хватило, чтобы она почувствовала: стена, которая начала рушиться вчера вечером, снова возведена. Монолитная и непробиваемая.

Когда он вышел и шаги в коридоре стихли, Марина подошла к столу Ани. Она положила перед ней папку с распечатками, но пальцы не убрала, заставив Аню поднять глаза.

— Кофеин в больших дозах нарушает сердечный ритм, Аня, — сказала Марина очень тихо, чтобы не слышал Маслов. — А когда сердце бьется слишком громко, оно заглушает голос рассудка.

Аня сглотнула.

— Я просто работаю, Марина Сергеевна. Мы обсуждали статьи.

— Я знаю, что вы обсуждали, — глаза Марины на мгновение стали почти болезненно грустными. — Но вы еще не понимаете, в какую центрифугу пытаетесь сунуть руки. Он — не тот, с кем здесь можно пить кофе. Не потому что он плохой человек. А потому что он принадлежит этому центру больше, чем самому себе. Осторожнее, Аня. Умоляю вас.

Марина убрала руку от папки и вернулась к своему месту.

Весь оставшийся день Аня работала на автомате. Слова Марины въелись в подкорку, а вид сбитых костяшек Алексея стоял перед глазами каждый раз, когда она моргала.

В семь вечера она спустилась в столовую.

Зал был наполовину полон, гудел тихими разговорами, звенел посудой. Аня взяла поднос и направилась к привычному столику у окна. Денис уже сидел там.

Издалека он казался обычным: рыжие волосы торчат в разные стороны, перед ним тарелка с пастой и котлетой, в руке вилка. Но когда Аня села напротив, она поняла, что Денис только делает вид, что ест.

Он ковырял еду вилок, разделяя макароны на идеальные, геометрически правильные кучки. Его лицо осунулось еще сильнее, чем два дня назад. На лбу блестела испарина, хотя в столовой не было жарко.

— Привет, — тихо сказала Аня.

Денис вздрогнул, вилка с лязгом ударилась о край тарелки. Он поднял глаза. Зрачки были расширены так сильно, что почти скрывали радужку.

— А, Соколова, — его голос звучал неестественно бодро, с ноткой почти истеричного веселья. — Привет. Как успехи на генетическом фронте? Переписываем книгу жизни?

— Денис, ты в порядке? — она проигнорировала его шутку.

— В идеальном! — он рассмеялся, но смех оборвался, как только начался. Денис судорожно оглянулся по сторонам, затем наклонился над столом, почти ложась грудью на поднос. — Слушай, Ань. У тебя... у тебя нет снотворного? Какого-нибудь сильного. Я рецептурное дома забыл, а в местную медчасть идти не хочу. Они там сразу... ну, галочку в карточку ставят.

— Ты не спишь?

— Я сплю! — быстро, слишком быстро ответил он. — Просто... сны странные. И мышцы крутит. Знаешь, когда переработает за микроскопом, спину сводит. Вот у меня так же, только... везде.

Аня смотрела на его руки, спрятанные под столом. Она не видела их, но по тому, как ходили ходуном его плечи, понимала: тремор никуда не делся. Он усилился. Денис прятал руки, чтобы она не услышала звон посуды, как в прошлый раз.

Оптимизация мышечной регенерации. CASCADE.

У нее в голове снова вспыхнул файл С27-А. Если Алексей был «образцом А», то кем был Денис? Почему его тело так же дает сбой, как тело исчезнувшего Никонова?

— Денис, послушай меня, — Аня тоже подалась вперед, понизив голос. — Костя Никонов пропал. Его профиль удален из базы. Ты ведь знаешь что здесь происходит? Что с вами здесь делают?

Глаза Дениса на мгновение стали абсолютно безумными. В них плескался такой первобытный, животный ужас, что Ане захотелось отшатнуться.

— Заткнись, — прошипел он, и на его шее вздулась вена. — Заткнись, Соколова! Я не Костя. У меня... у меня просто усталость. Я молодой, я справлюсь. У меня адаптация проходит нормально!

Он произнес слово «адаптация» так, словно цитировал заученную медицинскую брошюру.

Денис резко вскочил, чуть не опрокинув поднос. Стул с грохотом отлетел назад. Несколько человек в столовой обернулись в их сторону.

— Мне пора. У меня... калибровка оборудования, — бросил он, не глядя на нее, и почти бегом бросился к выходу из столовой.

Аня сидела одна перед его нетронутой тарелкой.

Адаптация, тремор, бессонница, мышечные спазмы. Все то же самое, что было у Кости перед тем, как он исчез. Денис разваливался на части и цеплялся за слова из медицинской брошюры, как утопающий за соломинку.

Она достала из кармана телефон, выданный администрацией «для внутренних нужд». Повертела его в руках. В этом месте никто не был в безопасности. Ни Денис, который пытался убедить себя, что он не сломается. Ни Алексей, который разбивал руки о стены, пытаясь сохранить контроль.

И уж точно не она сама. Аня больше не могла просто смотреть в монитор и делать вид, что ничего не происходит. Знать правду о CASCADE и молчать означало стать соучастницей Харитонова. Продолжать копать — означало подписать себе приговор. Но у нее больше не было выбора.

Глава 11 Правило первое

ГЛАВА 11. ПРАВИЛО ПЕРВОЕ

Месяц.

Аня поймала себя на этой мысли в понедельник утром, когда шла по расчищенной от снега дорожке к Корпусу А. Ровно месяц назад она вышла из поезда на пустую платформу, села в черную машину и поехала через лес, не зная, что ее ждет. Месяц назад она стояла перед бронзовым Прометеем и думала: «Я дома».

Сейчас она шла по той же дорожке, мимо того же Прометея, и в голове ее роились совсем другие мысли.

За этот месяц она узнала про CASCADE. Про файл С27-А. Про то, что в этом центре люди исчезают, а их профили стираются из базы. Про то, что Денис разваливается на части. Про то, что Алексей каждое утро ходит в Корпус В и возвращается со следами инъекций на руках. Она не знала наверняка, что именно происходит за теми матовыми стеклами, но мозг — тот самый мозг, который привык работать с фактами и вероятностями, — уже выстроил пугающую цепочку.

И самое страшное: она не может перестать думать о человеке, который является сердцем всех этих тайн.

Это было неправильно. Она понимала это. Мозг говорил: он куратор, он инструмент Харитонова, он следит за тобой. Мозг советовал: держи дистанцию, не давай ему подойти ближе, чем на расстояние вытянутой руки. Но каждый вечер, когда в лаборатории гас свет и Алексей появлялся в дверях, мозг словно уходил в режим гибернации. На его место приходило что-то первобытное, горячее и совершенно не поддающееся логике.

Их вечерние разговоры стали ритуалом. Не запланированным, не обговоренным — просто сложившимся, как складываются привычки у людей, которые проводят много времени рядом. Аня задерживалась в лаборатории. Алексей приходил.

Он рассказывал ей про армию.

— У нас был командир, — рассказывал он однажды, сидя на краю ее стола и глядя в темное окно. — Полковник Грачев. Маленький, сухой, похож на бухгалтера. Голос тихий. Никогда не кричал. Но когда он говорил «вперед», ты шел вперед, даже если впереди был ад. Потому что знал: он пойдет первым.

— Ты скучаешь? — спросила Аня.

— По Грачеву — да. По остальному... — он помолчал. — По остальному скучать нет смысла. Того мира больше не существует.

Иногда он шутил. Это случалось редко и всегда неожиданно — сухой, короткий юмор, который вспыхивал и гас, как спичка на ветру.

— В армии все просто, Аня, — сказал он однажды, прислонившись к дверному косяку. — Есть устав, есть приказ, есть цель. Никакой рефлексии. Знаешь, какая самая опасная вещь в части?

— Оружие? — предположила она.

— Нет. Лейтенант с картой и компасом. Это гарантированный путь в болото, из которого взвод будет выбираться до рассвета.

Аня звонко рассмеялась.

Однажды она пожаловалась, что данные по серии В не сходятся третий день подряд.

— Может, они просто не хотят сходиться, — сказал он. — У данных тоже есть характер. Аня улыбнулась.

Он, в свою очередь, улыбался ее упрямству. Не открыто — он вообще не умел открыто — но она замечала. Когда она спорила с Масловым о методологии и не уступала, хотя Маслов был старше и опытнее. Когда она засиживалась до полуночи, потому что один график не давался. Когда она говорила «нет, подождите, я еще не закончила» таким тоном, что даже Марина поднимала брови.

— Ты всегда такая? — спросил он тише, чем обычно.

— Какая? — Аня перестала улыбаться, чувствуя, как сердце начинает ускорять бег.

— Как бульдозер в белом халате. Идешь напролом, даже если перед тобой бетонная стена.

Он подошел ближе. Совсем близко. Аня почувствовала его запах — морозный воздух, кофе и что-то металлическое, едва уловимое.

— Это комплимент? — прошептала она, не отводя глаз.

— Это восхищение, Аня. — Его голос стал низким, вибрирующим. — И это пугает меня больше всего. Потому что в этом месте упрямство может стоить слишком дорого.

Он протянул руку, словно хотел коснуться ее щеки, но в последний момент пальцы замерли в воздухе и сжались в кулак. Аня видела, как на его шее забились жилки. Напряжение между ними было почти осязаемым, густым, как сироп. Ей хотелось податься вперед, сократить эти несчастные сантиметры, но Алексей резко отступил.

Аня знала, что нарушает правила. Не те, что в контракте. Свои. Правило первое: не привязывайся. Привязанность — это брешь в броне.

Она нарушала правило первое каждый вечер, когда ждала его шагов в коридоре.

В четверг днем иллюзия безопасности рухнула окончательно.

Аня шла по коридору административного корпуса — Светлана Игоревна просила зайти подписать формуляр на новые реактивы. В коридоре было пусто, если не считать уборщика с гудящим пылесосом.

— Анна Дмитриевна.

Голос был тяжелым, с хрипотцой. Аня обернулась.

Кирилл Андреевич Лосев, начальник службы безопасности, стоял в дверях своего кабинета. Он не улыбался, но его губы были слегка растянуты, словно он приготовился откусить кусок мяса.

— Кирилл Андреевич, — Аня кивнула, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Нравится вам у нас? — Он сделал шаг навстречу. Крупный, массивный, с бычьей шеей, он словно заполнял собой пространство, вытесняя из него воздух.

— Очень. Потрясающее оборудование.

— Да. Оборудование у нас лучшее. И программное обеспечение тоже. — Лосев заложил руки за спину и подошел еще ближе. — Знаете, Анна Дмитриевна, наша IT-служба очень трепетно относится к серверам. Они фиксируют каждый клик. Каждый запрос.

Аня почувствовала, как внутри все заледенело. *«Попытка доступа зафиксирована»*.

— Это правильно, — сказала она, глядя ему прямо в переносицу. — Безопасность превыше всего.

— Именно. — Лосев чуть наклонил лысую голову. — Пару дней назад система выдала аномалию. Кто-то искал несуществующие файлы в закрытом сегменте. Какие-то странные английские аббревиатуры. Я сказал айтишникам — наверное, сбой. Новый сотрудник, расширенный допуск, пальцы по клавиатуре соскользнули. Бывает.

Он замолчал, ожидая ее реакции. Аня не моргнула.

— Наверное, сбой, — эхом повторила она.

— Главное, чтобы такие сбои не становились системой, Анна Дмитриевна. А то, знаете, техника у нас нежная. Может и заблокировать пользователя. Навсегда.

Он улыбнулся. Это была страшная, плоская улыбка хищника.

— Как у вас, кстати, отношения с куратором? Зимин помогает?

— Алексей Романович прекрасно справляется со своими обязанностями.

— Леша — молодец. Идеальный солдат. — Лосев понизил голос почти до шепота. — Вы с ним поосторожнее, Анна Дмитриевна. Он парень исполнительный. Скажут охранять — будет охранять. Скажут горло перегрызть — перегрызет и не поморщится. Не забывайте об этом, когда пьете с ним кофе по вечерам.

Аня сжала пальцы в карманах халата так, что ногти до боли впились в ладони.

— Я учту. До свидания, Кирилл Андреевич.

Она развернулась и пошла прочь. Спиной она чувствовала его тяжелый, давящий взгляд до самого поворота.

Зайдя в пустой туалет на первом этаже, Аня оперлась руками о раковину и закрыла глаза. Сердце колотилось где-то в горле. Лосев знал. Он знал про CASCADE, знал про ее ночной запрос, знал про кофе с Алексеем. И он только что дал ей понять: она жива и ходит по этим коридорам только потому, что ей пока это позволяют.

А Алексей... Алексей знал, что Лосев в курсе. И все равно продолжал приносить ей кофе. Все равно стоял между ней и этим чудовищем.

Вечером того же дня, после ужина, Аня не пошла в лабораторию. Ей не хватало воздуха. Ей нужно было пространство, где нет ни мониторов, ни Лосева, ни протоколов. Вместо этого она свернула в зимний сад.

Зимний сад располагался на втором этаже Корпуса Б, в застекленной оранжерее, которая выступала из стены здания, как стеклянный пузырь. Внутри было тепло и влажно, пахло землей и зеленью. Пальмы, фикусы, какие-то вьющиеся растения, названий которых Аня не знала. Мягкий свет. Деревянные скамейки. Тишина.

Сюда редко кто заходил по вечерам. Зимний сад считался местом для дневных перерывов и выходных. Вечером он пустовал.

Аня села на скамейку у дальней стены, под раскидистым фикусом. За стеклом — декабрьская ночь, снег, фонари, темные силуэты сосен. Внутри — влажное тепло и запах земли. Контраст был почти болезненным.

Она сидела и думала. Не о данных, не о Косте и Денисе. О себе. О том, что она чувствует к человеку, которого знает месяц, и который, возможно, не совсем человек в том смысле, в каком это понимает биология.

Она услышала шаги раньше, чем увидела его.

Алексей остановился у входа в оранжерею. В полумраке, среди огромных листьев, она казалась маленькой и хрупкой. Совсем не похожей на того «бульдозера», который спорил с Масловым.

— Не в лаборатории сегодня? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал буднично.

— Решила сменить обстановку, — ответила она, не оборачиваясь.

Он прошел по дорожке и сел рядом. Расстояние в ладонь казалось ему одновременно слишком большим и невыносимо маленьким.

Некоторое время они молчали. За стеклом падал снег — мягкий, неторопливый, засыпающий дорожки и скамейки. В саду было так тихо, что Аня слышала, как где-то капает вода из системы полива.

— Здесь хорошо, — сказала она.

— Да, — согласился он. — Единственное место в «Велесе», где пахнет жизнью, а не хлоркой.

Аня посмотрела на него. Он сидел, чуть наклонившись вперед, положив локти на колени. Без куртки — в одной водолазке. Руки сцеплены. Костяшки на правой руке уже затянулись —

быстро, слишком быстро для обычного человека. Там, где еще пару дней назад была содранная кожа, осталась только розоватая полоска новой ткани.

Она отвела взгляд, чтобы он не заметил, что она смотрит на его руки.

— Можно спросить? — сказала она.

— Ты всегда спрашиваешь, даже когда я говорю нет.

— Это правда.

— Спрашивай.

— Зачем тебе эта работа? Ты не ученый. Ты мог бы быть где угодно. С твоей подготовкой, с твоим опытом — частная охрана, консалтинг, служба безопасности любой корпорации. Почему здесь? Почему лес, забор и пятьдесят ученых, которых нужно водить за ручку?

Алексей не ответил сразу. Он смотрел на снег за стеклом. Его лицо в мягком свете зимнего сада выглядело иначе, чем в коридорах и лабораториях — мягче, моложе. Без этой постоянной каменной маски. Как будто здесь, среди растений и тишины, он мог позволить себе ненадолго перестать быть функцией.

— Я не могу уйти, Аня, — сказал он наконец. Это была правда, которая жгла ему горло.

Простые, короткие, как выстрел слова. Но в них было столько всего, что Аня физически почувствовала их вес.

— Что значит «не можешь»?

— Значит — не могу.

— Контракт? Обязательства?

Он повернул к ней голову и посмотрел на нее. Она сидела так близко, что он видел отражение ламп зимнего сада в ее зрачках. У него был взгляд человека, который хочет сказать правду, но не имеет на это права. Или боится, что правда разрушит то хрупкое, что успело вырасти между ними.

— Не контракт, — сказал он тихо. — Не обязательства. Это... другое.

— Какое другое?

Он молчал. Долго. Капала вода. Пал снег. Листья фикуса чуть шевелились от теплого воздуха, идущего из вентиляции.

— Есть вещи, которые привязывают человека к месту сильнее любого контракта, — произнес он, и каждое слово давалось ему с видимым усилием, как будто он выталкивал их из-под тяжелой плиты. — Я не могу тебе объяснить. Не сейчас. Может быть, не смогу никогда. Но поверь мне: если бы я мог уйти — я бы ушел. Давно.

Он видел ее губы. Розовые, чуть влажные. Она была живой. Самой живой из всех, кого он знал. И рядом с ней он, продукт CASCADE 27, впервые за три года чувствовал себя не механизмом, а мужчиной. И это было самоубийственно.

Аня смотрела на него, на его руки, сцепленные так крепко, что побелели костяшки. На шрам на запястье, который он обычно прятал, а сейчас, в полумраке зимнего сада, забыл прикрыть.

Расстояние между ними — сантиметры. Она чувствовала тепло, идущее от его тела, — неестественное, повышенное, как у человека с постоянной лихорадкой. Или как у человека, чей метаболизм работает по другим правилам.

Потом Аня увидела его глаза — темные, почти черные в этом свете. В них было что-то, чему она не могла подобрать названия. Страх? Да, но не за себя. Боль? Да, но не та, которую лечат таблетками. Желание? Может быть. Но такое, которое человек давит в себе изо всех сил, потому что знает: если отпустит — все рухнет.

Секунда. Две. Три.

Аня не дышала. Она чувствовала, что стоит на краю чего-то — не пропасти, не обрыва, а перехода. Шаг — и ты уже по другую сторону. И обратной дороги нет.

Алексей отвел взгляд первым. Резко, как будто что-то оборвал. Встал.

— Тебе нужно отдохнуть, — сказал он. Голос ровный, рабочий. Маска вернулась на место за долю секунды. — Завтра сложный день. Харитонов назначил совещание по новой серии.

— Алексей...

— Спокойной ночи, Аня.

Он пошел к выходу. Не быстро и не медленно — тем своим точным, выверенным шагом, в котором не было ни одного лишнего движения.

Он не обернулся. Аня знала, что он хочет обернуться. Она видела, как на секунду замедлился его шаг у самой двери — на одну долю секунды, почти незаметно. Но он не обернулся. Дверь закрылась за ним, и в зимнем саду снова стало тихо. Только капала вода и шевелились листья.

Аня сидела на скамейке одна. Сердце билось так сильно, что она чувствовала пульс в кончиках пальцев.

Она нарушила правило первое. Окончательно и бесповоротно.

Привязалась. К человеку, который, возможно, принадлежит этому месту больше, чем самому себе. К человеку, который прячет шрам на запястье и каждое утро уходит в Корпус В, возвращаясь оттуда с пластырем на вене и серым лицом.

Аня встала. Подошла к стеклянной стене и прижала ладонь к холодному стеклу. Снаружи — ночь, снег, сосны. Корпус В стоял в стороне, темный и тяжелый, как каменный саркофаг. Свет в его матовых окнах горел ровно.

— Что ты скрываешь, Зимин? — прошептала она в пустой зимний сад.

Ей никто не ответил. Листья фикуса шевелились от теплого воздуха. Капала вода. Снег за стеклом падал беззвучно.

Он уже вышел за дверь, когда его слух, обостренный модификацией до предела, уловил звук в оранжерее. До его ушей донесся тихий, почти невесомый шепот. Тише, чем шелест листья фикуса.

«Что ты скрываешь, Зимин?»

Он дошел до своей комнаты за четыре минуты. Закрыл дверь, привалился к ней спиной и закрыл глаза.

Его сердце билось с частотой девяносто два удара в минуту. Для обычного человека — норма при легком волнении. Для него, с его переписанной физиологией, — красный уровень.

Там, в зимнем саду, когда она смотрела на него с расстояния в несколько сантиметров, он чуть не сделал то, чего нельзя было делать ни при каких обстоятельствах. Он чуть не прикоснулся к ней. Не к руке, не к плечу — к лицу. Убрать прядь, которая выбилась из хвоста и лежала на ее щеке. Простое, человеческое, невозможное движение.

Он не сделал этого. Встал и ушел. Как делал каждый раз, когда расстояние между ними становилось слишком маленьким.

Он подошел к зеркалу и посмотрел на себя. Лицо, которое Аня видела каждый день. Лицо, которое она изучала своими серо-зелеными глазами, пытаясь прочитать в нем что-то, что он прятал. Красивое, как говорили раньше. Нечитаемое, как он научился делать. Чужое, как он чувствовал последние три года.

«Я не могу уйти».

Он сказал ей правду. Впервые — чистую, неотредактированную правду. Не мог уйти. Не мог жить без стабилизатора. Не мог существовать за пределами этих стен дольше семидесяти двух часов.

Но была другая правда, которую он не сказал. Которую не мог сказать, потому что это означало бы показать ей монстра. Отменить ту единственную вещь, которая еще имела значение — ее веру в то, что он человек.

Алексей отошел от зеркала и сел на кровать.

Он думал о том, как она шептала его фамилию в пустой зимний сад.
«Что ты скрываешь, Зимин?»
Все, Аня. Я скрываю то, что я — это твоя самая большая ошибка.

Глава 12 Флэшка

ЧАСТЬ ВТОРАЯ — "CASCADE"

ГЛАВА 12. ФЛЕШКА

Шестая неделя в «Велесе» превратилась в полосу отчуждения.

Зима окончательно вступила в свои права, завалив лес вокруг центра тяжелым, неподвижным снегом. Территория теперь казалась еще меньше: расчищенные дорожки напоминали траншеи, а бетонный забор, припорошенный инеем, — ледяную стену.

Аня привыкла к камерам. Она научилась не поднимать голову, когда проходила под черными объективами, и не вздрагивать, когда они с едва слышным жужжанием поворачивались ей вслед. Она привыкла к тишине в лаборатории, к горькому кофе Зимина по утрам и к ощущению постоянного, зудящего присутствия чего-то огромного и невидимого за спиной.

В свой установленный расписанием день она исполняла единственный долг перед «прошлой жизнью» — звонила Кате.

Линия была «защищенной», что на языке «Велеса» означало: в комнате связи на первом этаже административного корпуса за столом сидел Павел Николаевич Жуков, заместитель Харитоновы, и меланхолично листал какие-то ведомости. Перед Аней стоял стационарный телефон. Секундомер на мониторе Жукова отсчитывал ровно пять минут.

— Привет, — говорила Аня, слыша в трубке далекий шум московских улиц.

— Анька! — голос Кати всегда звучал слишком громко, слишком живо. — Ну ты как там? Ты еще не превратилась в молекулу? Почему так редко звонишь?

— Работа, Кать. Тут все строго. Я в порядке. Кормят хорошо, воздух чистый.

— Ты какая-то... сухая. У тебя голос как у робота. Соколова, признайся, тебя там зомбировали?

Аня бросала быстрый взгляд на Жукова. Тот не поднимал головы, но она знала: он слышит каждое слово.

— Просто устала. Проект сложный, — Аня старалась придать голосу теплоты, которой внутри не оставалось. — Как Шредингер? Тетя Люба не жалуется?

— Кот в депрессии, съел ее любимую герань. Тетя Люба говорит, он ждет тебя у двери каждый вечер. Ань... ты точно в порядке? Тебя не обижают?

— Все хорошо, Кать. Я скоро приеду. Ну, относительно скоро. Время заканчивается. Я тебя люблю.

— И я тебя. Пиши в свой блокнот, слышишь? Не держи все в себе!

Жуков нажал кнопку, и в трубке раздались короткие гудки. Пять минут истекли. Аня выходила из комнаты связи, чувствуя себя так, будто только что совершила предательство. Она лгала единственному человеку, который ее любил, и делала это под присмотром системы, которая превращала ее жизнь в статистику.

На следующий день после звонка Элина Галиева вызвала ее на внеплановый сеанс.

Кабинет с деревянной дверью. Запах цветов. Мягкий свет. Все было как в первый раз, только Элина теперь не улыбалась той успокаивающей, материнской улыбкой. Ее взгляд был цепким, сканирующим.

— Анна Дмитриевна. Проходите. Выглядите усталой, — Элина указала на кресло. Блокнот уже лежал на ее коленях.

— Проект сложный, — Аня села, сохраняя идеальную осанку. — Данных много.

— Вы работаете с серией Д, насколько я знаю. Это тяжелый материал. Комбинированные патологии. Скажите, Аня... — Элина впервые назвала ее по имени, нарушая свой же протокол дистанции. — Вас не пугает то, с чем вы сталкиваетесь?

— Меня как ученого пугает только отсутствие данных.

— А как человека?

Аня встретила ее глазами. Элина ждала. Она прощупывала. Искала слабое место, через которое можно пустить нужный ток.

— Я понимаю, что медицина требует жертв, Элина Рашидовна. Мы работаем с материалом, который когда-то принадлежал живым людям. Это вызывает... сочувствие. Но не страх.

— Это похвальная позиция. Но иногда, — Элина чуть наклонилась вперед, — умы вашего уровня начинают... экстраполировать. Переносить лабораторные данные на реальную жизнь. Видеть то, чего нет. Или искать то, чего не следует.

«Попытка доступа зафиксирована. CASCADE». Аня вспомнила красную рамку на мониторе. Они знают. Элина знает. Это допрос в бархатных перчатках.

— Я предпочитаю оперировать фактами, — ровно ответила Аня. — То, чего нет, меня не интересует. А то, что есть, описано в протоколах.

Элина смотрела на нее долгих пять секунд. Потом медленно кивнула, откидываясь в кресле.

— Вы очень крепкий человек, Анна. Виктор Леонидович не ошибся в вас. Продолжайте работать. И помните: если вам покажется, что факты не складываются в логичную картину, — приходите. Мозг иногда играет с нами в опасные игры.

Аня вышла из кабинета с мокрой от ледяного пота спиной. Они затягивали петлю. Мягко, вежливо, но неотвратно.

В пятницу днем, за несколько часов до того, как все изменилось, в лабораторию зашел Алексей.

За окном бушевала настоящая метель, белая пелена полностью скрыла стволы сосен. В помещении было душно от работающих серверов, но когда открылась дверь, по ногам потянуло сквозняком. Алексей подошел к столу Ани. Маслов и Игорь в этот момент о чем-то увлеченно спорили у доски, а Марина ушла в административный корпус. Они были почти наедине.

— Ты сегодня даже не обедала, — сказал он, прислонившись бедром к соседнему столу. Аня сняла очки и потеряла переносицу.

— Забыла. Сводила графики по пятой хромосоме.

Алексей смотрел на метель за окном. Отражение ламп скользило по его резким скулам. В нем сейчас не было ничего от той холодной машины, какой он казался в первые дни. Он выглядел просто уставшим мужчиной, который нашел предлог постоять рядом с ней пять минут в тишине.

— Снег сегодня такой, что дороги до трассы замело, — произнес он негромко. — Охрана жалуется, что грейдеры не справляются. Мы тут как на острове.

Аня посмотрела на его руки. Костяшки, сбитые в кровь несколько дней назад, уже покрылись ровной молодой кожей. Но она помнила, как он дрожал тогда в коридоре, прижимая пластырь к вене.

— Алексей, — Аня понизила голос, чтобы слышал только он. — Ты ведь знаешь, что происходит с Денисом?

Он медленно повернул голову. В его глазах мгновенно захлопнулись все невидимые створки.

— Денис переутомлен. У него сложный этап адаптации к местным условиям.

— Ты сам-то в это веришь? — с горечью спросила она.

Алексей наклонился к ней. Очень близко. Аня снова уловила этот контраст: ледяной взгляд и неестественный, почти лихорадочный жар, исходящий от его тела.

— Аня. Я верю в то, что помогает выжить. И тебе советую. Просто делай свою работу и не смотри по сторонам.

Он выпрямился, кивнул ей, словно между ними ничего не произошло, и вышел из лаборатории. Аня проводила его взглядом. Он казался ей таким живым, таким настоящим, несмотря на все свои тайны. Она еще не знала, что через несколько часов это впечатление разобьется вдребезги.

Марина Сергеевна начала меняться именно на этой, шестой неделе. Это было незаметно для остальных, но Аня видела: наставница стала рассеянной. Она могла по десять минут смотреть в одну точку на мониторе. Но самое главное — Марина перестала смотреть в камеры. Она начала их *избегать*.

В пятницу, в половине восьмого вечера, когда в лаборатории остались только они вдвоем, Марина встала и подошла к двери. Нажала кнопку блокировки.

— Марина Сергеевна? — Аня подняла голову от микроскопа.

Марина не ответила. Она прошла к шкафу с реактивами, который стоял в «слепой зоне» между двумя камерами. Она встала спиной к объективу, загораживая Аню своим телом. Ее руки заметно дрожали.

— Я не должна этого делать, — прошептала она. Голос был сухим, надтреснутым. — Но я смотрю на тебя и вижу себя десять лет назад. Такую же упрямую. Такую же слепую. Ты заслуживаешь знать правду до того, как станешь частью этой статистики.

Она полезла в карман халата и достала два предмета. Маленькая черная флешка без маркировки и старый планшет в защитном чехле.

— Это списанный терминал, — быстро заговорила Марина, сунув вещи Ане в руки. — Он не подключен к сети центра. В нем нет модуля связи, его не видит сервер. Я нашла его в архиве три года назад.

— Что это? — Аня спрятала планшет под стопку своих записей.

— Ты спрашивала про CASCADE, — Марина посмотрела ей прямо в глаза. В ее взгляде была такая смесь ужаса и облегчения, что Ане стало не по себе. — Вот CASCADE. Весь. От начала и до сегодняшнего дня. Не открывай при людях. Не подключай к рабочему компьютеру — система уничтожит файлы. И ни при каких обстоятельствах, Аня... слышишь? Никому не говори, что это от меня. Даже Зимину. Особенно — Зимину.

— Почему?

Марина горько усмехнулась.

— Потому что ты еще не видела его карту.

Она развернулась и пошла к двери. Сняла блокировку.

— Иди домой, Аня. Сегодня был долгий день.

Марина ушла, не оглядываясь. Аня осталась сидеть в тишине, чувствуя под стопкой бумаг холодный пластик планшета.

Вернувшись в комнату, Аня первым делом задернула шторы. Она села на пол в ванной — единственном месте без окон. Достала планшет и вставила флешку.

Экран вспыхнул. Папка «Архив С». Десятки PDF-файлов.

Аня открыла первый. *«Объект С27-А. Алексей Романович Зимин».*

С экрана на нее смотрело лицо Алексея. Фотография трехлетней давности — моложе, в военной форме, глаза еще не превратились в черные непроницаемые колодцы. Под фото шел анамнез: компрессионный перелом позвоночника, повреждение спинного мозга, нижняя параплегия. Приговор.

Ниже стояла пометка: *«Отобран для участия в программе CASCADE. Согласие получено».*

Аня начала читать протокол вмешательства, и как генетик, она почувствовала, что ей не хватает воздуха. То, что они с ним сделали, нельзя было назвать операцией. Это был биологический демонтаж.

«Введение модифицированного ретровирусного вектора непосредственно в спинномозговой канал. Искусственная индукция нейрогенеза. Подавление гена миостатина для гипертрофии мышечной ткани...»

Она читала сухие медицинские термины, но ее мозг переводил их в образы. Чтобы заставить его парализованные нервы срастаться, они искусственно разогнали клеточное деление до такой скорости, что кости и ткани буквально плавилась и перестраивались заживо. Боль должна была быть невыносимой. Человеческий мозг не мог пережить такой болевой шок.

Поэтому они переписали и его мозг тоже.

«Блокировка болевых рецепторов. Принудительное подавление лимбической системы для снижения эмоциональной реактивности и предотвращения психоза».

Они выжгли в нем всё, что делало его человеком, чтобы он не сошел с ума от того, что они делали с его телом.

Аня перешла к разделу *«Побочные эффекты».*

«Гормональная нестабильность. Неконтролируемые вспышки агрессии. Быстрый апноэ (запрограммированная гибель клеток) при отсутствии экзогенного стабилизатора. Зависимость от препарата: абсолютная. Срок жизни без инъекции: 72 часа. Далее — каскадный распад нервной системы. Смерть.»

Она закрыла файл, прижав ладонь ко рту. Ее мутило. Человек, с которым она сегодня днем обсуждала метель, был живым мертвецом на химическом поводе.

Дрожащими руками она открыла следующий файл.

«Объект С27-В. Женщина, 34 года». Пометка: *«Обширный некроз тканей. Исчезла два года назад».*

«Объект С27-С. Мужчина, 41 год. Технический специалист». Пометка: *«Отбраковка. Утилизация».*

Имена мелькали перед глазами. Всего шесть человек.

«Объект С27-Д. Константин Сергеевич Никонов». Статус: *«Критическая деградация моторики. Переведен в блок изоляции Корпуса В».* Он не уехал. Его просто списали, как бракованный прибор, бросив умирать в подвале.

И наконец... *«Объект С27-Ф. Денис Игоревич Савельев».*

Аня открыла карту Дениса. В отличие от Зимина, на котором тестировали мышечную и нервную регенерацию, на Денисе попытались применить когнитивный каскад. *«Стимуляция синаптической пластичности. Гиперразвитие префронтальной коры».*

Аня читала и плакала. Бедный, рыжий, смешливый Денис. Они попытались разогнать его мозг, как компьютерный процессор, но не учли пропускную способность нервных путей. Его нейроны буквально сгорали от переизбытка сигналов. Отсюда бессонница, тремор, галлюцинации. Его мозг работал на 200% мощности и медленно поджаривал сам себя.

Аня сидела на полу ванной, обхватив себя руками. Шесть модифицированных теней. И один стабилизирующий препарат, который Харитонов выдавал им каждое утро, как милостыню, чтобы они не превратились в кровоточащее мясо.

72 часа. Трое суток — вот и вся их свобода. После этого — «отбраковка».

Она понимала теперь, почему Алексей советовал ей уезжать. Он пытался предупредить ее о том, что она — следующая. Харитонову не нужны были пациенты извне. Он создавал свою личную элиту. Людей, которые никогда не предадут, потому что предательство для них означает мучительную смерть.

Аня закрыла планшет. Руки тряслись. Она вышла из ванной и подошла к окну. Корпус В в темноте светился ровным, безразличным светом. Теперь она знала, почему там горят окна в три часа ночи. Там не хранили образцы. Там их создавали. И там же их пытались удержать от распада.

Она посмотрела на свои ладони. Она — генетик. Формула стабилизатора была где-то там, в этих файлах. Ей просто нужно время.

— Я найду лекарство, мам, — прошептала она в темноту комнаты. — Как обещала. Но на этот раз я не опоздаю.

Она вспомнила лицо Алексея в ночном коридоре и его шепот: «здесь мое место». Вспомнила его сегодняшнюю полуулыбку у ее стола.

— Я найду способ вытащить тебя отсюда, Алексей, — твердо произнесла она, вытирая злые слезы. — Даже если мне придется сжечь этот чертов центр дотла.

На этот раз это не было мечтой. Это была война.

Кабинет директора тонул в роскошной, мягкой тишине. Виктор Леонидович стоял у панорамного окна, заложив руки за спину. В стекле отражался не просто кабинет — в нем отражалась его персональная империя.

Он думал о проекте CASCADE. Для всего научного мира генная инженерия была способом лечить болезни. Харитонов считал это непростительной мелочностью. Зачем латать трещины на тонущем корабле, если можно построить подводную лодку? Природа — ленивый, некомпетентный инженер. Эволюция человека остановилась, уступив место комфорту. Обычные люди стали хрупкими, зависимыми от таблеток, склонными к депрессиям и ошибкам. Тупиковая ветвь.

Харитонов просто брал на себя роль эволюции. Он ускорял процесс.

Да, были издержки. Зимин и Никонов стали лишь черновыми вариантами. Мышцы и базовая нейропластичность. Никонов сломался, его нервная система не выдержала сопротивления собственной биологии. Зимин оказался феноменально вынослив, но его приходилось держать на жестком поводке стабилизатора. Денис — попытка улучшить когнитивные функции — и вовсе оказался разочарованием. Мальчишка был слишком слаб ментально. Его тело сдавалось раньше, чем мозг успевал обработать изменения. Расходный материал на пути к совершенству.

Но Соколова была идеальной.

Дверь кабинета бесшумно открылась. Элина Галиева вошла без стука — здесь, за закрытыми дверями, ей не нужно было играть роль наемного психолога. Она подошла к Харитонову со спины, положила руки ему на плечи и прижалась щекой к его шее.

— Ты слишком много думаешь о ней, Виктор, — негромко произнесла она. — Я начинаю ревновать.

Харитонов накрыл ее ладонь своей, но взгляда от окна не отвел.

— Она стоит того, Элина. Ты сама видела отчеты. Ее метаболизм, ее стрессоустойчивость... Она — тот сосуд, который мы искали. Ее мозг — это бриллиант, но он заперт в хрупком, человеческом теле. Она устает. Она зависит от эмоций. Представь, что она сможет создать, если избавить ее от потребности в сне? От страха? От боли?

— Она копает под нас, — Элина отошла к столу, наливая себе вина. — Марина Крылова совсем потеряла голову. Я видела, как она сегодня шепталась с Соколовой в лаборатории. Они прячутся в углах, думают, что я ничего не замечаю.

— Пусть думают, — Харитонов обернулся, в его глазах блеснуло холодное удовлетворение. — Крылова предсказуема. Ее чувство вины — лучший инструмент. Она сама приведет Соколову к краю пропасти. А когда Аня заглянет вниз и увидит, что происходит с ее драгоценным Алексеем...

Элина сделала глоток, глядя на него поверх бокала.

— Ты думаешь, она не сломается? Зимин — нестабильный фактор. Он скрывает информацию. Он защищает ее.

Харитонов коротко рассмеялся, подходя к столу и забирая у Элины бокал.

— Именно это мне и нужно! Любовь, сочувствие, привязанность — это не более чем мощные биохимические стимулы. Когда Соколова поймет, что единственный способ спасти Зимина от деградации — это завершить проект CASCADE 28, она сделает всё. Она сама вставит иглу себе в вену. Сама перепишет свой код, чтобы выжить и спасти его. Я не буду ее принуждать. Она сама придет ко мне с просьбой сделать ее такой же.

Элина подошла ближе, ее голос стал вкрадчивым.

— А если они попытаются сбежать?

Харитонов притянул ее к себе, заставляя смотреть в окно, на заснеженный лес, за которым не было ничего, кроме вьюги и пустоты.

— Куда, дорогая? Из «Велеса» нельзя уволиться. Из него можно только выйти в тираж. Соколова слишком умна, чтобы не понимать этого. Скоро она станет не просто частью команды. Она станет венцом моего творения.

Он коснулся губами ее волос, но его глаза оставались неподвижными и ледяными, как линзы микроскопа. Каскад шел по плану. И никто, даже сама Анна Соколова, уже не мог его остановить.

Глава 13 Бессонница

ГЛАВА 13. БЕССОННИЦА

Ночь тянулась так медленно, словно само время в «Велесе» было отравлено стабилизатором и теперь распадалось на части.

Аня сидела на полу в ванной, прижавшись спиной к холодному кафелю. Старый планшет лежал на ее коленях, тускло освещая лицо синеватым светом. Батарея садилась, индикатор в углу мигал красным, но она не могла заставить себя выключить экран.

Она перечитывала файл снова и снова. Каждую строчку. Каждое медицинское заключение.

«Объект С27-А. Зимин Алексей Романович. 29 лет на момент процедуры. Диагноз при поступлении: компрессионно-оскольчатый перелом позвоночника на уровне Th12-L1, полное повреждение спинного мозга, нижняя параплегия, дисфункция тазовых органов».

Цифры, диагнозы, протоколы. За этим сухим клиническим языком скрывалась катастрофа. Человек, который всю жизнь опирался на силу своего тела, в один момент лишился всего. Прикованный к кровати. Беспомощный.

«...Введен в программу CASCADE на стадии бета-тестирования. Цель: регенерация нервной ткани центральной нервной системы с использованием модифицированного ретровирусного вектора. Дополнительная задача: гипертрофия мышечного каркаса для компенсации атрофии...»

У Ани холодело внутри. Как ученый, она понимала, что читает отчет о величайшем прорыве в истории медицины. Восстановить разорванный спинной мозг невозможно. Нервные клетки центральной нервной системы не регенерируют. Но Харитонов заставил их регенерировать. Он переписал базовые законы биологии.

Но как женщина, как человек... она задыхалась от ужаса.

Она дошла до раздела «Протокол реабилитации».

«Месяц 1. Пациент испытывает некупируемый болевой синдром на фоне активного нейрогенеза. Зафиксированы множественные эпизоды болевого шока. Купирование стандартными анальгетиками неэффективно. Принято решение о принудительной модификации лимбической системы и блокировке периферических болевых рецепторов».

«Некупируемый болевой синдром». Аня закрыла глаза, и перед ней в темноте всплыло лицо Алексея. Спокойное, каменное, непроницаемое. То самое лицо, которое она видела каждый день. Теперь она понимала, откуда взялась эта каменная маска. Они не просто вылечили его. Чтобы он не сошел с ума от боли, когда его нервы заживо срастались внутри позвоночника, они хирургически выжгли в нем способность чувствовать боль. А заодно приглушили и все остальные эмоции.

Он сказал ей тогда: *«Я не выбирал эту работу. Она выбрала меня»*.

Как он должен был ненавидеть этот центр. И как сильно он должен был хотеть ходить, если согласился на такое.

Аня сжала кулаки. Она **не хотела в это верить**. Разум отчаянно сопротивлялся. Ей хотелось сказать себе, что это подделка, фейк, злая шутка, проверка службы безопасности. Тот мужчина, который приносил ей кофе, который шутил про лейтенантов с компасом, чьи горячие пальцы она чувствовала в зимнем саду, — он не мог быть просто биологическим конструктом на химическом поводке. Он был живым.

Но цифры на экране были безжалостны.

«Срок жизни без экзогенного стабилизатора: 72 часа».

Аня выключила планшет, когда батарея упала до одного процента. В ванной стало совсем темно. Она спрятала флешку и планшет в вентиляционную решетку под потолком — единственное место, которое пришло ей в голову. Встала на ледяной пол. Ноги дрожали.

Она вернулась в спальню, легла в кровать и утонула в потолок.

Сна не было. Мозг, разогнанный стрессом и адреналином, отказывался отключаться. Перед глазами крутились формулы, обрывки фраз из медкарты Дениса, лицо Кости Никонова и сбитые костяшки Алексея.

За окном, сквозь щель в шторах, в комнату пробивался тусклый свет от матовых окон Корпуса В. Аня смотрела на этот свет и думала о том, что где-то там, в подвалах, лежит Костя. А где-то в соседнем крыле Алексей спит (или тоже смотрит в потолок?), зная, что в семь утра ему снова придется идти туда, чтобы получить еще один день жизни.

Она пролежала так до самого рассвета.

Утро встретило ее головной болью и тяжестью во всем теле.

Аня встала, подошла к зеркалу и ужаснулась. На нее смотрела женщина с серым лицом и глубокими, темными кругами под глазами. Взгляд был затравленным. Она умылась ледяной водой, потратила десять минут на то, чтобы замазать синяки консилером, и туго стянула волосы в хвост. Ей нужно было выглядеть нормально. Лосев и Элина ждут, что она сорвется. Она не доставит им такого удовольствия.

В столовой, как всегда, пахло свежей выпечкой и кофе. Этот запах нормальности казался Ане теперь издевательством.

Она взяла поднос с омлетом и села за столик у окна.

Денис появился через пять минут. Он плюхнулся на стул напротив, едва не перевернув стакан с соком. Рыжие волосы торчали во все стороны, глаза покраснели от лопнувших капилляров. Он был похож на человека, который двое суток пил энергетики и смотрел в стробоскоп.

— Привет, Соколова! — выпалил он слишком громко.

Аня посмотрела на него. Вчера она видела в нем просто уставшего коллегу. Сегодня, после прочтения файла *C27-F*, она видела перед собой человека, чей мозг сгорал заживо. «Стимуляция синаптической пластичности». Его нейроны убивали сами себя.

— Денис... — Аня запнулась. Она хотела сказать так много. Хотела схватить его за плечи, сказать: «Я знаю! Я знаю, что они с тобой сделали, я найду способ помочь!» Но камера в углу столовой медленно повернулась в их сторону.

Денис прищурился, разглядывая ее лицо. Его гиперактивный мозг мгновенно считал изменения.

— Эй, — он наклонился ближе, и его тонкая, лихорадочная улыбка слегка померкла. — Ты в порядке? Выглядишь так, будто привидение увидела. Или вагоны разгружала.

Аня заставила себя взять вилку. Рука дрогнула, но она удержала контроль.

— Бессонница, — сказала она ровным голосом. — Долго не могла уснуть. Мысли о проекте.

Денис на секунду замер. Его правая рука, лежащая на столе, снова мелко-мелко задрожала. Он поспешно сбросил ее под стол и нервно, отрывисто рассмеялся. Звук был похож на треск разбивающегося стекла.

— Тут у многих, — сказал он, активно кивая. — Что-то в воздухе. Seriously, я сам сплю урывками. Местная атмосфера, высокое давление интеллекта! Все мозги кипят. Ты попей ромашку на ночь, помогает. Мне вот... — он сглотнул, — мне уже не очень, а тебе поможет.

Он снова рассмеялся, отводя взгляд в сторону окна.

Аня смотрела на него, и ей хотелось плакать. «Что-то в воздухе». Он все еще пытался убедить себя, что это просто переутомление. Защитный механизм психики. Если он признает, что умирает из-за эксперимента Харитоновна, он просто сойдет с ума быстрее.

— Попою ромашку, — тихо сказала Аня. — Спасибо, Денис.

Она заставила себя съесть половину омлета, хотя еда казалась на вкус как картон. Каждое движение, каждый глоток давались с трудом. Она сидела напротив парня, чей срок жизни стремительно истекал, и играла роль идеального сотрудника.

В лаборатории Корпуса А было тихо. Маслов и Игорь уже сидели за своими столами, тихо переговариваясь. Марина Сергеевна, как обычно, была на месте.

Аня вошла, поздоровалась со всеми и села за свой терминал.

— Анна Дмитриевна, вы бледноваты, — заметил Маслов, оторвавшись от монитора. — Не заболели?

— Нет, Петр Алексеевич. Просто не выспалась.

— Я же говорила, что работа допоздна до добра не доводит, — не удержалась от комментария Наташа. — Организм — не машина, ему отдыхать надо.

Организм — не машина. Аня чуть не истерически усмехнулась. Если бы Наташа знала, насколько ошибается.

Аня открыла рабочие файлы. Ей нужно было верифицировать еще два десятка профилей из серии Д. Вчера она видела в них истории болезней. Сегодня она видела в них чертежи. Она смотрела на регуляторные участки генов и понимала: вот здесь они меняли структуру мышечной ткани. А вот этот протокол, скорее всего, использовали для подавления эмпатии. Харитонов не лечил людей. Он собирал из них конструктор легио.

Аня вела себя абсолютно нормально. Она печатала, делала вычисления, дважды подошла к Марине с рабочими вопросами. Наставница отвечала сухо и профессионально. Никаких намеков на вчерашний вечер. Никаких взглядов. Только идеальная, стерильная работа.

Но внутри Ани всё сжалось в тугую, звенящую пружину.

Она ждала.

Стрелка на часах в углу монитора неумолимо ползла к половине одиннадцатого. Время, когда он должен был прийти.

Каждый раз, когда Аня думала об Алексее, ее сердце останавливалось.

Оно буквально пропускало удар, оставляя в груди болезненную, холодную пустоту. Раньше она ждала его шагов с предвкушением, с той легкой, тревожной радостью, которая бывает, когда влюбляешься. Теперь она ждала его в состоянии контролируемой паники.

Как она сможет смотреть на него? Что она должна сказать? Как сделать вид, что не знает о том, что он — заложник, обреченный на смерть через 72 часа, если попытается уйти?

В 10:28 дверь лаборатории открылась.

Аня перестала дышать.

Шаги. Легкие, плавные, абсолютно бесшумные для человека его комплекции. Раньше она считала это армейской выправкой. Теперь знала: «оптимизация мышечной регенерации и координации».

Алексей подошел к ее столу. В левой руке — картонный стаканчик с кофе.

Он поставил его рядом с ее клавиатурой. Аня заставила себя поднять голову.

Ее взгляд скользнул по нему. На нем была его неизменная черная водолазка. Темные брюки. Идеальная осанка. Взгляд — спокойный, непроницаемый, как темная вода в колодце.

— Доброе утро, — сказал он. Голос ровный, с той самой едва уловимой, теплой хрипотцой, которая предназначалась только для нее.

— Доброе, — ответила Аня. Ей показалось, что ее собственный голос звучит из-под воды.

Она смотрела на него и не могла отвести взгляд от его рук. Длинные рукава водолазки плотно облегли предплечья, доходя до самых запястий. ****Всегда длинные рукава.**** Даже когда в лаборатории от серверов становилось жарко. Даже когда они работали физически.

Раньше она думала, что это просто стиль одежды или желание скрыть армейские шрамы.

Теперь она знала: под этой плотной черной тканью скрываются десятки, сотни следов от инъекций. Свежие и старые. Те, что поддерживали в нем жизнь, и те, что привязывали его к Харитонову намертво.

Сегодня утром, ровно в семь ноль-ноль, он снова был там. В Корпусе В. Сидел в кресле, пока в его вену вливали стабилизатор.

Ей вдруг захотелось схватить его за руку. Задрать этот чертов рукав, прижать пальцы к холодным следам от иглы и сказать: «Я знаю. Тебе больше не нужно это прятать». Ей хотелось разбить этот стакан с кофе о стену, разнести монитор, закричать на всю лабораторию, чтобы Маслов, Наташа и все остальные проснулись и увидели, в каком аду они работают.

Но она сидела неподвижно. Руки лежали на коленях, ногти впивались в бедра сквозь ткань джинсов.

— Ты выглядишь уставшей, — заметил Алексей. Его темные глаза внимательно изучали ее лицо. Он всегда замечал всё.

— Бессонница, — Аня использовала ту же ложь, что и для Дениса. — Никак не могла отключить голову от расчетов по серии Д.

— Тебе нужно делать перерывы. Загонишь себя.

Он говорил это так искренне. Он действительно заботился о ней. Монстр, убийца, надсмотрщик — кем бы его ни считали в документах, здесь и сейчас он был человеком, который принес ей кофе, потому что знал, что она не завтракала.

— Я постараюсь, — сказала Аня, беря стакан. Кофе был обжигающе горячим, идеальным. — Спасибо, Леш.

Он чуть заметно кивнул, принимая благодарность. В этом коротком движении была такая тихая, скрытая мужская нежность, что у Ани перехватило горло.

— Сегодня совещание у Харитонова в три, — перешел он на рабочий тон. — Я зайду за тобой без десяти. Не опаздывай.

— Не опоздаю.

Алексей развернулся и направился к выходу. Аня смотрела ему вслед.

Она смотрела на его широкие плечи, на узкую талию, на идеальную, хищную пластику его движений. Он двигался как идеальное творение природы. Но природа не имела к этому никакого отношения.

Дверь лаборатории мягко закрылась за его спиной.

Аня сидела, сжимая в обеих руках горячий картонный стакан. Кофе обжигал ладони, возвращая ее в реальность.

****"С27-А,"*** — пронеслось у нее в голове.

Слезы, которые она сдерживала все утро, все-таки обступили глаза, делая экран монитора размытым пятном. Она стиснула зубы, заставляя себя дышать ровно.

****"Господи... что они с тобой сделали?"***

Ровно без десяти три Алексей снова появился в дверях лаборатории.

Аня была готова. Она смыла следы утренней слабости в туалетной комнате, выпила остатки остывшего кофе и переложила нужные распечатки в плотную синюю папку. Теперь она снова была Анной Дмитриевной Соколовой — ведущим специалистом, кандидатом наук, бульдозером в белом халате.

Они шли по коридору Корпуса А вместе с Мариной Сергеевной. Наставница шла чуть впереди, Алексей — на полшага позади Ани, как тень.

Конференц-зал на третьем этаже административного корпуса разительно отличался от аскетичных лабораторий. Здесь пахло дорогой кожей, полированным деревом и большими деньгами. Огромный овальный стол, эргономичные кресла, панорамные окна с видом на заснеженный лес.

В зале уже собралось около двадцати человек. Руководители направлений, ведущие генетики, биохимики, нейрофизиологи. Те самые «пятьдесят умов», только их элитная часть.

Харитонов вошел ровно в три ноль-ноль. Как всегда — обаятельный, энергичный, в своем простом темном свитере, который парадоксальным образом делал его похожим на патриарха среди паствы. Слева от него бесшумной тенью следовал Жуков с планшетом, справа — Элина Галиева с безупречной укладкой.

— Коллеги, добрый день. Присаживайтесь, — Харитонов занял место во главе стола. — Не будем тратить время на прелюдии. У нас на повестке утверждение протоколов для новой серии. Серии Е.

По залу пронесся легкий шепоток. Аня открыла свою папку и достала ручку.

Харитонов вывел на огромный настенный экран первый слайд.

— Вы все ознакомились с предварительными данными. Мы совершили беспрецедентный скачок в лечении нейродегенеративных патологий на базе профилей серии Д. Но мы уперлись в барьер. Биологический барьер пропускной способности нейронов.

Аня почувствовала, как ручка в ее руке дрогнула. «Барьер пропускной способности нейронов». Он говорил о Денисе. Об объекте С27-Ф. О парне, который сейчас медленно сходил с ума в Корпусе А, потому что его нейроны сгорали от переизбытка стимуляции.

Харитонов говорил об этом так спокойно, словно речь шла о перегреве компьютерного процессора.

— Наша задача в серии Е, — продолжил директор, обводя собравшихся мягким, но властным взглядом, — найти механизм охлаждения. Как усилить нейропластичность, не вызывая критической перегрузки центральной нервной системы?

Аня посмотрела на Алексея. Он стоял у стены, скрестив руки на груди, лицом к залу. Идеальная осанка, каменное лицо. Он слушал, как обсуждают способы «модернизации» человеческого тела, и ни один мускул не дрогнул на его лице. Как он мог это выносить? Как мог стоять здесь, зная, что они говорят о таких, как он? О таких, как Денис и Костя?

— Анна Дмитриевна, — вдруг раздался голос Харитонова.

Аня вздрогнула и перевела взгляд на директора. Весь стол смотрел на нее.

— Ваша работа с серией Д была блестящей, — Харитонов улыбнулся ей своей фирменной, теплой улыбкой. — Четырнадцать поправок, которые сэкономили нам месяцы работы. Я хочу услышать ваши мысли. Как нам решить проблему выгорания синапсов при форсированном нейрогенезе?

В зале повисла тишина. Это был экзамен. Харитонов бросил ее в глубокую воду прямо на глазах у всех руководителей отделов.

Аня опустила взгляд на свои записи. Она знала ответ. Как генетик, она видела решение еще вчера, анализируя структуру данных С27-Ф. Нужно было замедлить метаболизм клеток глиальной ткани, чтобы они успевали очищать нейроны от токсичных продуктов распада. Это спасло бы Денису жизнь.

Но если она сейчас произнесет это вслух... она официально станет соучастницей. Она собственными руками усовершенствует механизм CASCADE. Она даст Харитонову ключ к созданию следующего монстра. К созданию идеального, безупречного солдата, который уже не сломается.

Она подняла глаза. Напротив нее сидела Элина Галиева, внимательно наблюдая за каждым ее жестом. Справа — Марина, ее лицо было бледным, как бумага.

Аня посмотрела на Алексея. Он стоял у двери, все такой же неподвижный. Но сейчас, в эту долю секунды, их взгляды встретились. В его темных глазах не было приказа. Не было просьбы. Там было только одно: знание того, что он уже обречен, и желание, чтобы она не стала такой же.

— Я... — Аня прочистила горло. Голос прозвучал сухо и профессионально. — Я считаю, что мы упираемся в фундаментальный физиологический предел. Усиление нейропластичности неизбежно приведет к ускоренному апоптозу. Метаболизм глиальных клеток не рассчитан на такую нагрузку.

— Ваше предложение? — Харитонов чуть прищурился, подавшись вперед.

— Откатить протокол стимуляции на пятнадцать процентов назад, — ровно ответила Аня, глядя директору в глаза. — Снизить скорость регенерации. Мы потеряем в эффективности, но сохраним стабильность системы. Биологию нельзя принуждать. С ней можно только договариваться. Иначе она разрушит саму себя.

Харитонов замолчал. Его добродушная улыбка медленно, миллиметр за миллиметром, исчезла с лица. На несколько секунд в конференц-зале стало так тихо, что было слышно, как гудит вентиляция.

Директор «Велеса» смотрел на Аню не моргая. В этот момент она увидела перед собой не гениального ученого. Она увидела фанатика, которому только что предложили отказаться от его бога.

— Мы здесь не для того, чтобы договариваться с биологией, Анна Дмитриевна, — произнес Харитонов тихо, но его голос эхом разнесся по залу. — И не для того, чтобы отступить перед барьерами. Мы здесь для того, чтобы эти барьеры ломать.

Он перевел взгляд на остальных.

— Спасибо за ваше мнение. Мы продолжим форсированный протокол. Биохимии — подготовить варианты ингибиторов распада. Совещание окончено.

Стулья заскрипели, люди начали подниматься. Аня молча собирала свои бумаги. Руки дрожали, но она заставила себя делать это медленно.

Она не дала ему ответ. Она саботировала собственную гениальность, чтобы не стать частью его кровавого конструктора.

Когда она выходила из зала, Алексей открыл перед ней дверь. Аня прошла мимо него, чувствуя исходящий от него жар.

"Вы не получите меня, Виктор Леонидович,"* — подумала она, шагая по коридору к лаборатории. — **"Я вытащу их всех. Теперь я знаю, как выглядит ваше 'совершенство'. И я уничтожу ваш каскад."

Она чувствовала на себе взгляд Харитонова, оставшегося в зале, и знала: тихая война закончилась. Теперь началась открытая игра на выживание.

Глава 14 Вопросы

ГЛАВА 14. ВОПРОСЫ

После совещания у Харитоновой Аня перестала спать по ночам.

Не потому что боялась — хотя боялась, конечно, до холодных ладоней и сухого рта. А потому что ее мозг, перегруженный информацией с флешки Марины, отказывался выключаться. Он работал как лабораторный компьютер, обрабатывающий бесконечный массив данных: формулы, протоколы, побочные эффекты, лица. Алексей. Денис. Костя Никонов. С27-А, С27-Д, С27-Ф. Семьдесят два часа. Отбраковка. Утилизация.

Днем она держалась. Работала с серией Д, верифицировала профили, сверяла данные. Но параллельно, в тайной части своего сознания, она вела другую работу. Системную. Аккуратную. Опасную.

Она начала задавать вопросы.

Не в лоб — она уже поняла, что в «Велесе» прямые вопросы вызывают не ответы, а подозрения. Она действовала иначе: вбрасывала невинные замечания в разговоры, наблюдала за реакцией и фиксировала результат. Как ученый ставит серию микроэкспериментов — каждый по отдельности ничего не значит, но вместе они рисуют карту.

Первым был Денис.

Они столкнулись в коридоре у кабинета медицинской службы. Денис выходил оттуда, застегивая рукав рубашки. Аня заметила: на сгибе его локтя тоже был свежий пластырь. Точно такой же, как у Алексея.

— Медосмотр? — спросила она как бы между прочим.

Денис дернулся, словно его ткнули иголкой.

— Да. Плановый. Тут каждый месяц кровь берут, анализы, давление. Строго все.

Они пошли вместе к столовой. Аня выдержала паузу — тридцать шагов молчания, — а потом сказала:

— Тебе не кажется, что медосмотры здесь слишком частые? У меня в НИИ мы проходили диспансеризацию раз в год, и то половина коллег от нее отлынивала.

Денис нервно хохотнул.

— Это же научный центр, Ань. Тут все строго. Биобезопасность, протоколы, все дела. Мы же работаем с генетическим материалом. Мало ли что подцепишь.

— Но у тебя кровь берут каждую неделю. Я видела.

Денис остановился посреди коридора. Его улыбка исчезла так резко, будто кто-то выдернул штекер из розетки.

— Соколова, — он понизил голос почти до шепота. — Я тебя очень прошу. Не начинай. У меня просто расширенный медицинский протокол. Некоторым сотрудникам он назначается из-за специфики работы. Это нормально.

— Какая специфика, Денис?

— Та, о которой я не хочу разговаривать в коридоре. И вообще не хочу разговаривать. — Он провел ладонью по лицу, размазывая испарину. — Пожалуйста, Ань. Просто... не лезь. Не надо.

Он развернулся и почти бегом скрылся за поворотом. Аня стояла одна посреди пустого коридора и слушала, как его торопливые шаги затихают в глубине здания.

«Расширенный медицинский протокол». Еще одна красивая обертка для уродливой правды.

С Масловым и Игорем Аня попробовала зайти с другой стороны.

В обеденный перерыв, когда они втроем сидели в столовой, она невинно спросила:

— А кто-нибудь из вас знает, что конкретно изучают в Корпусе В? Я видела, что некоторые наши коллеги туда ходят регулярно. Там ведь, по официальной версии, хранилище образцов?

Маслов пожал плечами, прожевывая котлету.

— Хранилище и есть. Криобанк, коллекция тканей, архив биоматериалов. Я там был один раз, еще в первый год. Холодно, темно, скучно. Полки от пола до потолка.

— А на верхних этажах? Там окна горят по ночам.

— Серверная, наверное, — Игорь отхлебнул из своего термоса с имбирным чаем. — Или автоматика климат-контроля. Криохранилище требует постоянного обслуживания. Что тебя беспокоит, Соколова?

— Ничего, — Аня улыбнулась. — Просто любопытно. Я ведь ни разу там не была.

— И не надо, — неожиданно серьезно сказал Маслов. — Там минус восемьдесят в основном блоке. Без спецкостюма околеешь за десять минут. Харитонов правильно делает, что не пускает туда научный состав без необходимости.

Игорь кивнул, соглашаясь, и вернулся к еде.

Аня отметила про себя: Маслов не врал. Он действительно верил в то, что говорил. Для него Корпус В был скучным хранилищем. Он работал здесь три года и ни разу не усомнился в официальной версии.

Это значило одно из двух: либо он был идеальным актером, либо — что гораздо страшнее — система Харитонова работала настолько безупречно, что даже умнейшие люди страны не видели того, что творилось у них под носом.

К Наташе Аня подошла после обеда, когда та стояла у кофейного автомата.

— Наташ, можно странный вопрос?

Фролова покосилась на нее с привычной настороженностью.

— Смотря какой.

— Ты помнишь, чтобы кто-нибудь из сотрудников серьезно болел? За все время, что ты здесь работаешь?

Наташа нажала кнопку на автомате. Стаканчик начал наполняться.

— Болел? — она нахмурилась. — Простуды бывают, конечно. Иванов из биохимии прошлой зимой две недели провалялся с гриппом. А что?

— Нет, я имею в виду — серьезно. Чтобы кого-то госпитализировали. Или чтобы кто-то... ну, внезапно ухудшился.

Наташа забрала стаканчик и посмотрела на Аню долгим, внимательным взглядом.

— Соколова, ты опять ищешь то, чего нет?

— Просто спрашиваю.

— Нет. Seriously никто не болел. Здесь отличная медицина, отличное питание, отличный воздух. — Наташа сделала глоток и добавила тише: — И отличная система отсева. Те, кто не тянут, просто уезжают. Быстро и тихо. Ты заметила, что тут никто не устраивает проводов?

Она развернулась и ушла, оставив Аню стоять у автомата.

«Те, кто не тянут, просто уезжают». Наташа знала больше, чем показывала. Но в отличие от Дениса, она не боялась — она смирилась. Приняла правила игры и решила не заглядывать за кулисы. Это был ее способ выживания.

С Мариной было хуже всего.

Наставница избегала Аню с того самого вечера, когда передала ей флешку. Она больше не подходила к ее столу с рабочими вопросами — присылала их через внутреннюю почту. Она больше не ходила в бассейн по субботам. Она обедала одна, в дальнем углу столовой, уткнувшись в планшет.

Аня попыталась подойти к ней в среду. Марина стояла у окна в коридоре, держа чашку чая обеими руками. Когда она услышала шаги Ани, ее плечи мгновенно окаменели.

— Марина Сергеевна, — Аня остановилась рядом. — Мне нужно обсудить с вами данные по...

— Отправьте запрос через систему, Анна Дмитриевна, — Марина не повернула головы. Ее голос был ровным, но Аня видела: пальцы, сжимающие чашку, побелели в суставах. — У меня сейчас плотный график.

— Марина Сергеевна...

— Через систему, — повторила Марина и ушла, даже не допив чай.

Аня стояла у окна и смотрела ей вслед. Марина боялась. Не просто нервничала — боялась по-настоящему. Она отдала Ане флешку как акт отчаяния и теперь жалела об этом. Или не жалела, но понимала, что каждая секунда рядом с Аней увеличивает риск. Если Лосев заметит, что Крылова избегает Соколову — это одно. Если заметит, что они тайно общаются — совсем другое.

Аня решила не давить. Марина сделала свой выбор. Теперь очередь была за ней.

Сеанс с Элиной Галиевой был назначен на четверг, на четыре часа дня.

Аня пришла ровно вовремя, села в кресло и сложила руки на коленях. Идеальная поза. Идеальное лицо.

— Анна Дмитриевна, — Элина улыбнулась. Сегодня на ней было темно-бордовое платье, и в ушах поблескивали серьги с гранатом. Выглядела она безупречно. — Как ваше самочувствие?

— Хорошо. Спасибо.

— Бессонница прошла?

— Почти. Стала пить ромашку на ночь. Денис посоветовал.

— Денис Савельев? — Элина сделала пометку в блокноте. — Вы часто общаетесь?

— В столовой. За обедом. Как и все.

— Понятно. — Еще одна пометка. — А с куратором? С Алексеем Романовичем? У вас по-прежнему... рабочий контакт?

Аня почувствовала, как в груди натянулась тонкая леска.

— По-прежнему, — ответила она ровно.

— Мне показалось, — Элина откинулась в кресле, — что в последнее время вы проводите довольно много времени вместе. За пределами рабочих часов.

— Он помогал мне с доступом к научной литературе. Это была разовая задача.

— Разовая, — повторила Элина без интонации. Записала что-то в блокнот. — Вам не кажется, Анна Дмитриевна, что вы слишком полагаетесь на куратора? Это может создать ложное чувство безопасности.

Аня выдержала паузу, глядя на то, как ручка Элины замерла над бумагой. Пришло время для ее собственного вопроса.

— Наверное, вы правы, — мягко согласилась Аня. — Здесь легко потерять ориентиры. Знаете, Элина Рашидовна, я хотела спросить вас... не как психолога, а как человека, который здесь давно.

Элина чуть прищурилась, и Аня физически почувствовала, как внимание женщины сфокусировалось на ней, словно луч лазера.

— Я слушаю, — кивнула Галиева.

— Были ли случаи, что сотрудники центра болели чем-то серьезным? — Аня постаралась, чтобы ее голос звучал максимально естественно, с легкой ноткой обывательского беспокойства. — Я имею в виду — по-настоящему серьезным. Не простуда, не переутомление. Просто я заметила, что некоторые коллеги выглядят... не совсем здоровыми. Тот же Денис Савельев.

Элина перестала писать. Она медленно подняла глаза, и Аня увидела в них то самое «хищное» выражение, которое скрывалось за маской профессионализма.

— Почему вы спрашиваете? — спросила Элина. Тон был ровным, но в нем прорезался холод.

— Просто интересно. Когда работаешь в месте с таким уровнем изоляции, невольно начинаешь присматриваться к окружающим. Хотелось убедиться, что здесь нет каких-то... специфических рисков для здоровья, о которых не пишут в контрактах.

Элина молчала три секунды. Аня видела, как в мозгу психолога проворачиваются шестеренки, анализируя этот запрос.

— Вы очень наблюдательны, Анна, — наконец улыбнулась Элина, но улыбка не затронула ее глаз. — Но, как я уже говорила, замкнутое пространство иногда заставляет нас преувеличивать проблемы. Усталость — нормальная реакция организма на высокую интеллектуальную нагрузку. Денис Савельев — талантливый мальчик, но он склонен к ипохондрии.

Элина сделала жирную пометку в блокноте.

— Если вам покажется, что кто-то из коллег ведет себя странно, лучше сразу сообщать мне. Это поможет нам вовремя оказать помощь. Не берите на себя лишнюю ответственность, Анна Дмитриевна. Ваша задача — наука. А о здоровье сотрудников позаботимся мы.

Аня встала, поблагодарила и вышла. В коридоре она прислонилась к стене и закрыла глаза. Элина записывала каждое слово. Каждый ее вопрос — «были ли случаи», «почему часто берут кровь», «почему Корпус В светится по ночам» — ложился в досье, которое Галиева вела на нее по приказу Харитонов. Или по собственной инициативе — что было еще страшнее.

Вечером, около девяти, Аня сидела в своей комнате и перечитывала рабочие записи. Точнее, делала вид, что перечитывала. На самом деле она обдумывала, куда перепрятать флешку и планшет. Вентиляционная решетка в ванной — ненадежно.

В дверь постучали.

Стук был другим. Не тот размеренный, уверенный ритм, которым Алексей обычно объявлял о своем присутствии. Два коротких, быстрых удара. Как будто он не хотел, чтобы звук разносился по коридору.

Аня открыла.

Алексей стоял на пороге. Без куртки, в одной водолазке, руки в карманах. Его лицо было напряженным, скулы заострились, между бровями залегла вертикальная складка, которую Аня раньше не видела. Он был не в режиме «куратор». Он был в режиме «тревога».

— Можно войти? — спросил он тихо.

— Конечно.

Он вошел, быстрым взглядом окинул комнату — привычка, от которой невозможно избавиться, — и закрыл за собой дверь. Не сел. Встал у окна, отведя штору в сторону, словно проверяя, нет ли кого на дорожке внизу.

— Аня, мне нужно спросить тебя кое о чем, — сказал он, не оборачиваясь. — И мне нужен честный ответ.

— Спрашивай.

— Крылова передавала тебе что-нибудь?

Вопрос упал в тишину комнаты, как камень в стоячую воду.

У Ани остановилось сердце. Одна секунда — может, полторы — пока ее мозг просчитывал варианты. Он знает? Ему сказал Лосев? Или он догадался сам? Если она скажет правду, он будет обязан доложить. Если соврет и он поймет, что она врет, — это конец доверия между ними.

— Нет, — ответила она мгновенно, без колебания, без паузы. — А что?

Алексей повернулся от окна и посмотрел на нее. Его темные глаза медленно скользили по ее лицу — от лба к подбородку, от глаз к губам. Он искал ложь. Она это видела. Он читал ее, как читают рукопись, в которой подозревают подделку.

Аня выдержала этот взгляд. Она не моргнула. Не отвела глаз. Не сглотнула.

Впервые за все время их знакомства она врала ему в лицо. И ложь была безупречной, потому что за ней стояла не трусость, а решимость. Она врала, чтобы защитить его. Потому что если он узнает, что она видела его медкарту, — он либо сломается, либо отстранится навсегда. И тогда она потеряет единственного человека, который стоял между ней и машиной Харитоновна.

— Лосев проверяет Крылову, — сказал Алексей после долгой паузы. В его голосе не было обвинения, но и облегчения тоже не было. — Она ведет себя нервно. Он думает, что она может попытаться передать кому-то закрытую информацию.

— Мне она ничего не передавала.

— Хорошо. — Он помолчал. — Но если кто-то — кто угодно — будет давать тебе любые материалы не через официальные каналы, скажи мне. Сразу. Это важно, Аня.

— Конечно, — ответила она. — Скажу.

Он кивнул. Но не ушел. Продолжал стоять у окна, глядя на нее, и Аня видела, что за его обычной маской происходит борьба. Он хотел ей верить. Отчаянно хотел. И одновременно — знал, что не должен.

— Есть еще кое-что, — сказал он наконец. — Лосев проводит обыски жилых помещений. Каждый вторник, пока все на работе. Официально — «проверка противопожарной безопасности». Неофициально — ищет все, чего не должно быть. Личные ноутбуки, флешки, записи.

— У меня ничего такого нет, — сказала Аня.

— Я знаю, — ответил Алексей. — Просто... будь осторожна. Если у тебя есть что-то, чего здесь быть не должно, — избавься. Или спрячь так, чтобы даже я не нашел.

Он произнес последнюю фразу тише обычного, почти на грани слышимости. Аня услышала в ней то, что он не мог сказать прямо. Он предупреждал ее. Зная, что нарушает протокол. Зная, что ставит под удар себя.

— Алексей, — она сделала шаг к нему. — Почему ты мне это говоришь?

Он долго смотрел на нее. Потом произнес с усилием, словно выталкивая слова:

— Потому что ты единственный человек в этом месте, которого мне хочется защитить. Тишина. Гудение вентиляции. Снег за окном.

— Спокойной ночи, Аня, — сказал он и вышел, аккуратно прикрыв дверь.

Выйдя из комнаты триста двенадцать, Алексей не пошел к себе. Он поднялся на этаж выше и вышел на открытую пожарную лестницу, которая служила курилочной для охраны. Сейчас здесь было пусто и обжигающе холодно.

Он достал из кармана куртки зажигалку, щелкнул крышкой. Металлический звук потонул в завывании ветра. Огонек на секунду осветил его резкие, уставшие черты, прежде чем порыв снега задул пламя. Алексей не курил, но эта зажигалка осталась у него еще с тех, прошлых времен, как механическая привычка занимать руки.

Она солгала ему.

Он знал это абсолютно точно. Не потому, что обладал навыками допроса, и не потому, что Элина Галиева учила кураторов считывать микромимику. Он знал это благодаря CASCADE.

Когда он стоял в ее комнате и задал вопрос про Марину Крылову, Аня ответила «нет» слишком быстро. Но дело было не в скорости. Дело было в телеметрии, которую его обостренные чувства считывали автоматически. В момент ответа ее пульс подскочил до ста десяти ударов, а зрачки на долю секунды сузились, прежде чем снова расшириться. Температура кожи лица повысилась — приток крови от выброса адреналина.

Она солгала, выдержав его взгляд так безупречно, что любой полиграфолог Лосева поверил бы ей. Но биология не умеет врать.

Алексей сжал зажигалку в кулаке так крепко, что металл врезался в кожу.

Крылова передала ей данные. Аня спрятала их. И теперь она пытается вести свою собственную игру против системы, которая перемалывала таких, как она, на завтрак.

Он должен был вернуться в кабинет Лосева, положить на стол рапорт и сказать: «Соколова лжет. Обыскивайте комнату сегодня, не ждите вторника». Это был его долг. За это ему каждое утро вливали в вены жизнь. За это он получил право ходить своими ногами, а не гнить в инвалидном кресле.

Но когда он смотрел в ее серо-зеленые глаза, в которых не было ни капли страха, а была только отчаянная решимость защитить свою тайну... он понял, что не сделает этого.

Впервые за три года он осознанно предал «Велес».

— Ты идешь вслепую по минному полю, Аня, — прошептал он в ледяную темноту. — И тянешь меня за собой.

Он убрал зажигалку и пошел обратно в тепло коридора. Ему нужно было перестроить алгоритмы службы безопасности на серверах Лосева так, чтобы вторичный обыск в комнате Соколовой прошел по формальному сценарию, без использования магнитных сканеров. Это было сложно, это требовало обхода четырех уровней защиты, и если Лосев заметит следы вмешательства — Зимин окажется в подвале Корпуса В еще до рассвета.

Но у Алексея больше не было выбора. Защищая ее ложь, он сам становился преступником в глазах системы, которой служил. И, как ни странно, от этой мысли ему впервые за три года стало дышаться чуть легче.

Аня стояла посреди комнаты и не двигалась целую минуту.

Потом действовала быстро.

Достала планшет и флешку из вентиляционной решетки в ванной. Завернула в пакет. Положила в сумку.

Утром, придя в лабораторию первой, она прошла к дальнему стеллажу, где стояло списанное оборудование. Старый оптический микроскоп — громоздкий, пыльный, с треснувшим окуляром. Им не пользовались как минимум пять лет. Аня аккуратно сняла заднюю крышку корпуса. Внутри было достаточно места. Она уложила флешку и планшет между запыленными линзами и зеркалами, закрепила скотчем, чтобы не болтались, и прикрутила крышку обратно.

Отошла на шаг. Посмотрела. Микроскоп стоял на полке как стоял — мертвый прибор среди мертвых приборов. Никому в голову не придет его разобрать.

Аня вернулась к своему столу, села, включила монитор и открыла файл серии Д.

Руки дрожали. Она спрятала их под стол, сжав в кулаки.

Она только что солгала человеку, который рисковал собой, чтобы ее предупредить. Солгала, глядя ему в глаза, без запинки, без колебания.

Правило первое: не привязывайся. Она его нарушила.

Теперь она нарушила правило второе: не задавай вопросы, на которые не готова получить ответ. Всю эту неделю она методично дергала за ниточки — Дениса, Маслова, Наташу, Элину. Она спрашивала, провоцировала, искала трещины в фундаменте «Велеса». И она нашла их. Но вместе с ответами пришло понимание того, насколько все плохо.

Но у нее не было выбора. Флешка Марины — единственное доказательство того, что CASCADE существует. Единственный ключ к формуле стабилизатора, который может освободить Алексея и Дениса. Если она отдаст ее Зимину, он передаст ее Лосеву. Не потому что хочет, а потому что обязан. Потому что он — собственность Харитонова, привязанная к поводку из семидесяти двух часов.

Аня смотрела на экран монитора, но видела только лицо Алексея. «Ты единственный человек в этом месте, которого мне хочется защитить».

И она врала ему, чтобы его спасти.

Это было больше всего.

Глава 15 Марина исчезает

ГЛАВА 15. МАРИНА ИСЧЕЗАЕТ

Утро понедельника началось с пустого стула.

Аня пришла в лабораторию в восемь десять — чуть позже обычного, потому что плохо спала и долго стояла под душем, пытаясь горячей водой выбить из тела ощущение постоянного холода, которое поселилось в ней с того вечера, когда она прочитала файлы с флешки.

Она толкнула дверь, вошла, повесила куртку на крючок, надела халат. Привычные движения, привычный ритуал. Маслов уже сидел за своим столом, Игорь что-то помешивал в термосе, Наташа грызла колпачок ручки, уставившись в монитор. Лена, как всегда, материализовалась из ниоткуда.

Аня посмотрела в дальний угол лаборатории — туда, где стоял стол Марины Сергеевны. Стол был пуст.

Не просто пуст — как бывает, когда человек вышел за кофе или ушел на совещание. Пуст абсолютно. Чисто. Монитор выключен. Клавиатура сдвинута к краю. Личная кружка с логотипом МГУ, которая стояла на углу стола семь лет, — исчезла. Фотография в маленькой рамке, которую Аня видела мельком, — исчезла. Папка с протоколами, которую Марина носила с собой как талисман, — исчезла.

Стол выглядел так, будто за ним никогда никто не сидел.

Аня замерла. Она стояла посреди лаборатории с халатом, застегнутым на одну пуговицу, и смотрела на этот мертвый, стерильный стол, и чувствовала, как внутри нее что-то медленно проворачивается — тяжелое, холодное, похожее на жернов.

— Где Марина Сергеевна? — спросила она, обращаясь ко всем сразу.

Маслов поднял голову от экрана. Его лицо было спокойным, даже немного равнодушным.

— Перевели в другой проект, — сказал он. — Внутренняя ротация. Светлана Игоревна утром объявила.

— Перевели? Куда?

— Не уточняли. Какой-то филиал. Крылова давно хотела сменить направление, это не секрет.

Аня повернулась к Наташе. Та пожала плечами, не отрываясь от монитора.

— Обычное дело. Люди приходят, люди уходят. Мы тут не навечно.

— Она давно хотела уехать, — добавил Игорь из-за своего термоса. — Говорила мне как-то, что скучает по нормальной жизни. По городу, по магазинам, по людям. Тут не все выдерживают.

Три ответа. Три версии. «Перевели», «хотела уехать», «обычное дело». Три заученные фразы, произнесенные с одинаковой интонацией — ровной, безэмоциональной, как запись автоответчика.

Аня стояла и смотрела на них. Маслов. Игорь. Наташа. Умные, образованные люди. Ученые. Они сидели в трех метрах от стола, за которым семь лет работала их коллега, и ни у одного из них не дрогнул голос. Ни один не спросил: «Странно, правда? Без предупреждения? Без прощания?»

Потому что они уже видели это раньше. Костя Никонов. И до него — другие. Люди исчезали из «Велеса» тихо, как капли воды с горячей сковородки. И каждый раз оставшиеся проносили одни и те же слова: «Перевели. Уехала. Обычное дело».

Они не врали. Они просто перестали задавать вопросы. Это было страшнее лжи.

Аня молча застегнула халат, села за свой стол и включила монитор. Руки не дрожали. Она не позволила им дрожать.

В десять часов она перехватила Алексея в коридоре.

Он шел от административного крыла, быстрым, собранным шагом, с планшетом в руке. Увидел ее — и на долю секунды его шаг сбился. Это было почти незаметно, но Аня уже научилась ловить такие мгновения.

— Алексей, — она встала перед ним, загородив проход. — Где Марина?

Он остановился. Посмотрел на нее сверху вниз. Лицо — каменное, непроницаемое.

— Она покинула центр, — сказал он. — Личные обстоятельства.

— Без предупреждения? Без прощания? Она работала здесь семь лет, Алексей. Семь лет. И ушла за одну ночь, не сказав никому ни слова?

— Так бывает. Люди принимают решения...

— Я знаю этот текст наизусть, Алексей, — оборвала его Аня. Голос дрожал, но она не могла остановиться. — «Администрация не обязана отчитываться. Личные обстоятельства. Обычное дело». Ты говоришь мне ровно то же самое, что сказал про Костю. Слово в слово. Как записанное на пленку.

— Потому что это правда.

— Это не правда, и ты это знаешь! — Она сделала шаг вперед, входя в его личное пространство, сокращая дистанцию до того самого предела, за которым заканчивается работа. — Леша, посмотри на меня. Просто посмотри.

Он вздрогнул. Имя, произнесенное ею так тихо и так... по-свойски, ударило его сильнее, чем если бы она дала ему пощечину. Каменная маска на его лице не просто треснула — она на мгновение осыпалась, обнажая то, что он так тщательно прятал под слоями приказов и протоколов.

— Пожалуйста, не ври мне, — прошептала Аня, и в ее глазах, устремленных на него, была такая отчаянная надежда, что у него перехватило дыхание. — Скажи мне, что она жива. Просто скажи, что она не...

Она не смогла договорить слово «умерла».

Алексей смотрел на нее, и его темные глаза в тусклом свете коридора казались черными дырами. Аня видела, как пульсирует вена на его шее. Быстро. Слишком быстро.

— Она еще жива... Аня, есть вопросы, — сказал Алексей тихо, почти на грани слышимости, — ответы на которые убивают. В буквальном смысле. Пойди в лабораторию, работай. Пожалуйста.

В его «пожалуйста» было столько скрытой мольбы, что Аня физически почувствовала его боль. Он не защищал Харитонову. Он защищал её. От самого себя и от того, что он знал.

Она смотрела на него еще несколько секунд. Потом развернулась и ушла, хлопнув дверью лаборатории так, что Маслов подпрыгнул на стуле.

Он смотрел ей вслед, пока дверь лаборатории не захлопнулась с тяжелым, окончательным звуком. В ушах до сих пор звенело это короткое, мягкое «Леша».

Никто не называл его так три года. Для Харитонову он был «Алексеем», для Лосева — «Зиминим», для врачей в Корпусе В — «объектом». Это имя, произнесенное ее голосом, вернуло его в мир живых так резко, что стало больно дышать.

Он развернулся и пошел в сторону административного корпуса, но его движения больше не были идеальными. В колене отозвалась старая, фантомная боль, которой не должно было быть — CASCADE блокировал такие сигналы, но сейчас система давала сбой.

Марина Крылова.

Он лично видел отчет службы безопасности сегодня в семь утра. Марина не «покинула территорию». Ее взяли на выходе из жилого корпуса вчера в 22:15. Лосев заподозрил утечку

данных неделю назад, когда она начала избегать камер. Ее «сняли с пробега» — так это называл начальник безопасности.

Алексей знал, где она сейчас. В блоке изоляции под Корпусом В. Там же, где Костя Никонов. Там, откуда не возвращаются, потому что «отбракованный» персонал — это самая опасная улика.

Ему хотелось вернуться в лабораторию, схватить Аню за плечи и трясти до тех пор, пока она не поймет: каждое ее слово, каждое «Леша», каждый вопрос про Марину — это гвоздь в ее собственный гроб. Лосев не просто следит за ней. Он ждет повода. Харитонов играет с ней, как кот с мышью, но Лосев... Лосев хочет просто прихлопнуть ее, чтобы не мешала.

Алексей остановился у окна и посмотрел на свои руки. Они были спокойны. Идеальная моторика. Но внутри него всё кричало.

«Остановись, Аня. Пожалуйста, остановись».

Он знал, что сегодня вечером ему придется писать новый отчет. И он снова соврет. Он будет врать до тех пор, пока это помогает ей оставаться на плаву. Даже если в конце этого пути Лосев пустит пулю ему в затылок за предательство.

Потому что после этого «Леша» он впервые за три года почувствовал, что у него всё еще есть имя. И значит, он всё еще человек. Хотя бы наполовину. Хотя бы для нее.

До обеда она не могла работать.

Сидела за монитором, открывала файлы, закрывала, снова открывала. Буквы расплывались перед глазами. В голове крутилось одно: Марина. Марина, которая стояла в слепой зоне камеры и совала ей в руки черную флешку дрожащими руками. Марина, которая шептала: «Ты заслуживаешь знать». Марина, которая потом избегала ее, обедала одна и не смотрела в глаза.

И теперь — пустой стол, чистый, как хирургический поднос.

После обеда Аня не выдержала. Она должна была проверить.

Она поднялась на третий этаж жилого корпуса — туда, где располагались апартаменты старших сотрудников. Нашла дверь четыреста семь — комнату Марины. Аня знала номер, потому что однажды заходила к наставнице за книгой.

Дверь была опечатана. Поверх замка — бумажная полоса с печатью службы безопасности и подписью Лосева.

Аня стояла перед этой полосой и чувствовала, как в горле растет тугой, колючий ком. Опечатанная дверь. Не «уехала». Не «перевели». Опечатали.

Она спустилась на первый этаж, в кадровую службу. Маленький кабинет, стол, за которым сидела немолодая женщина в синем бейдже.

— Добрый день, мне нужна информация о Крыловой Марине Сергеевне. Она работала в моей лаборатории и...

— Информация о перемещениях сотрудников конфиденциальна, — женщина даже не подняла глаз от монитора. — Обратитесь к вашему куратору или в административный отдел.

— Я обращалась к куратору. Он сказал «личные обстоятельства». Мне нужны подробности. Когда она уехала? Куда?

— Конфиденциально, — повторила женщина тем же тоном, каким, наверное, произносила это слово десятки раз до этого. — Желаете оставить запрос в письменном виде?

— Да, нет. Спасибо.

Аня вышла из кадровой и остановилась в коридоре, прижавшись лбом к холодной стене. Конфиденциально. Опечатано. Обычное дело.

Оставался последний шанс. Она пошла к проходной.

КПП располагался у главных ворот, в отдельном здании с толстыми стенами и тонированными стеклами. Охранник за стойкой — молодой парень в серой форме, из тех, кто еще не научился смотреть сквозь людей.

— Добрый день. Я ведущий специалист Соколова. Мне нужно уточнить: Крылова Марина Сергеевна — когда она покинула территорию?

Охранник посмотрел в монитор. Пощелкал мышкой.

— Крылова М.С. Покинула территорию центра вчера, в двадцать два ноль-ноль. Служебный транспорт до станции.

Двадцать два ноль-ноль. Десять вечера воскресенья.

Аня поблагодарила и вышла на морозный воздух. Она стояла перед зданием КПП и слушала, как ветер гонит поземку по бетонной площадке. Двадцать два ноль-ноль. Десять вечера.

Вчера, в воскресенье, в двадцать один сорок — в девять сорок вечера — Аня шла по коридору жилого корпуса на третьем этаже. Она возвращалась из бассейна, волосы были еще влажные. И в конце коридора, у двери четыреста семь, она видела Марину Сергеевну. Та стояла, прислонившись к стене рядом со своей дверью, с закрытыми глазами. Как будто собиралась с силами, чтобы войти. Они не разговаривали — Марина избегала ее уже несколько недель, — но Аня ее видела. Отчетливо. В девять сорок вечера.

А в десять ноль-ноль, по данным проходной, Марина Сергеевна Крылова уже «покинула территорию».

Двадцать минут. Чтобы собрать вещи — семь лет жизни в одном месте, — выйти из корпуса, дойти до КПП и сесть в машину. Двадцать минут.

Это было невозможно. Физически, логически, по-человечески — невозможно.

Марина никуда не уезжала.

Остаток дня Аня провела в состоянии глухого, ледяного ужаса.

Она сидела в лаборатории, двигала мышкой по экрану, делала вид, что работает. Маслов пару раз обращался к ней с вопросами, и она отвечала — внятно, по делу, даже с какими-то профессиональными комментариями. Но внутри нее все замерзло. Как будто кто-то открыл окно в минус тридцать, и холод хлынул внутрь, заморозив все чувства, все мысли, все реакции.

Марина Крылова — женщина, которая передала ей флешку, которая рисковала ради нее всем, которая сказала «ты заслуживаешь знать» дрожащим голосом в слепой зоне камеры — эта женщина исчезла. Как Костя Никонов. Тихо, бесшумно, без следов.

И Аня знала — это была ее вина. Не целиком, не полностью, но частично. Марина нервничала после того, как отдала флешку. Она перестала спать, начала вздрагивать от звуков, избегала камер. Элина заметила. Лосев заметил. И Марину убрали.

«Не обсуждайте это ни с кем. Ни с коллегами, ни с куратором. Ни с кем. Вы поняли?»

Аня поняла. Слишком поздно.

Вечером она сидела в своей комнате на кровати, не зажигая свет.

За окном метель. Корпус В светился матовыми окнами. Где-то там, в подвалах, лежал Костя Никонов. А теперь, возможно, и Марина. «Пока еще жива» — так сказал Алексей.

Аня обхватила себя руками и раскачивалась вперед-назад, как делала в детстве, когда было очень страшно. Мама тогда садилась рядом и обнимала ее, и страх отступал. Мамы больше не было. И обнять Аню было некому.

Она думала о Марине. О ее прямой спине и тихом голосе. О том, как она плавала в бассейне — размеренно, без брызг, как человек, для которого это единственная форма свободы. О ее словах: «Здесь все достойные люди. Но не в каждом из тех, кто носит белый халат, все еще остался человек».

Марина знала. Семь лет она жила с этим знанием, работала, молчала, плавала в бассейне по субботам. И когда наконец решилась заговорить — ее уничтожили.

Аня встала и подошла к окну. Прижала ладонь к холодному стеклу.

Марина исчезла. Как Костя. Как, возможно, другие до них. Система «Велеса» работала как часы: кто-то задает лишний вопрос, кто-то нервничает, кто-то ломается — и механизм срабатывает. Тихо, чисто, без следов. «Уехала. Перевели. Обычное дело».

Но Марина оставила ей оружие. Флешка лежала внутри мертвого микроскопа в лаборатории. Данные CASCADE. Формулы. Имена. Доказательства.

Теперь Аня несла ответственность не только за себя. Не только за Алексея и Дениса. Она несла ответственность за Марину. За ее решение, за ее страх, за ее жертву.

— Я не дам им похоронить тебя, — прошептала Аня в темноту. — Я не дам им стереть тебя, как стерли Костю. Я вытащу все это на свет. Чего бы мне это ни стоило.

За окном метель усиливалась, засыпая снегом дорожки, скамейки и бронзового Прометейя у входа в Корпус А. Прометей стоял, подняв руку с огнем, и снег ложился на его бронзовые плечи, как белый саван.

Аня отвернулась от окна. Ей нужен был план. Настоящий, продуманный, с расчетом каждого шага. Хватит задавать вопросы. Пришло время искать ответы.

Кирилл Андреевич Лосев ненавидел ученых.

За свою долгую службу он усвоил одно золотое правило: чем выше у человека IQ, тем быстрее он ломается в подвале. Умники слишком много думают. Они начинают просчитывать варианты, воображать худшие сценарии и в итоге сводят себя с ума еще до того, как следователь задаст первый вопрос.

Лосев сидел в своем кабинете на подземном уровне Корпуса А, закинув ноги в тяжелых ботинках на стол. Перед ним светилась стена мониторов.

На экране номер четыре транслировалась картинка из блока изоляции Корпуса В. Уровень минус два. Камера 4-Б.

Марина Крылова сидела на узкой койке, подтянув колени к подбородку. На ней больше не было ее безупречно белого халата — только серая, безликая роба для «временно изолированных». Она не двигалась уже два часа. Просто смотрела в серую бетонную стену.

Она сломалась вчера в 22:30, всего через пятнадцать минут после того, как его люди забрали ее из жилого корпуса. Лосеву даже не пришлось применять спецсредства. Он просто показал ей распечатки ее перемещений. Показал, как она задерживалась в «слепых зонах», как нервно озиралась на камеры.

Она плакала. Говорила, что просто устала, что у нее паранойя, что она хотела уехать. Лосев слушал ее молча. Он знал, что она врет. Не во всем, но в главном. Система зафиксировала, что в пятницу вечером она провела в слепой зоне лаборатории вместе с Соколовой четыре минуты. За четыре минуты можно передать что угодно.

Лосев переключил монитор на другую вкладку. Телеметрия объекта С27-А. Зимин.

Графики пульса и гормонального фона Зимина за сегодняшний день выглядели как кардиограмма инфарктника. Скачок в коридоре, когда он разговаривал с Соколовой. Еще один скачок — когда она вышла из лаборатории.

Зимин врал. Этот генетический мутант, возомнивший себя человеком, играл в защитника.

Лосев с хрустом размял бычьей шеей. Его бесил Харитонов с его играми в «наблюдение» и «катализаторы». Харитонов смотрел на центр как на чашку Петри, а Лосев был тем, кому приходилось отмывать эту чашку от крови и дерьма, когда эксперимент выходил из-под контроля.

Директор приказал: *«Соколову не трогать. Она нужна мне живой и функциональной»*.

— Как скажете, Виктор Леонидович, — пробормотал Лосев, доставая из ящика стола электронную сигарету. — Не трогать так не трогать.

Но «не трогать» не означало «не искать». Если Крылова передала девчонке флешку или документы, Соколова должна была их где-то спрятать. Лосев не верил в случайности. Он верил в обыски.

Он нажал кнопку на интеркоме.

— Дежурный.

— Слушаю, Кирилл Андреевич.

— Завтра вторник. График «противопожарных проверок» в жилом блоке в силе. Но добавьте к нему лабораторный корпус. Включите магнитные сканеры. Ищите любые неучтенные носители информации. Особое внимание — рабочему месту Анны Соколовой. Переверните там все вверх дном, но найдите мне то, что ей отдала Крылова.

— Принято.

Лосев отключил связь и выпустил облако пара, снова переводя взгляд на монитор с Мариной.

Он собирался выпотрошить секреты Соколовой, а затем посмотреть, как ее «куратор» будет корчиться, пытаясь ее спасти. Охота началась.

Глава 16 В ловушке

ГЛАВА 16. В ЛОВУШКЕ

Понедельник для Ани начался еще ночью.

В два сорок семь она лежала в темноте с открытыми глазами и прокручивала в голове одну и ту же мысль: микроскоп. Старый, списанный, на дальней полке. Четыре винта. Планшет. Скотч. Достаточно ли этого?

Ей казалось, что она слышит, как в тишине апартаментов тикают не настенные часы, а механизм огромного капкана, в который она угодила. Воздух в комнате стал тяжелым, как в склепе. Аня накинула теплый свитер и вышла в застекленную галерею, соединяющую жилой и лабораторный корпуса. Ей нужно было увидеть горизонт, даже если этот горизонт ограничен бетонным забором.

В галерее было холодно. Стекло покрылось изнутри тонким узором инея. Она шла по темному переходу, когда увидела впереди силуэт. Алексей стоял у самого окна, прислонившись лбом к холодному стеклу. Его плечи были опущены, в этой позе не было привычной собранности — только бесконечная, выматывающая усталость.

— Опять бессонница? — спросил он, не оборачиваясь. Его голос прозвучал глухо, отразившись от стекол.

Аня остановилась в паре метров от него.

— В этой клетке сложно спать, Алексей. Стены слишком громко молчат.

Он медленно повернулся. В тусклом свете ночных фонарей его лицо казалось маской, высеченной из серого гранита. Под глазами залегли глубокие тени.

— Это не клетка, Аня. Это заповедник. Харитонов так считает. Здесь он выращивает свои лучшие идеи.

— А когда идеи начинают задавать вопросы, их вырывают с корнем? — Аня подошла ближе. Она видела, как от его тела исходит едва заметный пар — побочный эффект CASCADE, работающего на пределе.

— Завтра вторник. Проверка безопасности. Лосев будет искать то, что ты мне не отдала.

— Я уже говорила: у меня ничего нет.

Алексей внезапно шагнул вперед, сокращая дистанцию до нуля. Аня не успела отпрянуть, когда его руки легли ей на плечи. Здесь, в этой узкой полоске темноты, защищенной от объективов камер бетоном, он впервые позволил себе коснуться её по-настоящему.

Его ладони были обжигающе горячими даже через плотную ткань свитера. Аня вздрогнула — не от страха, а от этого первобытного, лихорадочного жара. Алексей сжал её плечи чуть сильнее, чем требовала вежливость, и она почувствовала, как его руки мелко, почти незаметно дрожат.

— Перестань врать мне, Аня, — прошептал он, склонившись к самому её уху. Его дыхание опалило кожу. — Я знаю, что ты прячешь что-то. Лосев тоже знает, чувствует страх. Если он увидит, что ты нервничаешь, он выпотрошит твою лабораторию до последнего винтика.

Аня подняла голову, глядя в его темные, лихорадочно блестящие глаза.

— Двести километров леса, Леша. Снег по колено. Даже если он найдет... бежать мне все равно некуда. Мы оба это знаем.

Алексей вдруг отпустил её плечи и на мгновение прижал ладонь к её щеке. Кожа была сухой и горячей, словно у него был сильный жар. Это касание было отчаянным, почти болезненным.

— Значит, сделай так, чтобы он не нашел. Сожми зубы и молчи. Притворись одной из них. Притворись просто шестеренкой. Это единственный способ выжить здесь.

— А ты? — прошептала она. — Ты — шестеренка?

Алексей горько усмехнулся и убрал руку так резко, будто обжегся об её кожу.

— Я — деталь, которую нельзя заменить, но можно выбросить, если она сломается. Возвращайся в комнату, Аня.

Он прошел мимо, скрывшись в глубине коридора. Аня осталась стоять в галерее. На её щеке всё еще горел след от его ладони, а в ушах звенел его хриплый шепот. «Пока я еще могу заставить себя тебя отпустить».

Двести километров.

Она стояла у окна и отогнула край инея пальцем. Территория «Велеса» лежала перед ней — черно-белая, заснеженная, пугающе тихая. Желтые круги фонарей на дорожках казались дырами в ткани реальности. Темные стены корпусов высились над снегом, как надгробия. Бетонный забор по периметру, утопающий в сугробах, светился под луной мертвенным блеском. А за забором начинался лес. Черный, непроглядный, бесконечный.

Эта цифра не давала ей покоя с первого дня. Двести километров леса до ближайшего города. Она помнила, как ехала сюда: сорок минут по узкой дороге без разметки, без указателей, без единого встречного автомобиля. Сосны стояли стеной по обеим сторонам. Ни деревни, ни заправки, ни намек на цивилизацию. Харитонов не просто выбрал удаленное место. Он выбрал пространство, где сама природа становилась частью системы безопасности. Даже если она каким-то чудом выйдет за ворота, обманет КПП и датчики движения — куда она пойдет? Январь. Снег по колено. Без машины, без телефона, без навигатора. Она превратится в ледяную статую раньше, чем пройдет первую десятку километров.

Аня прижала лоб к холодному стеклу. Перед ней вспыхнули воспоминания о первом дне. Она вспомнила, как смотрела на Прометея и чувствовала трепет. Вспомнила белый халат с ее именем и карточку «Добро пожаловать домой». Теперь это «домой» звучало как приговор. Храм науки оказался золоченой клеткой.

Утро понедельника принесло лишь новую порцию тревоги. Аня пришла в лабораторию в семь тридцать. Ей нужно было знать, осталась ли хоть какая-то щель во внешнем мире, которую Харитонов забыл зацементировать.

Она села за свой терминал и начала изучать архитектуру внутренней сети. Она не была хакером, но ее аналитический склад ума позволял видеть логические связи там, где другие видели просто код. Сеть была закрытой. Полностью. Никакого выхода в интернет, никаких внешних почтовых серверов. Все данные циркулировали внутри, как в герметичном сосуде. Единственная точка соприкосновения с миром — защищенный канал связи администрации, но он контролировался Лосевым на каждом этапе.

Аня попробовала найти скрытые протоколы, лазейки, оставленные программистами для техобслуживания. Она написала короткий скрипт, пытаясь «прощупать» шлюз. Система мгновенно выбросила красное предупреждение: *«Несанкционированная попытка доступа к сетевой инфраструктуре зафиксирована»*.

Она отпрянула от экрана, чувствуя, как сердце забилося в виски. Опять «зафиксирована». Еще одна запись в журнале, который Лосев просматривает за завтраком. Она поняла: в этой цифровой клетке нельзя даже подумать о побеге, не подняв тревогу. Харитонов был гением не только в генетике — он создал информационный вакуум, в котором Аня Соколова перестала существовать для всех, кроме него.

Оставался телефон в административном корпусе. Пять минут раз в неделю под тяжелым взглядом Жукова. Она вспомнила свой последний звонок Кате. Пять минут лжи. Пять минут, за которые нужно было скрыть ужас в голосе. Катя шутила про ОМОН, но Катя жила в мире, где полиция приезжает по вызову. Здесь, за двести километров леса, полиция была мифом. Если Аня попытается крикнуть о помощи, Элина Галиева просто увеличит дозу «успокоительного» и запишет в медкарту: «острый психоз на фоне переутомления».

Около одиннадцати Аня вышла к автомату с водой. Ей нужно было просто увидеть другое лицо, чтобы не сойти с ума от тишины. У кулера стоял Денис.

Он выглядел так, будто его выкопали из земли. Исхудавший, с восковой кожей и огромными черными зрачками. Его руки так сильно тряслись, что вода в пластиковом стаканчике расплескивалась, заливая пол. Он прижимал стакан к груди обеими ладонями, пытаясь унять тремор, но мышцы его не слушались.

— Денис, — тихо позвала она.

Он поднял на нее взгляд. В его глазах не было паники — только смирение. Глухое, абсолютное смирение человека, который знает, что его ресурс выработан.

— Слышала про Марину? — спросил он хрипло. Голос звучал как шелест сухой листвы. — Уехала. Как Костя.

— Денис, ты ведь сам не веришь в это. Где они на самом деле?

Он затравленно оглянулся на камеру.

— Уйти отсюда можно, Ань. Но для этого нужно перестать быть нужным. А когда ты перестаешь быть нужным в «Велесе» — ты перестаешь быть вообще. Совсем.

Он подволок левую ногу — эта новая деталь его разрушения была заметна теперь каждому — и пошел дальше. Аня смотрела ему вслед. Его плечи мелко подрагивали под халатом. Она понимала, что видит не болезнь, а результат «оптимизации». Денис переставал быть нужным. Его каскад завершался.

Вечером Аня не смогла сразу вернуться в комнату. Ей казалось, что стены там сжимаются, выдавливая из нее остатки воли. Она направилась в архив в цокольном этаже Корпуса А — место, пропахшее бумажной пылью и старыми отчетами. Там почти не было камер, и Лосев редко заглядывал в этот пыльный лабиринт.

Она бродила между стеллажами, пока не наткнулась на старую, задвинутую в угол фотографию в рамке. Снимок пятилетней давности. Группа сотрудников на фоне строящегося центра. Аня начала вглядываться в лица. Вот Марина Сергеевна — на пять лет моложе, смеется, прижимая к себе какую-то папку. Она выглядела счастливой. Рядом с ней — рослый мужчина в очках. Чуть поодаль — еще несколько человек.

Аня начала считать. Из тридцати человек на фото в центре сейчас работало только пятеро. Где остальные? «Переведены»? «Уехали по личным обстоятельствам»? «Вышли в тираж»? С фотографии на нее смотрели мертвецы, которые еще не знали, что их купили на вес.

— Увлекательное чтение, не правда ли, Анна Дмитриевна?

Аня вздрогнула так сильно, что едва не уронила рамку. Харитонов стоял в проходе между стеллажами. В этом подвальном полумраке его светлый костюм казался неестественно ярким, почти призрачным. Он стоял неподвижно, сложив руки за спиной, и его улыбка была безупречной.

— Виктор Леонидович. Я просто... зашла посмотреть историю центра.

— История — это важно, — Харитонов подошел ближе и мягко забрал у нее фотографию. Он посмотрел на нее с какой-то меланхоличной грустью. — Многие из тех, кто здесь запечатлен, не понимали главного. Они думали, что «Велес» — это всего лишь этап. А «Велес» — это финал. Конечная станция.

Он повернулся к ней, и Аня почувствовала, как от него исходит холодная, абсолютная уверенность. Директор положил руку ей на плечо. Ладонь была тяжелой и пугающе горячей.

— Вы выглядите бледной, Аня. Ваши глаза... в них слишком много лишнего шума. Это мешает концентрации. А ведь я выбрал вас именно за чистоту вашего разума.

— Я просто привыкаю к ответственности, — ответила она, стараясь не отшатнуться.

— Мир за этим забором — он серый и умирающий, — Харитонов чуть сжал ее плечо. — Там нет ничего, кроме очередей в магазинах и бессмысленной суеты обывателей. А здесь мы творим эволюцию. Мы — боги в этом лесу, Аня. И вы — мое самое ценное приобретение.

Он наклонился к ней, и его голос упал до доверительного шепота.

— Не тратьте время на мысли о внешнем мире. Там вас никто не поймет так, как понимаю я. Вы всегда были одиноки среди обычных людей, верно? Признайте это. Ваше место — здесь. Рядом со мной.

Он улыбнулся, и в его глазах блеснуло что-то хищное.

— Идите отдыхать. Завтра важный день. Мы начинаем подготовку к серии Е. И вы — сердце этого процесса.

Харитонов развернулся и ушел, оставив в пыльном воздухе архива тонкий запах дорогого табака и абсолютной, беспросветной власти. Аня стояла в темноте, чувствуя, как плечо, которого он касался, горит огнем. Он не просто нанял ее. Он действительно считал ее своей собственностью. Бриллиантом, который он планировал переогранить по своему вкусу.

Вернувшись в комнату, Аня достала свой контракт. Три страницы основного текста. Сорок страниц NDA. Двенадцать страниц внутреннего регламента. Ее подпись стояла на каждой странице.

Пункт 4.2: *«Сотрудник обязуется не покидать территорию центра без письменного разрешения директора».*

Пункт 7.1: *«Любая попытка несанкционированной передачи информации третьим лицам влечет за собой уголовную ответственность по статьям 183 и 275 УК РФ».*

Пункт 9.3: *«Досрочное расторжение контракта возможно только по инициативе работодателя».*

Только по инициативе работодателя. Не сотрудника. Работодателя.

Она перечитала эти пункты трижды. Потом четвертый раз. Никакого двойного дна, никакого мелкого шрифта. Просто факт: она не имела права уволиться. Три года.

«Это похоже на тюрьму», — честно сказал Харитонов еще на собеседовании в Москве. И она кивнула, потому что зарплата была астрономической, потому что оборудование было лучшим в мире, потому что ей нечего было терять и некого оставлять.

Она купилась. Как покупаются на красивую обертку, не заглядывая внутрь.

Аня прижала ладонь к холодному стеклу окна. За окном бетонный забор, облепленный снегом, казался границей между жизнью и небытием. Ни единого огонька в лесу. Никто в мире не знал, что она заперта здесь. Она чувствовала себя песчинкой в огромном механизме, который уже начал ее перемалывать.

— Ты знала, на что подписываешься, — прошептала она своему отражению.

— Нет, — ответила она сама себе. — Не знала.

Никто не знал. В этом и был секрет Харитонova. Он создал место, которое выглядело как рай, но работало по законам концлагеря. Место, куда люди приезжали с горящими глазами

и мечтами о великих открытиях. А потом обнаруживали, что мечта — это клетка, что открытия — это эксперименты над живыми людьми, и что единственный способ выбраться — это перестать быть нужным.

А перестать быть нужным — значит перестать быть.

Аня отвернулась от окна. В ее груди, под ребрами, росла холодная, расчетливая злость. Она не выберется отсюда завтра. И, возможно, не выберется через месяц. Но у нее есть данные CASCADE. У нее есть формулы. И теперь у нее есть знание того, что Харитонов боится одной вещи — потери своего «бриллианта».

Ей нужны союзники. Ей нужен план. И ей нужно время.

Завтра вторник. Завтра Лосев будет обыскивать ее комнату. Завтра она будет сидеть в лаборатории и улыбаться Маслову.

А флешка будет лежать на своем месте. Она должна выстоять. Ради Марины, ради Дениса и ради Алексея. И ради самой себя.

Глава 17 Срыв

ГЛАВА 17. СРЫВ

Его тело ему не принадлежало.

Алексей Зимин усвоил эту истину не сразу. В первый год после процедуры он еще обманывал себя, наслаждаясь новой, пугающей силой. А потом наступил день, когда ему забыли ввести препарат вовремя. И он понял: он не сверхчеловек. Он — арендованный механизм. И арендная плата взималась каждое утро.

Вторник начался так же, как тысяча дней до этого. Бетонная дорожка, шлюз Корпуса В, запах озона и стерильности.

Кабинет в медблоке освещался резким, белым светом. Врач уже приготовил шприц, но сегодня что-то было не так. Алексей почувствовал другой запах. Жидкость в шприце была темнее обычного.

Алексей молча сел в кресло, задрал рукав водолазки и сжал кулак. Игла вошла под кожу. Как только концентрат попал в кровь, по венам словно пустили жидкий азот, вперемешку с битым стеклом. Мышцы груди свело жесточайшим спазмом. Он рефлекторно вцепился свободной рукой в подлокотник кресла — металл жалобно хрустнул и погнулся под его пальцами.

Врач отшатнулся и бросился к монитору телеметрии.

— Нужно увеличить дозу, — глухо произнес он, глядя в монитор. — Показатели нестабильны. Клеточный распад ускоряется.

Алексей медленно разжал пальцы.

— Насколько нестабильны?

— Идет резистентность к базовому стабилизатору. Организм пытается отторгнуть искусственные нейронные связи. Я перевел вас на усиленный протокол, но... вам лучше поговорить с Виктором Леонидовичем. Следующая доза завтра.

Алексей натянул рукав водолазки. Он знал, что значит пропустить инъекцию или получить резистентность. Семьдесят два часа до судорог. Потом — смерть от распада нервной системы. Таймер, который тикал внутри него три года, вдруг ускорился.

Запах антисептика внезапно вызвал вспышку памяти, настолько яркую, что стены медблока словно растворились.

Госпиталь. Три года и четыре месяца назад.

Госпиталь был наполнен звуками бессилия: шарканье тапочек по линолеуму, приглушенный кашель, звон уток. Алексей лежал неподвижно, глядя в одну точку на потолке. Он знал эту точку — маленькая трещина в форме буквы «V».

Палата пахла хлоркой, застиранным бельём и чужим потом. За стеной кто-то стонал — монотонно, без надежды, как скулит собака, которую бросили на привязи. Алексей слушал этот звук и думал, что скоро начнёт стонать так же, потому что тишина внутри него была хуже любой боли.

Он не чувствовал ничего ниже груди. Абсолютно ничего. Словно его перерубили пополам, оставив верхнюю половину в сознании, а нижнюю похоронив заживо. Осколочно-фугасный снаряд в горном ущелье. Его группа попала в засаду. Он вытащил двоих, прежде чем взрывная волна швырнула его на камни, сломав позвоночник, как сухую ветку.

Врачи приходили на обход каждый день. Отводили глаза. Говорили тихо.

— Шансов нет, капитан. Полный разрыв спинного мозга. Готовьтесь к инвалидной коляске. Оформляем комиссование.

Он, человек, чье тело было его главным оружием, идеальным инструментом, смыслом его жизни, теперь был прикован к кровати. Овощ. Кусок мяса, который нужно переворачивать

каждые три часа, чтобы не было пролежней. Он не хотел так жить. Он уже высчитывал, как дотянуться до скальпеля на сестринской тележке, когда в палату вошел человек в дорогом пальто.

Это был Виктор Леонидович Харитонов. Обаятельный, седой, с той самой улыбкой, которая заставляла людей верить.

— Алексей Романович, — Харитонов сел на стул рядом с койкой. — Я читал ваше дело. Блестящий послужной список. Невероятная сила воли. Несправедливо, что такой потенциал гниет в этой палате.

— Кто вы? — сухо спросил Алексей.

— Тот, кто может вернуть вам ноги, — просто ответил Харитонов. Он достал из портфеля черную папку и положил ее на край кровати. — Экспериментальная терапия. Государственная программа, закрытый уровень. Технологии, опережающие время на пятьдесят лет. Мы восстановим разорванные связи в вашем позвоночнике. Но это потребует... некоторых изменений в вашей биологии.

Харитонов говорил долго, мягко, убедительно. Алексей слушал только половину. Он смотрел на папку. На документы.

— Подписать нужно здесь и здесь, — Харитонов протянул ему ручку.

Алексей взял ее. Его взгляд скользнул по строчкам мелкого шрифта в самом низу страницы: *«...пациент осознает риски возможных необратимых изменений генома, структурных мутаций и абсолютной зависимости от экзогенных препаратов...»*

Он не стал дочитывать. Ему было плевать на геном. Ему было плевать на зависимость. Все, что угодно — боль, мутации, дьявольский контракт — было лучше, чем лежать здесь и гнить, глядя в четыреста сорок две дырчатые плитки на потолке.

Он поставил подпись. Размашистую, злую.

Если бы он знал тогда, что подписывает согласие на уничтожение собственной души.

На выходе из процедурного кабинета Алексей столкнулся с Денисом. Парень сидел на банкетке, обхватив голову руками. Его рыжие волосы казались серыми в холодном свете ламп. Алексей почувствовал запах страха — едкий, кислый, он бил в ноздри сильнее, чем антисептик.

— Денис, — негромко позвал Алексей.

Савельев вскинул голову. Его зрачки были разными: левый расширен, правый сужен в точку. Анизокория — признак того, что мозг не справляется с нагрузкой.

— О, куратор... — Денис попытался улыбнуться, но его губа дернулась в нервном тике. — Ты тоже за «витаминками»? Знаешь, мне сегодня вкатили двойную. Сказали, я слишком быстро «выгораю». А я не выгораю, я просто... я слышу, как электричество течет по проводам в стенах, Леш. Гудит так, что челюсти сводит.

Алексей положил руку ему на плечо. Мышцы под тканью халата были твердыми, как натянутые тросы. Дениса бил мелкий озноб.

— Иди к себе, Денис. Постарайся поспать.

— Поспать... — Денис хрипло хохотнул. — Чтобы увидеть, как мои клетки распадаются под микроскопом? Нет уж. Я лучше погуляю. Пока ноги слушаются.

Алексей смотрел ему вслед и понимал: Савельев — это его будущее. Если усиленный стабилизатор не сработает, он превратится в такое же дерганое, галлюцинирующее существо. Харитонов называл это «ресурсом материала». Материал подходил к концу.

Он вышел из Корпуса В и направился к лабораторному блоку. Сегодня был вторник — день обысков Лосева. Ночью Алексей перенастроил протоколы магнитных сканеров для комнаты Ани, рискуя всем, что имел. Ему нужно было убедиться, что она выдержала.

Он вошел в стеклянную галерею Корпуса А и остановился. Навстречу ему шла Аня.

Она была другой. Не той загнанной, перепуганной женщиной, которую он видел последние дни. В ней появилось что-то новое — жёсткий, собранный фокус человека, который прошёл через огонь и не сгорел. Она шла быстро, прямо, и её глаза — те самые серо-зелёные глаза — смотрели вперёд с выражением, которое он узнал мгновенно. Он видел его в зеркале три года назад, когда впервые встал на ноги после процедуры. Выражение человека, который решил бороться.

Их взгляды встретились — на секунду, не больше. Аня чуть кивнула, не замедляя шага.

— Доброе утро, Анна Дмитриевна, — сказал он, проходя мимо. Его голос был безупречно ровным.

— Доброе утро, Алексей Романович, — ответила она деловито, сдержанно. Как коллеге. И прошла мимо.

Она прошла проверку. И она научилась носить маску.

В полдень коммуникатор Алексея завибрировал.

Два слова на экране: *«Зайди. В.Л.»*

Кабинет Харитонов был залит холодным январским солнцем, которое пробилось сквозь облака впервые за неделю. Свет лежал на полированном столе широкими белыми полосами и делал всё вокруг хирургически резким — каждую папку, каждую складку на свитере директора, каждую морщинку у его глаз.

Харитонов стоял у окна, заложив руки за спину. Привычная поза. Привычная улыбка, когда обернулся.

— Проходи, Алексей. Садись. Кофе?

Алексей не сел. Остался стоять у двери, руки вдоль тела.

Харитонов не стал настаивать. Налил себе из турки, сел в кресло, сделал глоток. Неторопливо, по-домашнему — как будто они были не в кабинете директора секретного центра, а на кухне у старого друга.

— Сегодняшние показатели телеметрии меня огорчили, — сказал он тем мягким, лекторским тоном, которым говорил о клеточных культурах и неудавшихся экспериментах. — Твоё тело устаёт, Лёша. Ресурс материала конечен. Ты это знаешь.

Алексей молчал.

Харитонов поставил чашку и посмотрел на него — с тем выражением, которое Алексей видел сотни раз. Участие. Забота. Отецеская теплота. Выражение, за которым не стояло ничего живого.

— Но я не для того тебя позвал, — Харитонов улыбнулся шире. — Я хочу поговорить о Соколовой. Она знает о проекте. Крылова передала ей данные — не спорь, Алексей, мы оба это знаем. Лосев не нашёл носители, но это вопрос времени.

Алексей стиснул зубы. Харитонов знал. Разумеется, знал. Он всегда знал.

— Если она нарушила NDA, — начал Алексей ровным голосом, — по протоколу Лосев должен...

— Забудь про Лосева, — мягко перебил Харитонов. Он встал и подошёл к окну, глядя на заснеженный лес. — Лосев видит в ней угрозу. Я вижу в ней — будущее. Лучшее, что попадало мне в руки за двенадцать лет.

Он помолчал. Потом повернулся, и его лицо было таким, каким оно бывало в моменты настоящего вдохновения — светлым, почти одухотворённым.

— CASCADE 28, Алексей. Новая серия. Знаешь, что меня всегда мучило? Мы создали силу. Мы создали скорость. Но интеллект — настоящий, глубокий, творческий — остался нетронутым. Потому что не было достойного носителя. А теперь есть.

Он говорил о ней, как говорил бы о редком минерале, найденном в породе.

— Представь, Алексей. Она больше не будет уставать. Не будет бояться. Не будет лежать ночами без сна, потому что тревога сжирает её изнутри. Мы уберём всё, что причиняет ей страдания. Потребность во сне — это слабость, которую можно преодолеть. Страх — атавизм, который мешает чистому мышлению. Мы освободим её разум от всего, что его сковывает. Мы подарим ей то, о чём мечтает каждый учёный — абсолютную ясность.

Он говорил это с такой нежностью, с таким искренним восхищением, что человек, не знающий правды, услышал бы в этих словах любовь. Заботу. Милосердие.

Алексей слышал другое. Он слышал: мы сотрём в ней всё, что делает её Аней. Её смех, когда она не ожидает шутки. Её злость, когда данные не сходятся. Её привычку вытаскивать пряди из хвоста, когда нервничает. Её «Лёша», произнесённое шёпотом в пустом коридоре.

Всё это Харитонов называл *страданием*, от которого он великодушно собирался её избавить.

— Она привязана к тебе, — продолжал Харитонов, и его голос стал ещё мягче. — Ты это чувствуешь. И она чувствует. Это прекрасно, Алексей. Прекрасно — потому что именно эта привязанность приведёт её ко мне. Когда она увидит, что твоё тело сдаёт — а она увидит, она слишком умна, — она захочет тебя спасти. И она придёт. Сама. Добровольно. Она согласится на модификацию, потому что я предложу ей то, от чего невозможно отказаться: формулу нового стабилизатора для тебя. Ей не нужно будет ничего терять. Ей нужно будет просто... стать лучшей версией себя.

Харитонов подошёл к Алексею и положил руку ему на плечо. Ладонь была тяжёлой и сухой. Жест отца. Жест хозяина.

— Твоя задача проста. Просто будь рядом. Пусть она видит, как тебе тяжело. Не нужно ничего говорить, не нужно ничего делать. Просто будь собой. Остальное сделает её сердце.

Он похлопал Алексея по плечу и вернулся к столу. Сел в кресло. Поднял чашку кофе.

— Свободен.

Алексей вышел из кабинета.

Коридор административного крыла был пустым, светлым, залитым тем же холодным январским солнцем. Его шаги по светлому полу звучали ровно. Идеальный ритм. Идеальная осанка. Ни один мускул на лице не выдавал того, что происходило внутри.

А внутри рушилось всё.

«Мы подарим ей абсолютную ясность.» Подарим. Как дарят цветы перед тем, как захлопнуть дверь клетки. Как дарили ему — новые ноги, новое тело, новую жизнь. И он был благодарен. Первый месяц — был. Пока не понял, что благодарность — это тоже поводок.

CASCADE 28. Аня. Первый образец. И он — наживка. Не враг, не тюремщик. Хуже. Беспомощная, разваливающаяся наживка, которую бросят умирать на глазах у женщины, чтобы она от отчаяния протянула руки к палачу.

Он не мог этого допустить.

Он спускался по лестнице, когда дорогу ему преградил Лосев. Начальник безопасности стоял посреди коридора, поигрывая тяжелой связкой ключей.

— Поговорил с «папой»? — Лосев оскалился в подобии улыбки. — Он у нас любит душевные беседы. Про эволюцию, про высшие цели. Только ты не обольщайся, Зимин. Для него ты — породистый жеребец, а я — тот, кто пристрелит тебя, когда ты сломаешь ногу.

Алексей прошел бы мимо, но Лосев, желая продемонстрировать власть, схватил его за локоть.

Ошибка.

Реакция CASCADE сработала раньше, чем Алексей успел подумать. Усиленная доза стабилизатора, агрессия после разговора с Харитоновым и прикосновение безопасника смешались в одну химическую вспышку.

Через долю секунды Лосев оказался прижат к бетонной стене, а предплечье Алексея давило ему на кадык. Ключи со звоном полетели на пол.

— Не трогай меня, Кирилл, — прошипел Алексей. Его голос вибрировал от сдерживаемой мощи, глаза потемнели. — Никогда.

Глаза Лосева выпучились, лицо начало багроветь от удушья, но в них не было страха. Только злобное торжество.

— Вот оно... — прохрипел он, брызгая слюной. — Агрессия. Резистентность дает побочку? Ты слетаешь с катушек, образец. Я доложу, что ты становишься неуправляемым.

Алексей медленно разжал руку. Усилием воли, забирающим последние остатки энергии, он отступил на шаг. Лосев согнулся, кашляя и потирая багровую шею.

— Докладывай, — бросил Алексей через плечо. — Но помни: если Харитонов узнает, что ты спровоцировал конфликт с его «лучшим вложением», утилизировать могут начать с тебя.

Он пошел дальше по коридору, чувствуя, как мелко дрожат пальцы. Лосев был прав. Он терял контроль. Побочный эффект CASCADE, который он подавлял три года, прорывался наружу — грязный, звериный, не имеющий ничего общего с тем холодным расчётом, которому его учили в спецподразделении. Это была не его злость. Это была злость вещества, которое текло в его венах и требовало разрушения.

Алексей зашел в технический узел на втором этаже. Здесь, за рядами серверных стоек, он сел за терминал. Пальцы легли на клавиатуру, и увеличенная доза CASCADE, гнавшая по нервам жидкий огонь, впервые за день сработала ему на пользу.

Он вошёл в модуль видеонаблюдения и начал прописывать фантомные маршруты. Ювелирная работа: перенаправить потоки данных так, чтобы в определённые часы — с двадцати двух до шести утра — камеры в коридоре третьего этажа жилого корпуса и в переходной галерее показывали зацикленную запись пустого пространства. Любой, кто будет смотреть мониторы в эти часы, увидит пустой коридор. Даже если по нему будет идти Аня.

Его руки дрожали. Каждый удар пальца по клавише отдавался в предплечьях мелкой вибрацией. Но он продолжал. Строка за строкой. Код за кодом.

Он создавал для неё невидимый коридор внутри этой тюрьмы.

Алексей вышел из системы и стёр следы своего входа. Откинулся на спинку стула. Серверные стойки гудели вокруг него ровным, монотонным гулом.

Он не будет приманкой. Он не будет рычагом, который Харитонов использует, чтобы сломать её. Впервые за три года Алексей Зимин принял решение не для «Велеса». Не для Харитонова. Не для CASCADE.

Для себя.

Слова Харитонова звучали в голове.

«Просто будь рядом. Пусть она видит, как тебе тяжело. Остальное сделает её сердце.»

Она не знала, что Харитонов уже выбрал её. Не знала, что CASCADE 28 — это она. Не знала, что человек, которому она доверяла, которого называла «Лёша», должен был стать приманкой в ловушке.

Он будет рядом. Но не для Харитонова.

Он будет рядом, потому что она — единственное настоящее, что у него осталось. И он скорее сдохнет в подвале Корпуса В, чем позволит им забрать у неё то, что они забрали у него.

Глава 18 Правда на двоих

ГЛАВА 18. ПРАВДА НА ДВОИХ

Воздух в комнате казался спёртым. Аня сбросила одеяло, села на кровати и уткнулась лицом в ладони. Сон не шёл. Последние три ночи она лишь проваливалась в липкий, тяжёлый бред, из оторого её выдёргивало собственное сердцебиение.

Перед глазами снова и снова всплывали строчки из файла С27-А.

Компрессионный перелом. Разорванный спинной мозг. Инвалидное кресло, которого он избежал, отдав своё тело Харитонову. Блокировка рецепторов. Таймер на семьдесят два часа.

Каждое утро он приносил ей кофе. Аня улыбалась, зная, что всего час назад ему вливали в вену дозу, без которой он умрёт. Каждый вечер он провожал её до дверей, а она шла рядом, осознавая, что его спокойствие — это искусственно выжженная способность чувствовать.

Эта обоюдная ложь душила хуже петли. Аня просто больше не могла делать вид, что ничего не знает.

Она натянула свитер прямо поверх пижамы и вышла из комнаты. Без плана, без долгих раздумий — просто внутри сорвало резьбу.

В коридоре Аня сразу вжалась лопатками в прохладную стену. Дежурное освещение бросало на пол бледные полосы, а под потолком чернели глазки камер. Если Лосев или его люди сейчас смотрят в мониторы, завтра её в «Велесе» уже не будет. Она замерла, прислушиваясь к тишине, но возвращаться в пустую комнату было ещё страшнее.

Дверь 308 находилась в самом конце коридора, за поворотом. Двадцать быстрых, бесшумных шагов в одних носках.

Она остановилась. Подняла руку, замялась на секунду, а затем коротко, костяшками пальцев постучала по дереву.

Тишина.

Потом раздались лёгкие шаги, и щёлкнул замок.

Алексей стоял в проёме и первое, что бросилось Ане в глаза, — его руки.

Он был в обычной серой майке. Без водолазки, без длинных рукавов.

На внутренних сгибах его локтей темнела россыпь точек. Старые, давно побелевшие следы перемежались со свежими, красноватыми проколами и тонкими ореолами синяков. Левая вена была вздута и потемнела от постоянных инъекций.

Аня стояла и смотрела на его руки, не в силах поднять глаза.

— Аня, — его голос прозвучал глухо. — Глубокая ночь. Тебе нельзя здесь быть.

— Я знаю.

Алексей проследил за её взглядом. Его лицо внезапно лишилось привычной каменной защиты. Он резко потянулся к водолазке, висевшей на спинке стула у двери — отработанное движение человека, привыкшего прятать себя от чужих глаз.

— Не надо, — Аня шагнула вперёд.

Его рука замерла.

— Не прячь, — тихо попросила она. — Пожалуйста. Все здесь делают вид, что всё нормально. Маслов и Наташа верят в эту иллюзию, потому что так проще. Денис врёт, что просто устал. Ты — не надо. Не со мной.

Алексей смотрел на неё. На шее у него быстро, неровно бился пульс. Он медленно опустил руку, оставив водолазку на стуле.

— Входи.

Комната была маленькой, почти пустой. Кровать, стол, шкаф, стул. Никаких фотографий, никаких книг, никаких следов личности. Казарма, а не жильё. Единственное, что отличало её от гостиничного номера, — запах: озон, металл и что-то горьковатое, лекарственное, ввевшееся в стены за три года ежедневных инъекций.

Алексей закрыл дверь. Не на ключ — просто прикрыл. Прошёл к окну, задернул штору. Повернулся к ней.

Они стояли друг напротив друга. Аня оглянулась, чтоб найти место, чтобы есть. Она посмотрела на кровать и села на самый край.

— Что это? — спросила Аня, кивнув на его руки. Хотя знала. Хотя читала об экзогенном препарате, о зависимости, о таймере в семьдесят два часа. Но ей нужно было услышать от него.

— Витамины, — ответил он. Автоматически, по привычке, как отвечал на все вопросы, которые задевали слишком близко.

Аня посмотрела на него. Молча. Долго.

— Не ври мне, — сказала она. — Пожалуйста. Только не ты.

Тишина. В комнате было слышно, как гудит вентиляция и где-то далеко, за стенами, ровно и мертво светятся матовые окна Корпуса В.

Алексей стоял у стены и смотрел на неё. На её лицо — бледное, осунувшееся, с тёмными кругами. На её руки, сжатые в кулаки на коленях. На её глаза, в которых не было ни страха, ни обвинения — только отчаянная, обжигающая потребность в правде. Любой правде. Хоть какой-нибудь.

Он молчал. Секунду. Пять. Десять.

Потом отлепился от стены, прошёл два шага и сел на стул напротив неё. Положил руки на колени — ладонями вверх. Открыто. Следы от игл — как карта, как летопись, как приговор.

— Я не могу рассказать тебе всё, — сказал он. Голос был тихим, без привычного контроля, без маски. Просто голос уставшего человека. — Если я расскажу всё — ты станешь мишенью. Большей, чем сейчас. А ты и так...

— Я и так мишень, Алексей. С того момента, как нашла файл C27-A.

Он дёрнулся. Едва заметно, но она увидела — и поняла, что попала.

— Я знаю про CASCADE. Знаю про модификации. — Аня сглотнула, её голос дрогнул. — Скажи мне... где они? Где Костя? Где Марина? Они ведь не уехали, да?

Она говорила ровно, фактами, без лишних эмоций. Но её руки тряслись, и она прижала их к бёдрам, чтобы он не видел.

Алексей закрыл глаза, словно её слова ударили его физически.

— В блоке изоляции. Под Корпусом В. Оттуда не уезжают, Аня.

Она кивнула, принимая этот удар.

— Я знаю, что этот центр — не то, чем кажется. И я знаю, что ты — часть этого. Не по своей воле. Но часть. Расскажи мне то, что можешь, — попросила Аня. — Хоть что-нибудь. Мне хватит куска правды.

Он заговорил не сразу.

Сначала встал, прошёл к маленькому столику, налил воды из графина. Выпил. Налил ещё. Она ждала, не торопила. Она понимала, что то, что сейчас произойдёт, стоит ему больше, чем всё остальное за это время.

Потом он сел обратно и начал говорить. Кусками. Обрывками. Как человек, который разучился говорить правду и заново подбирает слова.

— Здесь не только лечат болезни.

— Я знаю.

— Есть второй проект. Закрытый. О нём знают не все сотрудники. Только руководство, безопасность и... те, кто в нём участвует.

— CASCADE.

Он кивнул. Медленно, как будто каждое движение стоило усилия.

— Марина знала слишком много. Она работала здесь семь лет и видела вещи, которые... — он замолчал, подбирая слова. — Которые невозможно развидеть. Она молчала, потому что боялась. А потом перестала бояться. И это её погубило.

— Она жива?

— Пока да. Но... — он посмотрел на свои руки. — Я не знаю, надолго ли.

Аня закрыла глаза на секунду. Когда открыла — они блестели, но она не плакала. Не сейчас.

— А Денис?

— Денис... — Алексей сжал челюсти. — Денис такой же, как я. Как Костя. Как другие. Его тело не справляется с тем, что в него вложили. Он разрушается.

— Я видела его зрачки. Анизокория.

— Да. Мозг перегружен. Ему увеличили дозу стабилизатора, но это... это как тушить пожар бензином. Замедляет на время, ускоряет в перспективе.

— А ты? — спросила она тихо. — Тебе тоже увеличили?

Он не ответил. Но его молчание было красноречивее любых слов.

— Аня, — он подался вперёд, и его голос стал жёстче. — Ты в опасности. Настоящей. Лосев следит за каждым твоим шагом. Элина пишет на тебя досье. А Харитонов... — он осёкся.

— Что Харитонов?

Алексей сжал кулаки. На его скулах проступили желваки.

— Харитонов не видит в тебе сотрудника. Он видит в тебе... материал. Лучший материал, который попадал ему в руки. Он не причинит тебе вреда — пока. Но он играет в долгую игру, и ты — фигура на его доске. Если ты продолжишь копать, если дашь ему повод, он использует это. Он использует *всё*.

— Я не остановлюсь, — сказала Аня.

— Я знаю, — ответил он. И в этих двух словах было столько усталости, столько смирения, что Аня почувствовала, как что-то ломается у неё внутри. Не от страха — от боли за него.

— Я не могу тебя защитить, — сказал он тихо, глядя в пол. — Если ты не остановишься — я не смогу. У меня нет... — он замолчал. Сжал и разжал пальцы. — У меня нет ресурса. Я сам на поводке. Каждое утро я иду в Корпус В и получаю право прожить ещё один день. Если я нарушу правила — мне просто перестанут вводить препарат. Через трое суток от меня ничего не останется.

Он говорил это без жалости к себе. Без драмы. Как констатацию — сухую, медицинскую. Он выбрал ту правду, которую мог озвучить, и произнёс её так, как произносят диагнозы.

Аня слушала и чувствовала, как внутри неё происходит что-то необратимое. Злость, которую она копила неделями, — на Харитонова, на «Велес», на ложь, на свою беспомощность, — эта злость не исчезла. Она осталась, горячая и тяжёлая. Но к ней добавилось другое.

Она смотрела на его руки — изъеденные иглами, с вздувшейся веной, с побелевшими старыми точками — и видела не монстра. Не образец. Не объект С27-А. Она видела человека, который жил на химическом поводке, и каждое утро вставал, и шёл за своей дозой, и возвращался, и приносил ей кофе, и улыбался той тенью улыбки, которая была единственным, что ему оставили.

Он не враг. Он такая же жертва.

— Дай мне руку, — сказала она.

Алексей поднял глаза. В них было непонимание — настоящее, незащищённое, как у ребёнка, которому протягивают что-то и он не верит, что это ему.

Аня протянула руку и взяла его ладонь. Просто взяла — без спешки, без объяснений. Положила свою маленькую холодную ладонь на его большую горячую и сжала.

Он вздрогнул. Всем телом — короткая, мгновенная судорога, как будто через него пропустили ток. Аня почувствовала это и не отпустила. Держала.

Его рука была горячей — неестественно, лихорадочно горячей, как и всё его тело, работающее по чужим правилам. Но под этим жаром Аня чувствовала дрожь. Мелкую, глубокую, идущую откуда-то из самого центра его существа. Он дрожал не от холода и не от слабости. Он дрожал от того, что его касались. По-настоящему, без цели, без протокола, без расчёта. Просто рука в руке. Просто человеческое тепло.

Он не отнял руку. Сидел неподвижно, глядя на их переплетённые пальцы, и Аня видела, как его дыхание стало рваным, неровным — он, который контролировал каждый вдох, каждый выдох, каждый удар сердца, сейчас не мог справиться с дыханием.

— Я не дам тебя уничтожить, — сказал он тихо. Так тихо, что она скорее прочитала по губам, чем услышала.

— И я тебя, — ответила она.

Он поднял глаза. Она увидела в них что-то, от чего перестала дышать. Не желание — хотя оно было, глубоко, задавленное, загнанное под слои контроля. Не страх — хотя и он был, живой, острый, человеческий. Что-то другое. Что-то, для чего у неё не было названия, но что она узнала мгновенно, потому что чувствовала то же самое.

Как будто два человека, запертые в одиночных камерах, вдруг обнаружили, что стена между ними — не стена, а дверь.

Она не помнила, кто двинулся первым.

Может, она. Может, он. Может, это произошло одновременно — два тела, измученных одиночеством и ложью, просто перестали сопротивляться гравитации.

Его губы были горячими и сухими. Не мягкими — жёсткими, как у человека, который стискивает зубы так долго, что мышцы лица забыли, как расслабляться. Поцелуй не был нежным. Не был романтическим. Он был таким, каким бывает первый вдох после того, как тебя держали под водой, — рваным, отчаянным, почти болезненным.

Аня вцепилась в его майку — серую, тонкую, — и почувствовала под тканью его тело. Твёрдое, горячее, с мышцами, которые были натянуты, как стальные тросы. Он обхватил её лицо ладонями — осторожно, неумело, как человек, который боится сломать то, к чему прикасается. Его руки дрожали. Те самые руки, которые гнули металлические подлокотники, — дрожали, как у мальчишки.

Это длилось секунды. Или минуту. Или час. Время в этой маленькой, голой комнате перестало существовать — остались только его губы, его руки, его дыхание на её коже и его сердце, которое она чувствовала через ткань, — быстрое, неровное, бьющееся по чужим правилам, но сейчас, в эту секунду, бьющееся для неё.

Он отстранился первый.

Резко, как будто его ударили. Отпустил её лицо, отодвинулся, и между ними снова было полметра пространства и целая пропасть.

— Это ошибка, — сказал он. Голос сорванный, хриплый.

Аня смотрела на него. Её губы горели. Сердце колотилось где-то в горле.

— Может быть, — сказала она. — Но я давно не принимала решений, которые чувствовались правильными.

Он посмотрел на неё — и в его тёмных глазах было столько всего, что Аня не смогла бы перечислить, даже если бы попыталась. Боль, и нежность, и страх, и желание, и что-то ещё, глубже всего этого, — что-то огромное, тяжёлое, что он нёс в себе и впервые позволил выглянуть наружу.

— Ты не знаешь, что я такое, — сказал он.

— Я знаю достаточно.

— Нет. Ты знаешь данные. Файлы. Цифры. Ты не знаешь, каково это — просыпаться каждое утро и не быть уверенным, что ты ещё человек. Ты не знаешь, каково это — чувствовать, что твоё тело может убить кого-то одним движением, и при этом не мочь... — он замолчал. Сглотнул. — Не мочь даже обнять нормально. Потому что боишься сломать.

Аня встала. Подошла к нему. Он не отступил — сидел на стуле и смотрел на неё снизу вверх, и впервые за всё время их знакомства он выглядел не как каменная стена, а как человек, которого эта стена раздавила.

Она положила руку ему на голову. Просто положила ладонь на его короткие тёмные волосы. Он закрыл глаза. Его плечи, напряжённые, как арматура, вдруг опустились — медленно, тяжело, как будто он держал на них что-то огромное и наконец позволил этому упасть.

— Ты не сломаешь, — сказала она.

— Харитонов хочет сделать из тебя следующий образец, — сказал Алексей. Он произнёс это ровно, без эмоций, как человек, который уже переболел ужасом и остался с голым фактом. — CASCADE 28. Он считает, что твой мозг — идеальный материал.

Аня не вздрогнула. Не ахнула. Она приняла это так, как учёный принимает результат эксперимента, — молча, внутренне, давая информации осесть.

— Когда?

— Не сейчас. Он играет вдолгую. Ждёт, пока ты сама придёшь к нему.

— С чего бы мне к нему идти?

Алексей помолчал. Потом:

— Из-за меня. Он знает, что ты... — он не закончил. Но Аня поняла. — Его план — дать тебе увидеть, что моё тело сдаёт. Что я разрушаюсь. И тогда ты пойдёшь к нему и попросишь формулу нового стабилизатора для меня. А он предложит тебе сделку: стабилизатор — в обмен на модификацию.

Тишина. За окном ветер шевельнул ветку сосны, и тень скользнула по шторе.

— Он хорошо тебя просчитал, — сказал Алексей горько.

— Не так хорошо, как думает, — ответила Аня. Её голос был спокойным, твёрдым, и Алексей посмотрел на неё с выражением, в котором смешались удивление и что-то похожее на надежду.

— Я генетик, Алексей. Формула стабилизатора — это молекулярная структура. Её можно расшифровать. Воспроизвести. Мне нужна одна ампула и доступ к хроматографу. Мне не нужен Харитонов для этого.

— У тебя нет ампулы.

— Пока нет.

Он посмотрел на неё долго. Потом кивнул — едва заметно, одним движением.

— Я достану.

Аня убрала руку. Ей пора было возвращаться, пока охрана не начала обход. Они договорились без лишних слов. План только-только начал вырисовываться, но теперь она была не одна.

Она взялась за ручку двери.

— Леша, спасибо за правду.

Он стоял у окна, снова казавшийся собранным, но уже не каменным.

— Аня, — негромко позвал он.

Она обернулась.

— Я знаю про флешку, — сказал он. — Марина успела мне сказать перед тем, как её забрали.

Мир вокруг Ани остановился. Сердце пропустило тяжёлый, оглушающий удар.

Он знал. Всё это время он знал — и не доложил Лосеву. Защищал её, подставляя себя.

— Спокойной ночи, Аня, — добавил Алексей.

Дверь тихо закрылась за её спиной. Аня стояла в полутёмном коридоре, прижимаясь лопатками к

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.